

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

Учебно-научный центр изучения этнополитических
и этнокультурных процессов
Center for Ethnopolitical and Ethnocultural Processes Studies

ISSUES
OF ETHNOPOLITICS
№1 (1) 2018

Academic Journal

Moscow
2018

ВОПРОСЫ
ЭТНОПОЛИТИКИ
№1 (1) 2018

Научный журнал

Москва
2018

Редакционная коллегия

Главный редактор

Омаров М. А., доктор политических наук, главный научный сотрудник, директор УНЦ ИЭиЭП РГГУ.

Заместитель главного редактора

Масалович А. И., кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник УНЦ ИЭиЭП РГГУ, президент консорциума «Инфорус».

Члены редколлегии

Баах С. В., кандидат исторических наук, главный советник Управления Президента по внутренней политике Администрации Президента Российской Федерации.

Ролдугина О. Ю., кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник УНЦ ИЭиЭП РГГУ.

Чернышёва Е. Н., кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник УНЦ ИЭиЭП РГГУ.

Ответственный секретарь

Гаджимурадова Н. М., кандидат политических наук, старший научный сотрудник УНЦ ИЭиЭП РГГУ.

Редакционный совет

Магомедов М. М., доктор экономических наук, профессор, заместитель Руководителя Администрации Президента РФ.

Безбородов А. Б., доктор исторических наук, профессор, ректор РГГУ.

Мельниченко О. В., кандидат исторических наук, Председатель Комитета Совета Федерации ФС РФ по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера.

Гильмутдинов И. И., председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по делам национальностей.

Вагина Т. В., начальник Департамента национальной политики Управления Президента РФ по внутренней политике.

Сучков В. И., руководитель Департамента национальной политики и межрегиональных связей г. Москвы.

Авксентьев В. А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФИЦ «ЮНЦ РАН».

Ачкасов В. А., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии СПбГУ.

Большаков А. Г., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии КФУ.

Дробижева Л. М., доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН.

Зорин В. Ю., доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭА РАН.

Коваленко В. И., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики МГУ им. М. В. Ломоносова.

Мартынова М. Ю., доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИЭА РАН.

Михайлов В. А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХиГС при Президенте РФ.

Мухарямов Н. М., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права КГЭУ.

Павленко О. В., кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе РГГУ.

Шабаев Ю. П., доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

Шабров О. Ф., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС при Президенте РФ.

СОДЕРЖАНИЕ

Этнополитология

В. А. Ачкасов. Проблемы интерпретации базовых понятий в российской этнополитологии и этнополитике 11

М. А. Омаров. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира 23

Нациестроительство

Л. М. Дробижева. Динамика российской идентичности 31

Ю. П. Шабаев. Исторические корни современного финно-угорского паннационализма 38

Региональная этнополитика

В. А. Авксентьев. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски 55

Д. С. Джантеева. Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе 70

Политическая лингвистика

А. Г. Большаков. Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта 78

Н. М. Мухарямов. Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах 86

О. Б. Януш. Официальный статус языков меньшинств: опыт финно-угорских регионов России 93

Этнопсихология

В. К. Шабельников. Психологические проблемы реформирования российской нации 106

Этноконфликтология

А. К. Магомедов. Российский Север перед лицом актуальных и отложенных этнических проблем 119

CONTENTS

Ethnopolitology

V.A. Achkasov. The challenges in interpretation of basic concepts in the Russian ethnopolitology and ethnopolitics 11

M.A. Omarov. Civil society institutions and their role in preserving inter-ethnic peace 23

Nation building

L.M. Drobizheva. Dynamics of Russian identity 31

Yu. P. Shabaev. Historical roots of modern Finno-Ugric pan-nationalism 38

Regional Ethnopolitics

V.A. Avksentyev. Ethno-political processes in the North Caucasus: stabilization, factors, and risks. 55

D.S. Dzhanteeva. Communicative strategies of ethnonational policy in the North Caucasus 70

Political linguistics

A.G. Bolshakov. The language issue in Tatarstan: tension without conflict 78

N.M. Mukharyamov. Language policy and nation building in changing contexts 86

O.B. Yanush. The official status of minority languages: experience of the Finno-Ugric regions of Russia 93

Ethnopsychology

V.K. Shabelnikov. Psychological issues of reforming the Russian nation 106

Ethnoconflictology

A.K. Magomedov. The Russian North in the face of current and deferred ethnic issues 119

Дорогие друзья!

В ваших руках первый номер академического специализированного журнала «Вопросы этнополитики».

Наша страна веками складывалась как многонациональная, многоконфессиональная и поликультурная держава. Вопросы обеспечения гражданского единства и межнационального согласия находились, находятся и будут находиться в числе главных государственных приоритетов.

Ключевым документом в этой сфере является утвержденная Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, содержащая формулу: укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) на основе сохранения и развития этнокультурной самобытности народов России.

Реализация Стратегии требует глубокого понимания этнополитических процессов, их последовательного и комплексного изучения, интерпретации и прогноза. И в этой связи приобретает дополнительную актуальность экспертное сопровождение вопросов межнациональных отношений.

Язык, культура, историческая память, конфликтология, демографические и миграционные процессы — все эти и другие темы исследований, надеюсь, получат должное отражение на страницах журнала.

Полагаю, что журнал сможет занять достойную нишу среди академических изданий, быть востребованным всеми, кто интересуется теорией и практикой реализации государственной национальной политики, но, прежде всего, учеными, общественными деятелями, а также руководителями, нацеленными на принятие взвешенных и научно обоснованных управленческих решений.

Желаю авторскому коллективу успехов и энергии в этом важном начинании, а читателям — познавательных встреч с новыми интересными материалами.

*Заместитель
Руководителя Администрации
Президента Российской Федерации
М. Магомедов*

Уважаемые коллеги!

Вы держите в руках первый в России номер академического специализированного журнала «Вопросы этнополитики». Журнал посвящен вопросам реализации государственной национальной политики, этнополитологии, нациестроительства, роли этнических диаспор в политическом процессе, а также таким столь насущным и актуальным проблемам, как проблемы адаптации и интеграции мигрантов, роль и значение институтов гражданского общества в сохранении и гармонизации межэтнического мира.

Для нашей многонациональной страны, в которой проживают 193 народа, особенно актуальны и востребованы вопросы, связанные с взаимоотношениями представителей разных этносов, конфессий, культур, сохранением этнического многообразия и формированием единой гражданской нации.

Всего год с небольшим назад при активной поддержке Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям в Российском государственном гуманитарном университете был создан Учебно-научный центр изучения этнополитических и этнокультурных процессов.

Жизнь показала правильность и важность создания такого уникального учебно-научного центра, который стал одной из экспертно-аналитических площадок Совета Президента Российской Федерации по межнациональным отношениям, Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

За этот период Центром были проведены две крупные — экспертно-аналитическая и научная — конференции, посвященные реализации государственной национальной политики. В них приняли участие более двухсот ведущих ученых со всей страны.

Центром были подготовлены пять сборников экспертных докладов, в которых представлен анализ этнополитической ситуации и языковой политики в отдельных регионах Российской Федерации. Авторы сборников — профессора ведущих российских вузов и сотрудники лучших научных учреждений страны, занимающиеся изучением соответствующей проблематики.

Центром подготовлены программы повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, переподготовки кадров в сфере межнациональных отношений и проблем миграции, открыта магистратура «Этнополитика и миграция в современной России», набор в которую начнется в 2019 учебном году, где имеются, в том числе, и бюджетные места.

Создан и активно функционирует специализированный сайт Центра, на страницах которого размещается вся актуальная информация, освещающая работу как Центра, так и других профильных структур и ведомств.

Совсем недавно при Центре была создана Группа мониторинга и предупреждения межэтнических и межконфессиональных кон-

фликтов. Она подготовила два больших аналитических материала, упредивших возникновение конфликтных ситуаций в отдельных регионах страны.

Учебно-научный центр изучения этнополитических и этнокультурных процессов стал и инициатором издания данного журнала. Появилась специализированная площадка, где которой ведущие эксперты страны могут публиковать результаты своих исследований, апробировать разные модели и концепции, которые помогут найти наиболее оптимальные решения стоящих перед страной актуальных проблем.

Будем рады приветствовать на страницах журнала всех неравнодушных и заинтересованных ученых, экспертов и политиков.

Добро пожаловать!

*С уважением и надеждой на сотрудничество,
Ректор РГГУ А. Безбородов
Главный редактор М. Омаров*

УДК 323.1

Проблемы интерпретации базовых понятий в российской этнополитологии и этнополитике

В. А. Ачкасов

*Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, val-achkasov@yandex.ru*

Аннотация. В статье обсуждается ряд проблем, связанных с состоянием российской этнополитологии, прежде всего речь идет о господстве примордиалистского подхода в исследовании этнополитических явлений. Это находит выражение в понимании наций исключительно как этнокультурных общностей, интерпретации права на политическое самоопределение на языке этнического национализма, концептуализации происходящего в российском обществе как проявления (обострения, гармонизации) «межнациональных отношений» и т. д. В свою очередь, это имеет негативные практические следствия, поскольку «национальная политика» воспринимается в ее самом упрощенном варианте, т. е. как демонстрация этнокультурного многообразия через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций. В целом российская этнополитика складывается из ситуативных реакций на возникающие этнополитические проблемы и в силу этого не может оцениваться как результат осуществления последовательной политической стратегии, направленной на формирование российской гражданской нации.

Ключевые слова: российская этнополитология, «национальная политика», нация, народ, право на политическое самоопределение, этничность.

The challenges in interpretation of basic concepts in the Russian ethnopolitology and ethnopolitics

V. A. Achkasov

*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnopolitology,
Saint-Petersburg State University, Russia, val-achkasov@yandex.ru*

Abstract. The article discusses a number of problems related to the state of Russian ethnic political science, first of all, it is about the domination of the

primordialist approach in the study of ethnic political phenomena. This is reflected in the understanding of nations exclusively as ethnocultural communities, the interpretation of the right to political self-determination in the language of ethnic nationalism, the conceptualization of what is happening in Russian society as manifestations (aggravation, harmonization) of “interethnic relations”, etc. In turn, this has negative practical implications. The “national policy” is perceived in its most simplified form, i.e. as a demonstration of ethno-cultural diversity through various folk-festival events and support for ethnic organizations. In general, Russian ethnic policy is made up of situational reactions to the emerging ethnic political problems, and therefore cannot be assessed as a result of the implementation of a coherent political strategy aimed at the formation of a Russian civil nation.

Keywords: Russian ethnic political science, “national policy”, nation, people, right to political self-determination, ethnicity.

Десять лет назад Ю. П. Шабаев назвал статью, в которой анализировал состояние российской этнополитологии, — «Российская этнополитология: наука без «периферии» [1]. За прошедшие годы, казалось бы, периферия у этой науки появилась, однако дало ли это приращение знаний о реальных этнополитических явлениях и процессах? Очень сомнительно. Значительная часть появившихся публикаций написана либо с примордиалистских позиций, либо представляет некий «винегрет» из примордиализма, конструктивизма и инструментализма, и это несмотря на то, что интерпретация базовых понятий этнополитологии в рамках этих трех научных школ зачастую диаметрально противоположна.

Чтобы не быть голословным, приведу конкретные примеры. Как не без пафоса писал недавно один из наших коллег: «Никакая власть и никакая политическая элита не вправе определять, какой народ имеет право на собственную государственность, какой — только на национально-культурную автономию, а какому народу не полагается ничего. Решение по этому вопросу должен принимать сам народ, исходя из собственных потребностей и реальных возможностей» [2]. Однако еще шестьдесят лет назад Айвор Дженнингс, критикуя доктрину политического самоопределения, отметил: «На первый взгляд она кажется разумной: пусть народ решает. На самом деле она смешна, потому что народ не может решать, пока кто-то не решит, кто является народом» [3]. Действительно, что такое народ и нация? И какие человеческие коллективы могут претендовать на статус нации и народа?

В Новое время в Европе понятие «народ» тесно связывается с идеей народного суверенитета, которая получила распространение в Европе в период социальных революций XVIII–XIX столетий. Однако принцип народного суверенитета «всего лишь требует, чтобы государство получало свою власть от тех людей, которые его населяют. Он ничего не говорит о составе народа или о том, в какой степени его членам нужно отождествляться друг с другом» [4]. Поэтому сторонники этой идеи рассматривали «народ» лишь как исходный материал,

из которого в рамках территориального государства может сформироваться «нация» как межпоколенческое политическое сообщество, связанное прочными субъективными узами взаимной лояльности. В англоязычной литературе существует даже специальный термин *would-be-nation*. В соответствии с этим взглядом понятие «народ» используется для обозначения как бы низшего уровня национальной интеграции. Однако в условиях Восточной и Юго-Восточной Европы, отличающихся чрезвычайной этнической мозаичностью с одной стороны и длительным существованием государств имперского типа с другой, понятие «народ» отождествлялось и отождествляется с понятием «нация» и воспринималось и воспринимается как этническая и культурно-языковая общность, а его воспроизводство в истории как доказательство жизненной устойчивости и полноценности «нации».

Поэтому в национальных республиках России и сегодня утверждают: «Любая этнонация — это и есть народ. Сказать «русский народ» или «русская нация» (в этническом смысле) — это одно и то же. Ни одна нация не согласится с тем, что она не является народом» [5]. Однако если этнонация — это и есть народ, то в национальных республиках РФ носителем всей полноты власти и субъектом самоопределения является не все их постоянное население — демос, а так называемая титульная этнонация, равная народу?

Этничность не может служить основой для государственности и потому международное право не признает за этническими группами право на политическое самоопределение. Тем не менее, как отмечает В. А. Тишков, отечественные юристы «даже международно-правовые документы и декларации о самоопределении народов и т. п. умудрились изложить на языке этнического национализма, хотя международное право понимает под категорией «народ» территориальное сообщество («демос», а не «этнос») и не признает этнический партикуляризм в качестве государствообразующего принципа» [6].

Трактовка государственности республик в составе РФ как формы самоопределения «титульного этноса/нации» в условиях, когда границы расселения народов далеко не совпадают с границами национальных республик (только треть народов, давших наименование республикам и автономным образованиям, проживает в их пределах, а в большинстве из них так называемая титульная нация по своей численности составляет менее половины населения), ведет не только к этнизации проблемы самоопределения, но и имеет следствием соответствующее распределение властных полномочий, выбор принципов подбора кадров и дискриминацию представителей не титульных народов. Как возможный результат такой политической практики — формирование клановой и этнической солидарности и усиление межэтнической напряженности.

Грешат этническим национализмом не только российские юристы, но и представители других общественных наук. Так, питерский политолог пишет: «Политическая, территориальная, федеральная, религиозная и другие общности выступают как вторичные, которыми обрастают этнические общности на определенных стадиях своего раз-

вития... Важно помнить, что фундаментальные права людей и народов определяются не их численностью, а тем, что каждый из них является самостоятельным субъектом и объектом общественных процессов и как таковой равноправен. Однако международное право считает свободными и равноправными, и то часто на словах, только так называемые государствообразующие нации, определяя остальных как «меньшинства» [7].

Однако, во-первых, представление об общей этнической принадлежности не делает социокультурные группы нациями. «Национализм — это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее данных сообществ, — отмечал Э. Геллнер. — Это, напротив, формирование новых сообществ, соответствующих современным условиям, хотя и использующих в качестве сырья культурное историческое и прочее наследие донационалистического мира» [8].

Во-вторых, неясно, что такое «государствообразующие нации». Если этот термин используется для определения положения в России русского народа, то возрождает этническую иерархию, с наделением каждого народа разным статусом и правами, построенную в советские времена: русский народ имел статус «старшего брата», остальные народы занимали соответствующее, отведенное им место в этноиерархии. Как результат, закрепленное в Конституции Российской Федерации равноправие всех народов страны не стало и сегодня общепризнанной нормой. С тем, что все граждане России, вне зависимости от национальности, должны обладать равными правами, солидарны только 64 % опрошенных россиян. Каждый третий (31 %) полагает, что русские должны иметь в России больше прав, чем другие народы. Причем идею привилегированности русских вдвое чаще разделяют сами русские, чем представители других народов (34 против 15 % в среднем). В целом же 37 % граждан России выступают за то, чтобы русские в Российской Федерации и коренные народы в национальных республиках и округах имели больше прав, чем все другие [9].

В-третьих, очень немногие отечественные исследователи задаются вопросом, насколько корректно рассматривать такое условное множество, как «этнос» или так называемое национальное меньшинство, в качестве субъекта права: имеет ли такая общность признаки правового субъекта? «Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать свои права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции» [10], о некоем мегаантропосе, от имени которого действуют этнократические элиты. Именно этот феномен Р. Брубейкер назвал «группизмом», описывая его как «тенденцию к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, которым могут быть приписаны интересы и деятельность» [11].

Право на политическое самоопределение как раз и представляет наиболее яркий пример такой фиктивной правовой нормы, т. е. «вербальной конструкции, составленной как общезначимое правило, на основе которого не могут возникнуть правовые отношения» [12]. Более

того, очень часто право на национальное самоопределение «преподносится как право первого порядка, принцип, на который мы можем положиться, чтобы установить минимально приемлемые критерии для легитимного деления мира на разные политические сообщества, — пишет Б. Як. — В действительности оно всего лишь дает благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, проистекающих из притязаний, касающихся родных земель, давнего проживания, несправедливой оккупации, нечестного обращения и так далее» [13].

Поэтому, как считают многие исследователи, конфликты на почве политического самоопределения приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах современного мира, подрывают демократию, а политические институты самоопределения и даже автономии могут серьезно затруднять движение к демократии. Так, после распада Советского Союза, «...апеллируя к праву народов на политическое самоопределение, республиканские этнократы фактически конституировали этническое неравенство, создали конституционно-правовые предпосылки для институализированной этносоциальной дискриминации» [14]. Сегодня же многие политики национальных республик России считают, что формирование российской политической нации является угрозой для существования их этнонаций, а некоторые «ученые» считают, что достижение этой цели практически невозможно. «Объединить этносы практически невозможно, — писали несколько лет назад петербургские «этнопсихологи» А. М. Зимичев и А. В. Забарин, — поскольку никто из этносов не откажется от своего «МЫ» в пользу некоего «ОНО» (выделено у авторов. — Примеч. В. А.). Этого никто не хочет» [15].

Господствующая в России парадигма публичных дискуссий — «межнациональные отношения» — также отнюдь не безобидна. «Концептуализируя происходящее в обществе как проявление (обострение, гармонизация и так далее) «межнациональных отношений», мы перестаем видеть реальных людей. Вместо реальных групп интересов и реальных организаций агентами социального взаимодействия оказываются опять же «этносы», — отмечает В. С. Малахов [16]. В другой работе исследователь определяет этот подход как «методологической этноцентризм», то есть взгляд на общество как на конгломерат «этносов», в котором этническое всецело закрывает собой социальное, экономическое и политическое [17]. Так, обосновывая необходимость расширения политической автономии для российских этнических наций, исследователь из Татарстана М. Х. Фарукшин пишет: «Политическая автономия территориально сконцентрированных этнических меньшинств помогает сохранению культурного наследия, а использование титульной этнической политической элитой имеющихся институциональных ресурсов позволяет сопротивляться ассимиляции. Это тем более важно подчеркнуть, что в практическом плане в условиях общественного спокойствия федеральная власть, как показывает опыт России и других федераций, не имеет особых стимулов для сохранения и развития национальных меньшинств и более склонна поддерживать

ассимиляционные процессы на основе сближения и растворения этих меньшинств в доминирующей нации». (Вот пример оценки главной цели «Стратегии государственной национальной политики РФ...» — формирования российской гражданской нации — интеллектуалом из национальной республики. — Примеч. В. А.) Поэтому «главной целью этнополитики федеральной власти является лишь предупреждение конфликтных ситуаций на этнической почве» [18].

Однако такая этнополитика, строящаяся исключительно на признании и защите групповых прав «титовых этносов/наций», практически всегда влечет за собой произвол и неравенство, так как сам отбор привилегированных групп, равно как и определение того, кто к каким группам принадлежит, является вполне произвольным. Следствием такой политики является своего рода система «апартеида наоборот» или «позитивной дискриминации», при которой возможности и права людей определяются случайным в нравственном отношении фактом этнической принадлежности, а не реальными заслугами или нуждами людей.

Еще в XIX веке получило распространение представление о том, что «...демократическое государство основано на политическом участии демоса (населения), а национализм обеспечивает то возможное определение состава демоса, при котором он может совпадать, но может и не совпадать с населением государства» [19]. Однако в нашей стране, как и в государствах постсоветского пространства, доминирует понимание нации как этнокультурной общности, а государства — как собственности этой общности. «Этнонационализм как политическая программа, — отмечает В. А. Тишков, — в данный момент одержал верх над другими идеями и политическими принципами во всех республиках, завоевал мощное социально-политическое пространство и в России как на федеральном, так и на региональном уровне (особенно в бывших автономных республиках). Суть этой идеи и программы, которая мощно подпитывалась всем прошлым и нынешним общественным сознанием (особенно через так называемую марксистско-ленинскую теорию наций), состоит в том, что нации объявляются типом этнической общности, этносоциальным организмом, единственной основой для легитимации государственности, создания жизнеспособных экономических систем и социально-культурных институтов» [20]. В силу этого государство «воображается» как государство определенной этнонациональной группы. Поэтому, для того чтобы государство соответствовало такому идеалу, его необходимо «национализировать», то есть сделать его «собственностью» этнонации, «поощряя язык, культуру, демографическое преобладание, экономическое процветание или политическое гегемонно этнокультурной нации, номинально являющейся государствообразующей» [21]. Это практически неизбежно порождает неприятие «этнически чуждых» и часто становится причиной конфликтов.

До конца 1990-х годов высокая этническая толерантность русских в немалой степени обеспечивала сохранение политической стабильности в стране в условиях, когда российские национальные меньшин-

ства в лице своих «этнических предпринимателей» предъявляли все новые требования «старшему брату». Следует согласиться с тем, что в этот исторический период «этнократия и этнический национализм стали источником силы региональных элит, их аргументом в торге с федеральными властями и способом защиты от «чужих» на своей деланке» [22].

Однако на рубеже веков ситуация меняется, с начала 2000-х годов среди русских доля людей, ощущающих ту или иную угрозу для себя со стороны представителей других народов, живущих в России, стала почти в два раза выше, чем у представителей иных этнических групп [23]. По данным ВЦИОМ, и сегодня каждый четвертый русский (25 %) испытывает недоверие или неприязнь к представителям других народов [24].

Конечно же, изменение этой ситуации происходило не одномоментно, а в результате достаточно длительной «кумуляции обид» [25]. И поскольку «национальная принадлежность», то есть этничность, большинством россиян мыслится как нечто врожденное и неизменное, а «этнос» рассматриваются как самостоятельные субъекты социального действия, постольку на практике это вело (в начале 1990-х годов) к пониманию «национального самоопределения» как политического самоопределения этнической группы («титულიной нации»), а сегодня почти неизбежно провоцирует неприятие все более массовых групп трудовых мигрантов иной национальной (то есть этнической) принадлежности и конфликтное противостояние с ними. Если нация — это этнос, то отнюдь не все население и даже граждане страны могут в нее включаться и наделяться равными гражданскими правами, и, конечно же, из российской нации исключаются мигранты, особенно так называемые видимые мигранты. Ведь случаи агрессии против «чужих» определяются не столько этнокультурными, сколько расовыми, фенотипическими отличиями.

В России идет процесс этнизации и расиализации все более широких сфер социального пространства и вытеснения гражданских идеалов солидарности. «В последние двадцать лет под предлогом необходимости внимания к развитию языка и культурных традиций различных народов РФ фактически был разрушен фундамент советского интернационализма и происходила последовательная сегментация российского общества, разделение его на этнические и этноконфессиональные сектора. Этничность превратилась в эффективный политический инструмент и важный социальный маркер. Неслучайно не только происходит ослабление гражданской солидарности, но и прослеживается очевидный рост ксенофобских настроений...» [26]. В то же время практически ничего не делается для осуществления мониторинга этнополитической ситуации в регионах и культивирования общегражданской российской идентичности. «Разнообразие решаемых в региональных программах задач в сфере государственной национальной политики невелико, — констатируют авторы экспертизы государственных региональных программ в сфере национальной политики. — Ни одна из программ,

прошедших экспертизу, не охватывает и половины задач, сформулированных в Стратегии. Большая часть региональных госпрограмм включает в себя менее одной трети требуемого тематического списка направлений (всего их одиннадцать)... К сожалению, мониторинг (межэтнических отношений. — Примеч. В. А.) и превентивные меры являются слабым звеном подавляющего большинства региональных программ... Это важнейшее направление ГНП, как правило, стоит на одном из последних мест по объемам финансирования, либо реализовывать его предполагается вообще без денег, вернее, в рамках текущего финансирования организаций-исполнителей... В отношении использования программных средств, которое можно расценить как нецелевое, ведущее место по частоте встречаемости и существенным объемам денег (от 8 до 68 % от общего объема финансирования программы) занимает подпрограмма, которая направлена на обеспечение реализации или совершенствование управления реализацией госпрограммы» и т. д. и т. п. [27].

Контрагентами чиновников, ответственных за реализацию национальной политики, как правило, выступает крайне ограниченный круг так называемых национальных лидеров, а точнее этнических антрепренеров, руководствующихся в своих действиях преимущественно личными амбициями и интересами, но выступающих от имени «национальных общин». Этнических антрепренеров не только включают в состав экспертных советов и общественных советов, но и инкорпорируют в институты этнополитики, в региональные властные структуры. Сами институты этнополитики в регионах не имеют достаточных финансовых ресурсов, не определили четко сферу своих компетенций, отсюда дублирование функций. Как отмечалось в Итоговом докладе о деятельности ФАДН в 2015 г.: «В настоящее время мероприятия по реализации Стратегии не носят программно-целевого системного подхода. Многие из них не обеспечены финансированием, часть реализуется в рамках государственных и федеральных целевых программ, в которых главным исполнителем определены различные федеральные органы исполнительной власти» [28]. В региональных (как, впрочем, и в центральных) институтах этнополитики очевиден дефицит специалистов с хорошей этнологической и этнополитической подготовкой. Названный дефицит неизбежно ведет к тому, что этнополитика воспринимается в ее самом упрощенном варианте, т. е. как демонстрация этнокультурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций и национально-культурных автономий. При этом русские, как и в советские времена, остаются «незамеченным элементом национальной политики» (П. Гобл).

Неслучайно многие эксперты резонно отмечают тесную связь и преемственность концептуальных оснований и практики российской этнополитики с теоретическими постулатами и практикой советской «национальной политики», результаты которой хорошо известны. В целом же российская этнополитика во многом складывается из ситуативных реакций на возникающие этнополитические проблемы и в

силу этого не может оцениваться как результат осуществления последовательной политической стратегии.

Как резонно отмечает А. Захаров: «Грань, разделяющая естественное стремление сохранить свою культуру и этническую идентичность и мечты о создании этнической государственности, не столь велика, как может показаться на первый взгляд. Не умея или не желая обеспечить реальное равноправие граждан страны вне зависимости от места их проживания, государство подрывает основы собственной целостности» [29]. Продолжая политику «совершенствования национально-территориальных основ» нашей федерации и в связи с этим впадая в «одержимость пропагандой «многонациональности» при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно-ориентированной общности» (В. А. Тишков) [30], российские элиты, прежде всего региональные, работают отнюдь не на сохранение единства страны. Это, как представляется, служит очень серьезным препятствием на пути к заявленной в Стратегии государственной национальной политики РФ цели — формирования российской гражданской нации.

Что следует отнести к числу наиболее сложных проблем и основных направлений осуществления российской этнополитики? Очевидно, что в числе таковых нужно отметить следующие:

1. Постоянный мониторинг и профессиональный экспертный анализ этнокультурных и социально-экономических процессов на федеральном и региональном уровне и принятие на основе этого анализа комплекса решений в координации с другими управленческими структурами, которые обеспечивают социальное благополучие местных этнокультурных групп и исключают совмещение этнической топографии с топографией бедности и неблагополучия.

2. Профилактика межэтнической и межконфессиональной конфликтности. Интеграция российских регионов в единое экономическое и политическое пространство, формирование российской гражданской нации как основы российской государственности с помощью целенаправленной интеграционной социально-экономической и символической политики в центре и на местах.

3. Укрепление культуры толерантности, воспитание гражданской солидарности, формирование общероссийской идентичности. Термин «национальный» должен стать синонимом «государственный».

4. Защита культурных прав всех граждан России и удовлетворение их культурных интересов.

5. Политическая ущемленность русских и моральная дезориентация (особенно в национальных республиках) требует, чтобы русские как этническая общность, их статус и культура стали объектами этнополитики в РФ.

6. Необходимо расширение представительства нерусских народов в руководящем составе федеральных министерств и ведомств, в дипломатическом корпусе, в офицерских кадрах. Необходимо расширить объем радио- и телевидения на языках народов РФ.

7. Должны поощряться ассоциации, объединения, коллективы, построенные на территориальных, хозяйственных, профессиональных

принципах. Эти коалиции должны пересекать этнические границы, затруднять образование моноэтнических группировок, переводить соперничество на внеэтнический уровень.

8. Необходимо препятствовать резкой социально-экономической стратификации по этническим признакам, предотвращать явные диспропорции в социально-экономических условиях жизни непосредственно контактирующих групп, обеспечивать равные условия для социального продвижения граждан независимо от их этнической принадлежности.

9. Этнические общины в крупных городах России должны получить право на различные формы общественного самоуправления, культурно ориентированную хозяйственную деятельность, организацию образовательного процесса любого уровня, собственные культурные учреждения, общественные фонды, разнообразные связи с родственными этническими группами в России и за рубежом. «Не вместо, а вместе с национально-государственными образованиями национально-культурная автономия является важнейшей формой национально-самоопределения народов России» (В. А. Тишков).

10. Необходимо создать общероссийскую систему профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров, осуществляющих реализацию государственной этнополитики.

Таким образом, основой формирования в России гражданской нации должна выступать ориентация на решение реально существующих социально-экономических и политических проблем в сочетании с изменением характера дискуссий вокруг национального, этнического, культурного, конфессионального, предполагающее отказ от примордиализма и «натурализации» «этносов».

Литература

1. *Шабает Ю. П.* Российская этнополитология: наука без «периферии» // Политическая наука в России: проблемы, направления, школы, 1990–2007. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 145–164.

2. *Фарушкин М. Х.* Этничность и федерализм. Казань, Центр инновационных технологий, 2013. С. 102.

3. *Jennings I. W.* The Approach to Self-Government. — New York: Cambridge University Press, 1956. P. 56.

4. *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд. ин-та Гайдара, 2017. С. 408.

5. *Фарушкин М. Х.* Этничность и федерализм... С. 67.

6. *Тишков В. А.* Российская нация и ее критики // Национализм в мировой истории / Тишков В. А., Шнирельман В. А. (ред). М.: Наука, 2007. С. 579.

7. Современная философия прав народов // Материалы коллоквиума, посвященного десятилетию декларации ООН «О правах корен-

ных народов» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 2016. Т. 12, № 4. С. 100, 102.

8. *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 115.

9. *Хайкин С. Р., Бережкова С. Б.* Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей // Мониторинг общественного мнения. № 5 (135), сентябрь — октябрь 2016. С. 105–106.

10. *Осипов А.* Эссенциалистские представления об этничности в системах преподавания правовых специальностей // Расизм в языке образования / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетей, 2008. С. 147.

11. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 23.

12. *Осипов А.* Эссенциалистские представления об этничности... С. 148.

13. *Як Б.* Национализм и моральная философия сообщества... С. 398.

14. *Филиппов В. Р.* Критика этнического федерализма. М.: ЦЦРИ РАН, 2003. С. 81.

15. *Зимичев А. М., Забарин А. В.* К проблеме толерантности-интолерантности этносов // Вестник политической психологии. Бюллетень. СПб., 2008, № 1 (8). С. 47.

16. *Малахов В. С.* Расовый образ мысли после расизма: случай России на общеевропейском фоне // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 136–137.

17. *Малахов В. С.* Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 50.

18. *Фарукишин М. Х.* Этничность и федерализм... С. 66.

19. *Линц Х., Степан А.* «Государственность», национализм и демократия // Полис, 1997, № 5.

20. *Тишков В. А.* Дилемма новой России как многоэтнического государства // Права человека и межнациональные отношения / Отв. ред. Лукашева Е. А. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 87.

21. *Brubaker R.* Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1996. P. 65 (footnote).

22. *Силаев Н.* Город на холме. Проблема межэтнических отношений неразрешима в рамках национальной политики // Эксперт, 2001, № 7. С. 67.

23. *Паин Э.* Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004. С. 190–191.

24. *Хайкин С. Р., Бережкова С. Б.* Социологический мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений Федерального агентства по делам национальностей... С. 108.

25. Так, за первые пятнадцать лет нового века с 18 до 36 % вырос удельный вес русских, считающих, что интересы русских защищены

хуже, чем интересы представителей других национальностей России (Национальный вопрос в России. ВЦИОМ, 2015. — URL: https://wciom.u/fileadmin/file/reports_conferences/2015/2015-09-11-nac_otnosheniya.pdf).

26. *Шабает Ю., Садохин А.* Программа гражданской интеграции: формирование гражданского общества в полиэтнической России // Вестник российской нации, 2011, № 3. С. 20.

27. *Кульбачевская О.* Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017, № 2. С. 130, 131, 135.

28. Итоговый доклад о деятельности ФАДН России в 2015 г. и задачах на 2016 г. от 17 марта 2016 г. // Официальный сайт ФАДН России. — URL: <http://fadn.gov.ru/agency/kollegiya/reports>.

29. *Захаров А.* E pluribus unum. Очерки современного федерализма. М.: Моск. школа политических исследований, 2003. С. 139.

30. *Тихов В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. 2-е изд. М.: Наука, 2005. С. 195.

Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира*

М. А. Омаров

Доктор политических наук, главный научный сотрудник, директор Учебно-научного центра изучения этнополитических и этнокультурных процессов РГГУ, omarovm@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль современных институтов гражданского общества в сохранении и развитии межнационального мира и согласия, гармонизации межэтнических отношений. Подчеркивается, что традиционные институты гражданского общества в разных регионах России, складывавшиеся столетиями, не только не утратили свои потенциальные возможности в решении тех или иных проблем общественной жизни, но и способны эффективно взаимодействовать с государственными и общественными институтами в сохранении и укреплении межнационального мира и диалога, тем самым способствуя формированию общероссийской идентичности, развитию и укреплению российской нации.

Ключевые слова: институты гражданского общества, традиции, межэтнический мир, джамаат, тейп, обычаи, национальная политика, гражданское общество, этнические диаспоры, национально-культурные автономии, этнонациональная политика.

Civil society institutions and their role in preserving inter-ethnic peace

M.A. Omarov

Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Director of the Center for Ethnopolitical and Ethnocultural Processes Studies, Russian State Humanitarian University, omarovm@list.ru

Abstract: The role of modern institutes of civil society in preservation and development of international peace and harmony, harmonization of the interethnic relations is considered. It is emphasized that traditional institutions of civil society in different regions of Russia which developed centuries not only did not lose the potential opportunities in the solution of these or those problems of public life,

* Авторская доработка статьи 2014 г. [1], необходимость которой вызвана возрастающей ролью институтов гражданского общества в укреплении межэтнического мира и согласия.

but also are capable to interact effectively with the state and public institutions in preservation and strengthening of the international world and dialogue, thereby contributing to formation of the all-Russian identity, the development and strengthening of the Russian nation.

Keywords: civil society institutions, traditions, inter-ethnic world, Jamaat, teip, customs, national politics, civil society, ethnic diasporas, national-cultural autonomies, ethno-national politics.

Говоря о роли институтов гражданского общества в разных общественно-политических процессах, в нашем конкретном случае — в сохранении и укреплении межэтнического мира и гражданского согласия, определимся с ключевыми понятиями: «гражданским обществом» и «институтами гражданского общества».

Гражданское общество — это сфера общества, где человек является высшей ценностью с соблюдением, в первую очередь, прав и свобод, с естественным проявлением гражданской самоорганизации, формированием ассоциаций и организаций, способствующих снижению прямого вмешательства и регулирования властно-государственными структурами частных и общественных интересов граждан, но находящихся в тесном взаимодействии с государственными институтами.

Признаками гражданского общества, по относительно устоявшему мнению, являются: наличие в обществе свободных владельцев средств производства; развитая демократия; правовая защищенность граждан; определенный уровень гражданской культуры; высокий образовательный уровень населения; наиболее полное обеспечение прав и свобод человека; самоуправление; конкуренция образующих его структур и различных групп людей; свободно формирующиеся общественные мнения и плюрализм; сильная социальная политика государства; многоукладная экономика; большой удельный вес в обществе среднего класса.

Важнейшей характеристикой гражданского общества является достижение существенного уровня самоорганизации и саморегуляции общества. Соответственно, организованные сообщества людей или социально-политических групп, способные реализовывать определенные цели и задачи, стоящие перед ними и обеспеченные необходимыми ресурсами для достижения поставленных целей и задач, мы соотносим к институтам гражданского общества.

Таковыми являются, например, политические партии и правозащитные организации, общественные движения и неправительственные организации, общероссийские и региональные общественные палаты, этнокультурные организации, местное самоуправление.

По тем признакам и характеристикам, которые отмечены выше, мы видим, что гражданское общество современной России не в полной мере соответствует указанным критериям. К примеру, низкий уровень самоорганизации и саморегуляции общества, так же как и небольшой удельный вес среднего класса и недостаточный уровень развития де-

мократических процедур, позволяют говорить лишь о развивающемся гражданском обществе в России.

В этих условиях в России власти всех уровней стали проявлять заинтересованность в диалоге с представителями гражданского общества где-то с 2001 года, с момента подготовки и проведения Гражданского форума в Москве. По словам активного представителя «третьего сектора», сформировался ограниченный пакт о ненападении и возникли каналы коммуникации с верховной властью. С этого времени пошел инициированный сверху процесс создания в регионах различного рода структур, предназначенных для налаживания постоянного диалога между обществом и государством (общественные палаты, общероссийские и региональные Гражданские форумы и др.).

Говоря о роли институтов гражданского общества в этнонациональной проблематике, мы должны отметить существенные различия, выявленные академиком В. А. Тишковым, который подчеркивает, что для изучения роли институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений и этнокультурного развития не является принципиально важным определение как сущности, так и степени зрелости гражданского общества. В частности, это не имеет принципиального значения для формулирования и конструирования общественно-государственной доктрины о понимании российского народа как полиэтничной гражданской нации.

Хотя мы уделили достаточно внимания выявлению сути как собственно гражданского общества, так и его институтов, для нашего исследования имеют значение лишь те институты гражданского общества, которые способны повлиять на характер и состояние межэтнических отношений в таком полиэтничном государстве, как Россия, где, по данным переписи 2010 г., проживают представители 193 национальностей.

В этой связи отметим, что ярким примером специфической роли институтов гражданского общества в сохранении и укреплении межэтнического мира является Республика Дагестан, где проживают представители 32 автохтонных народов, которая в определенной степени представляет собой модельную площадку для отработки некоторых практик взаимодействия институтов гражданского общества и государства.

С начала активных взаимоотношений России и Дагестана в XVII–XVIII вв. русскими историками и этнографами был введен термин «вольные общества», которых насчитывалось более 60 и которыми обозначались объединения сельских общин, сохранявших независимость от соседних феодальных владетелей (ханов).

Мы находим схожесть дагестанских вольных обществ с вольными городами Германии XIV–XV вв., эти города освободились из-под власти сеньора и приобрели почти все права государственной и общественной жизни.

Главную же роль в дагестанских вольных обществах в экономической и политической жизни играл джамаат — общественная сходка. Это был своеобразный аналог современного гражданского общества.

Джамаат в переводе с арабского — общество, коллектив, община. Первоначально джамаат употреблялся в мусульманских странах без особой религиозной окраски, хотя в последнее время джамаатами стали называть исламские территориально-этнические объединения (отряды, группы), которые создаются для ведения подпольной вооруженной террористической деятельности (джамаат Шариат (Дагестан), джамаат Галгайче (Ингушетия), джамаат Ярмук (Кабардино-Балкария) и т. д.). Схожие образования мы наблюдаем в Чечне и Ингушетии, такие как тейпы и тукхумы, во главе которых стоял совет старейшин тейпа.

Джамааты, тейпы, тукхумы были и остаются важнейшим институтом организации низового самоуправления, который функционировал достаточно эффективно даже в советский период истории страны. Хотя в советский период иные формы самоорганизации не приветствовались, но по сути своей все вопросы, касающиеся тех или иных сторон жизнедеятельности людей, без учета мнения сельской общины не решались.

Во время недавнего конфликта вокруг подписания договора об административных границах между руководителями Чечни и Ингушетии мы наблюдали, какую роль может играть совет старейшин тейпа, когда было объявлено об изгнании из соответствующего тейпа депутата от парламента Ингушетии, который проголосовал за подписанный договор.

На наш взгляд, эти устойчивые низовые организации, сформированные по территориально-родственному признаку, были и остаются важнейшим институтом горского гражданского общества, хотя горские общества имели другую структуру и характеристики по сравнению с гражданскими обществами в современной интерпретации. Мы можем говорить здесь об аналогичных функциях по самоорганизации различных групп населения.

В большинстве регионов России также существуют подобные институты самоуправления, соответствующие определенным обычаям и традициям, которые могли бы способствовать сохранению межэтнического мира (например, кочевые думы у бурятов и калмыков и т. д.).

Традиционные институты, сформированные у тех или иных народов, и сейчас имеют существенное влияние на жизнь их представителей. И вряд ли стоит отказываться от действенных норм социальной регламентации, способных оказать влияние на сохранение межэтнического мира и согласия.

Как подчеркивает академик В. А. Тишков, «...отказываться от традиционных регуляторов, и особенно в некоторых регионах нашей страны и в некоторых аспектах нашей жизни, не следует. Я бы, наоборот, признал, поддержал и встроил их в систему управления. Признание со стороны государства правового плюрализма, то есть сочетания централизованного закона и обычного права — это и есть единое правовое пространство. Единое правовое пространство не означает унифицированного правового пространства. Такое государство является действительно эффективным, более умным и более чувствительным к сложному составу населения нашей страны» [2].

Представляется важным подчеркнуть, что резкие трансформации, которые имели место в постсоветский период в жизни народов России в социально-политической, экономической и духовной сферах, требуют серьезного осмысления существующих проблем формирования гражданского общества и его специфики в полиэтничных сообществах. Те множественные идентичности, существующие в Дагестане, ни в коей мере не мешают представителям всех народов, населяющих республику и разговаривающих на разных языках, ощущать себя и дагестанцами, вместе с тем не отрицая свою принадлежность к аварцам, лакцам, кумыкам, азербайджанцам, чеченцам, даргинцам, русским, лезгинам и другим этническим группам Дагестана.

Как говорил поэт Расул Гамзатов, «в Дагестане я аварец, в Москве — дагестанец, а за границей — русский». И эта формула, существующая и реализованная в Дагестане, подчеркивающая, что «аварскость» не отменяет «дагестанскости», аналогична тому, что «россиянство» не отменяет «татарскости» или «русскости», и которая должна помочь в формировании российской политической нации, тем самым сохраняя и укрепляя межнациональный мир и гражданское согласие в стране.

Еще одним важным институтом гражданского общества, который может повлиять на сохранение и укрепление межэтнического мира, являются национально-культурные автономии, которых в стране насчитывается более 400. Такие национально-культурные институции могут стать влиятельными акторами политического процесса — как на федеральном, так и на региональном уровне. Хотя в политической практике власть не в полной мере пользуется возможностями таких организаций в формировании государственной этнонациональной политики.

Необходимо отметить, что власть в значительной мере пытается использовать весь потенциал организаций, способных непосредственно повлиять на межэтнические взаимоотношения в стране.

Это непосредственно связано с принятием и утверждением Стратегии государственной национальной политики. Яркая иллюстрация такого отношения государства к рассматриваемой проблематике — введение института заместителя главы субъекта РФ, непосредственно отвечающего за состояние дел в межнациональной сфере. После успешной реализации такой нормы закона Президент Российской Федерации дал Поручение от 27 августа 2017 года «рекомендовать органам исполнительной власти субъектов РФ обеспечить определение органами местного самоуправления должностных лиц, ответственных за реализацию государственной национальной политики на территории муниципальных образований».

Даже не обращаясь к закрытым и открытым статистическим данным по изменению конфликтности в межэтнических взаимоотношениях, мы видим резкое снижение освещения в СМИ конфликтной межэтнической тематики, какую мы наблюдали во время событий на Манежной площади в Москве, Кондопоге, Сагре и других регионах, когда конфликту, начинавшемуся зачастую как правовой или бытовой, сразу придавали окраску именно межнационального, благо есть орга-

низации типа ДПНИ и других, которые готовы использовать такого рода события в своих узкокорыстных политических и иных целях.

Нам представляется, что это во многом связано с введенным институтом заместителей глав субъектов Российской Федерации по межнациональным отношениям. Адресная работа со СМИ, представителями полиции и миграционной службы, активистами и руководителями этнических диаспор, в том числе и работа на упреждение конфликтных ситуаций, регулярный мониторинг состояния межэтнических взаимоотношений в каждом регионе и в мегаполисах — все это должно способствовать положительному результату в вопросах снижения межэтнической напряженности и предотвращения конфликтов на этнической почве.

Все более возрастающую роль в этнонациональных политических процессах начинают играть этнические диаспоры. Во многих этнических диаспорах их лидеры не всегда ведут конструктивную политику, направленную на поддержание межэтнического мира, зачастую этнические диаспоры используются их лидерами для решения задач, далеких от насущных проблем членов диаспор, но, тем не менее, их потенциал представляет несомненный интерес и возможный ресурс при определенных правилах и взаимоотношениях с властью — как для властных структур, так и для диаспор.

Этнические диаспоры и религиозные объединения, как, впрочем, и другие институты гражданского общества, должны решать двуединую задачу: с одной стороны, защищать интересы «подопечных» социальных групп, и, с другой стороны, согласовывать эти интересы с интересами других социальных групп. К сожалению, сейчас институты гражданского общества занимаются главным образом решением первой задачи.

Диаспоральные и религиозные группы создаются в первую очередь для того, чтобы оказывать содействие и помощь тем людям, которые являются носителями общих с группой маркеров. Поэтому использование потенциала этих групп зачастую играет положительную роль в предотвращении и урегулировании конфликтов. Такая группа заинтересована в своем экономическом и политическом благополучии и старается найти компромисс в спорной ситуации.

Будучи непосредственно связанными с решением всех вопросов, касающихся той или иной этнической общности (культурных, бытовых, правовых и др.), лидеры и представители диаспор и религиозных организаций обладают большей степенью влияния, чем другие государственные или общественные институты. Однако для многих лидеров часто личные и групповые интересы оказываются более важными, чем интересы общественные и государственные.

Безусловно, миротворческий потенциал данных общественных институтов является высоким. Как этнические диаспоры, так и религиозные объединения принимают непосредственное участие в процессе этнической и религиозной идентификации. Основными целями деятельности данных институтов гражданского общества является сохранение этнической или религиозной идентичности представите-

лей той этнической или религиозной группы, интересы которой они представляют.

Известный эксперт в этнонациональной политике профессор В. А. Ачкасов пишет: «Власти не должны конституировать право лидеров национально-культурных автономий выступать от имени всей совокупности лиц, относящихся (или отнесенных) к той или иной «национальности». Необходимо также помнить, что коллективные права этнокультурных объединений не могут ставиться выше индивидуальных прав граждан на свободный выбор форм реализации своей этнокультурной идентичности» [3].

Одной из мер, посредством которой данные структуры могли бы способствовать установлению межнационального мира в стране, является транслирование не только этнических или религиозных ценностей, но и общечеловеческих (ценностей добра, справедливости, участия, отзывчивости и др.) и ценностей, формирующих национальное единство, уважение к государству, его конституционным принципам, государственной символике, выстроенной в государстве системе правопорядка, судебной системе и др.

Появление в разных регионах общественных групп, требующих реализации конституционных принципов прав и свобод и готовых к участию в уличных протестах, свидетельствует о существенных изменениях, которые происходят в последнее время в общественном сознании. То, что эти группы самоорганизовались с определенной целью, — это свершившийся факт.

В отличие от Европы и США, где институты гражданского общества устоялись и имеют свой опыт участия в разрешении межэтнических противоречий, российская специфика требует, кроме учета европейского и американского опыта, применения механизмов и взаимодействия институтов гражданского общества и власти, учитывающих, в том числе, и традиционные для отдельных регионов, практики.

Почти во всех регионах Российской Федерации эти национально-культурные организации (или этнические диаспоры) зарегистрированы и функционируют. Хотя зачастую роль таких организаций не всегда конструктивна, эти институты способны при активном сотрудничестве с государственными и общественными организациями играть позитивную роль в сохранении и укреплении межэтнического мира и достижении гражданского мира и согласия в стране.

Литература

1. *Омаров М. А.* «К вопросу о роли институтов гражданского общества в сохранении межэтнического мира», опубликованной автором в сборнике «Институты гражданского общества в межнациональных отношениях» (Общ. ред. В.А.Тишков). М.: ИЭА РАН, 2014. С. 62–70.

2. *Тишков В. А.* Джамааты — тоже часть гражданского общества [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ansar.ru/person/2011/2/21/11834>.

3. *Ачкасов В. А.* Этнополитическая ситуация в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Статья в сборнике «Этнополитическая ситуация в Российской Федерации. Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Северный Кавказ, Поволжье, Республика Карелия, Республика Коми, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия). Сборник экспертных докладов». — Москва, РГГУ, 2018 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ethnopolitics.ru/>.

Нациестроительство

УДК 323.1

Динамика российской идентичности*

Л. М. Дробижева

Доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, drobizheva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена формированию российской гражданской идентичности — пониманию и представлениям в массовом сознании. На основании репрезентативных общероссийских опросов и опросов в регионах страны анализируются динамика общероссийской идентичности и идентификационные основания. Таковыми являются, прежде всего, государство и общая территория, затем — историческое прошлое, культура, ответственность за дела в стране. Для гражданской идентичности в республиках РФ характерны большая значимость таких консолидирующих признаков, как государство и территория, а также разнообразие в представлениях об историческом прошлом и культурном наследии. Средства укрепления российской идентичности автор видит в росте межэтнического доверия и в солидаризации вокруг общих ценностей и целей развития.

Ключевые слова: российская гражданская идентичность, консолидация, региональная идентичность, этническая идентичность, идентификационные основания.

Dynamics of Russian identity

L. M. Drobizheva

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for Inter-ethnic Relations Studies, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of Russian Academy of Sciences, drobizheva@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the development of Russian civil identity, its understanding and representation in the mass consciousness. The dynamics of the all-Russian identity and its identification grounds are analyzed based on representative all-Russian surveys and polls in the regions of the country. These identification grounds include the state and the general territory, the historical

* Текст написан на основе статьи «Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях», опубликованной автором в «Перспективы. Электронный журнал». 2018. № 3 (15) (июль–сентябрь), стр. 6-21.

past, culture, and responsibility for affairs in the country. Civil identity in the republics of the Russian Federation is characterized by the great importance of such consolidating features as the state and the territory, as well as the diversity of ideas about the historical past and cultural heritage. The author sees the means of strengthening Russian identity in the growth of inter-ethnic trust and identification of common values and development goals.

Keywords: Russian civil identity, consolidation, regional identity, ethnic identity, identification grounds.

Укрепление российской гражданской идентичности ставится задачей и выделено как одно из направлений деятельности в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. Потребность в солидарности осознается не только руководством страны, а является и естественным запросом общества. Неслучайно в 1990-е годы, когда понятия «российская нация» и «гражданская идентичность» не фигурировали в доктринальных документах, выступлениях Президента РФ, его обращениях к Федеральному собранию (они появились с 2000 г.), более половины населения во время опросов по общероссийской выборке отвечали, что чувствуют себя гражданами России [1, 2, 3, 5].

В 2000-е годы в посланиях Федеральному собранию Президента РФ используются понятие «нация» в общероссийском значении и производные этого понятия [6]. На рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в 2004 г. В. Путин прямо отмечал: «...мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть... нечто такое, что нас всех объединяет. ...Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом» [7].

Социологи, политологи, историки в методологии используют концепцию М. Вебера «о массовых субъективных убеждениях», «субъективной вере», ценностях, которые могут становиться опорой интеграции общества [8]. Обращаясь к ценностно-нормативной концепции Э. Дюркгейма и Т. Парсонса, изучая идентичности как восприятие социальной реальности, ученые опираются на конструктивистское направление. Отрадно, что после интервью, данного Томасом Лукманом журналу «Социология и социальная антропология» [9], упрощенное представление о конструктивизме стало встречаться реже, и есть понимание, что сами авторы конструктивизма опирались на идеи антропологических работ К. Маркса, социологического объективизма Э. Дюркгейма, понимающей исторической социологии М. Вебера, а основанием предложенного Т. Лукманом и П. Бергером синтеза «является феноменология жизненного мира, разработанная Э. Гуссерлем и А. Шютцем» [9]. Данный вывод ориентирует нас на понимание того, что успешными могут быть только те идеи, которые основаны на повседневном «жизненном мире» людей. Из этого мы исходили, интер-

претируя и данные социологических опросов при изучении представлений людей об идентификации с гражданами России.

Идентичность, как принято считать в социологии и психологии, содержит три компонента: когнитивный — содержательные представления, эмоциональный и регулятивный (готовность действовать во имя сложившихся представлений и переживаний). Какие-то компоненты внешне более конструируемы, а какие-то формируются спонтанно на основе мотивационных потребностей людей. Известна концепция политического психолога А. Маслоу, который, кроме физиологических потребностей и потребности в безопасности, выделял потребности людей в человеческой общности и в уважении, а последователи А. Маслоу также установили стремление к достоинству [10, 11].

Мы напоминаем об этом потому, что целью статьи является рассмотрение изменений в российской идентичности не только в целом по стране, но и в регионах. Именно в региональном и этническом варианте российской идентичности мотивационные факторы имеют главное объясняющее значение.

Вокруг понимания российской идентичности не прекращаются научные споры, которые имеют политическое и этнополитическое звучание. Фокусируются они прежде всего вокруг трех проблем: можно ли эту идентичность называть гражданской, какие в ней главные солидаризирующие смыслы и означает ли общероссийская гражданская идентичность замену этнической идентичности.

Сложно обсуждался вопрос о смыслах, которые объединяют граждан страны в общероссийскую общность, отражающуюся в идентичности. При обсуждении реализации Стратегии государственной национальной политики на заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г. предлагалось подготовить закон о российской нации. В связи с этим высказывалось мнение о русской нации как основе национального государства. Обосновывалось такое мнение тем, что единство нашего общества основано на русской культуре, русском языке и исторической памяти, а государство и территория, которые лежат в основе политической нации, основу «патриотической лояльности» составить не могут. «Гражданство Российской Федерации существует после 1991 г., в то время как культура, история соединяют поколения» [12, 13].

Иногда приводят аргумент, что за рубежом всех, кто приезжает из России, называют русскими. Подобным образом приезжающих к нам (и в другие страны) шотландцев или уэльсцев называют не британцами, а англичанами, хотя официально они граждане Великобритании. Такая же ситуация с испанцами. Басков, каталонцев называют нациями (представители баскского и каталонского движений), но они, как и кастильцы, входят в испанскую нацию.

В 2017–2018 гг. были подготовлены предложения для внесения в Стратегию государственной национальной политики на период до 2025 г. [14]. Среди них «основные определения, которые используются в Стратегии...», предложенные Научным советом по проблемам

этничности и межнациональным отношениям при Президиуме РАН и учитывающие последние теоретические и эмпирические разработки академических институтов.

В соответствии с определением российской нации гражданская идентичность (гражданское самосознание) определено как «осознаваемое гражданами чувство принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимость соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества».

Таким образом, наша российская идентичность многосоставная, она включает государственное, гражданское самосознание, представления о многонациональном народе, социальной, исторической общности, основывается на общих ценностях, целях развития общества и солидарности.

Естественно, все эти составляющие в той или иной мере присутствуют, когда люди определяют свою российскую идентичность, но в общероссийских опросах и опросах в субъектах федерации, в среде конкретных национальностей, проявляются по-разному. Общероссийская идентичность, как и все другие социальные идентичности, динамична, на нее влияют события и люди. Согласно подходам Э. Гидденса, Дж. Александера, П. Штомпки, П. Бурдьё, мы рассматриваем соучастников взаимодействий в различных «полях». Поэтому важно показать общие тенденции в восприятии российской гражданской идентичности и особенности, которые проявляются в различных регионах страны, в субъектах федерации с разным этническим составом населения.

Эмпирической базой для анализа являются результаты общероссийских опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2015–2017 гг. [15], а также результаты репрезентативных опросов в субъектах федерации (Астраханская область, Республика Башкортостан, Калининградская область, Республика Карелия, Москва и Московская область, Республика Саха (Якутия), Ставропольский край, Республика Татарстан, ХМАО), проведенных в 2014–2018 гг. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН [16]. Для сравнения также использовались данные опросов ВЦИОМ по заданию ФАДН в 2016–2017 гг.

В понимании идентичности с точки зрения социальной психологии мы опираемся на идеи Э. Эриксона о стратегии поддержания самоидентификации, включенности в социальные контексты, культурные ценности, в значимость идеологии [17]. Используются выводы Дж. Мида о формировании идентичностей в процессе межгруппового взаимодействия, Г. Тэджфела и Дж. Тернера — о значении в этом процессе межгруппового сравнения [18]. Также мы солидаризируемся с Р. Брубейкером в понимании разной интенсивности и массовости групповой идентичности в повседневной практике [19] [Брубейкер, с. 15–16].

Идентичность россиян в 1990-е годы называют кризисной [20] не только потому, что происходила рекогносцировка привычных опор

внутреннего взаимопритяжения, но и по причине усиления враждебности к «иным», которыми часто становились наши бывшие соотечественники, те, что вышли из Союза. Только в 2000-е годы с укреплением государства, привыканием к его изменившемуся статусу, новому очертанию границ стал проходить «культурный шок» (как образно выразился, характеризуя состояние людей в постсоветских государствах, Петр Штомпка) и начали восстанавливаться элементы позитивной идентичности.

К середине 2010-х годов российская идентичность была, по общероссийским опросам, у 70–80 % [21].

С 2005 по 2018 г. доля ощущающих связь с гражданами России выросла с 65 до 80–84 %. По данным перечисленных научных центров, гражданская идентичность была самой динамичной, она выросла на 19 процентных пунктов, в то время как другие коллективные идентичности — этническая, региональная — на 6–7 пунктов. Особенно заметно росла доля тех, кто часто ощущает связь с гражданами России.

По данным Всероссийского мониторингового опроса Института социологии РАН в 2015 г., людей как граждан России объединяет прежде всего государство — 66 % ответов, потом территория — 54 %, 49 % называли общий язык, 47 % — пережитые исторические события, 36–47 % — элементы культуры — праздники, обычаи, традиции. Это, повторим, данные общероссийского опроса, следовательно, большинство ответивших (более 80 %) — русские. Разумеется, имеется в виду русский язык.

Не так просто интерпретировать ответы респондентов о культуре как объединяющем факторе. Культура понимается в разном значении не только учеными разных направлений знания, но и широкими кругами населения. Для одних это нормы поведения, для других — искусство, литература, для третьих — традиции, памятники исторического наследия. Политологи могут позволить себе говорить: «Нас объединяет культура», — но что они имеют в виду, каждый будет понимать по-своему. Для выяснения этого несомненного компонента идентификации с сообществом социологи должны ставить вопросы так, чтобы они понимались однозначно. Поэтому на основе пилотных (экспериментальных) опросов были выделены конкретные элементы культуры: государственные праздники, символы (флаги, гимн, герб, памятники и т. п.), народные традиции.

Нераскрытое понятие культуры как солидаризирующего идентификатора в опросах набирает больше сторонников (в приведенном интервале 37–47 %), при раскрытии этого понятия — сторонников меньше.

В оценке общероссийской интегрированности общественное внимание обычно больше привлекают республики. Мы специально рассмотрим именно те республики, где в 1990-е годы были элементы отклонений в законодательстве, проявления национальных движений. Проведенные в 2012 и 2015 гг. в Саха (Якутии) репрезентативные опросы показали, что гражданская идентичность в этой республике была не ниже общероссийских показателей (в какие-то годы

даже чуть выше) — 80–83 %; в Башкортостане в 2012 г. выбрали ответ «мы — граждане России» до 90 % опрошенных, в 2017 г. — чуть больше 80 %; в Татарстане об ощущении связи с гражданами России заявили в 2015 г. 86 %.

На Юге России, в Кабардино-Балкарии, в той или иной мере с гражданами России ассоциировали себя в 2015–2016 гг. до 60 %, в Адыгее — 71 % [13, 22].

Таким образом, не сепаратистские настроения в прошлом, а нынешняя социально-экономическая и социально-политическая ситуация в регионах определяет ощущение у людей связи с большой родиной, гражданами страны.

В силу высокой значимости государства как основы лояльности россиян, на органах государственной власти лежит высокая ответственность за поддержание доверия между гражданами и властью, обеспечение справедливости и благосостояния в обществе.

В последние два года особенно очевидным стало формирование российской идентичности за счет сравнений «мы» и внешних «они» в негативном содержательном наполнении (Украина, США, Евросоюз). В такой ситуации для поддержания хотя бы нормального баланса особенно важным будет наполнение образа «мы» позитивным содержанием. Очевидно, что одних спортивных побед, которые поддерживают эмоциональный компонент идентичности, недостаточно. В поддержании позитивного баланса нужны усилия и государства, и гражданского общества. При этом даже теоретически ясные вопросы необходимо реализовывать на практике с учетом возможного в современных условиях.

Литература

1. Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал, 2000, № 3/4.
2. Данилова Е. Н. Кто есть «мы» в России и Польше // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001.
3. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М., 2013.
4. Идентичность: Личность, общество, политика // Энциклопедическое издание / Отв. ред. И. С. Семененко. М., 2017.
5. Российская идентичность в Москве и регионах. М., 2009. С. 82.
6. Послание Президента Российской Федерации от 26.04.2007 // Официальный сайт президента России. — URL: kremlin.ru/acts/bank/25522 (дата обращения: 01.07.2018); Послание Федеральному собранию // Официальный сайт президента России, 08.07.2000. В Послании Федеральному собранию Президента РФ в 2000 г. понятие «нация» и его производные использовались семь раз, в 2007 г. — 18 раз (Послание Федеральному собранию 2012: 2018).
7. Путин В. В. Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений // Официальный сайт президента, 05.02.2004. — URL: kremlin.ru/events/

president/transcripts/22349 (дата обращения: 01.07.2018); kremlin.ru/events/president/transcripts/21480 (дата обращения: 01.07.2018).

8. Weber M. *Economy and Society*. N. Y, 1968. V. 1. 389 p.

9. Интервью с профессором Томасом Лукманом // Журнал социологии и социальной антропологии, 2002. Т. V. № 4. С. 5–14.

10. *Maslow A. Motivation and Personality*. Chicago. 1934.

11. *Azeev B. C. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы*. М., 1990. С. 104.

12. «Нужен ли закон “О российской нации” народам России и русскому народу» // Передача «Что делать?», телеканал «Культура», 12.12.2016 (выступление М. В. Ремизова). — URL: tvkultura.ru/video/show/brand_id/20917/episode_id/1433092/video_id/1550848/viewtype/picture/ (дата обращения: 27.09.2018).

13. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М., 2016.

14. Корректировка Стратегии государственной национальной политики была поручена Федеральному агентству по делам национальностей (ФАДН). В проект документа вносили предложения субъекты федерации и научные учреждения. Он обсуждался в Комитете по делам национальностей Государственной думы РФ, на заседаниях рабочей группы Совета при Президенте РФ по национальным отношениям.

15. Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом и этноконфессиональном контексте» / рук. ак. М. К. Горшков. Автор данной статьи отвечает за раздел по этничности и идентичностям. Выборка — 4000 единиц наблюдения в 19 субъектах РФ.

16. Проект «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» / рук. Л. М. Дробижева. В каждом субъекте федерации выборка включала 1000–1200 единиц наблюдения. Выборка территориальная, трехступенчатая, случайная, вероятностная. Метод сбора информации — индивидуальные интервью по месту жительства.

17. *Erikson E. Psychosocial Identity // A Way of Looking at Things: Selected Papers of Erik H. Erikson 1930–80* / Ed. By Schlein. N. Y. 1995.

18. *Mead G.H. Mind, self and society*. Chicago. 1934.

19. *Брубейкер Р. Этничность без групп*. М., 2012. С. 15–16.

20. *Гудков Л. Д. Негативная идентичность: статьи 1997–2012 г. М., 2002.*

21. Данные РМЭЗ — Мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), мониторинговых опросов Института социологии ФНИСЦ РАН / рук. Горшков М. К., 2015–2016 гг.

22. Исследование осуществлялось Институтом социологии и регионоведения Южного федерального университета. Выборка репрезентировала Южный федеральный округ и не была репрезентативной по республикам. (См.: Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М., 2016. С. 167.)

Исторические корни современного финно-угорского паннационализма

Ю. П. Шабает

Доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, yupshabaev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается современная концепция «Финно-угорского мира» как паннационалистическая идея. Указывается на исторические истоки концепции и в качестве примера приводится идея «Великой Финляндии». Тем не менее, не первая паннационалистическая идея стала культурной основой современного финно-угорского паннационализма, а ее основания следует искать в доктрине этнического национализма большевиков и в постсоветской эволюции этой доктрины.

Ключевые слова: паннационализм, этничность, Финно-угорский мир, этнополитика, идеология, этнонациональные движения.

Historical roots of modern Finno-Ugric pan-nationalism

Yu. P. Shabaev

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Ethnography Sector, Institute of Komi Language, Literature and History, Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, yupshabaev@mail.ru

Abstract. The modern concept of the “Finno-Ugric world” is considered as a pan-nationalist idea. It points to the historical origins of the concept and as an example the idea of “Great Finland” is given. However, not the first pan-nationalist idea became the cultural basis of modern Finno-Ugric pannationalism, but its foundations should be sought in the doctrine of the ethnic nationalism of the Bolsheviks and in the post-Soviet evolution of this doctrine.

Keywords: pannationalism, ethnicity, Finno-Ugric world, ethnopolitics, ideology, ethnonational movements.

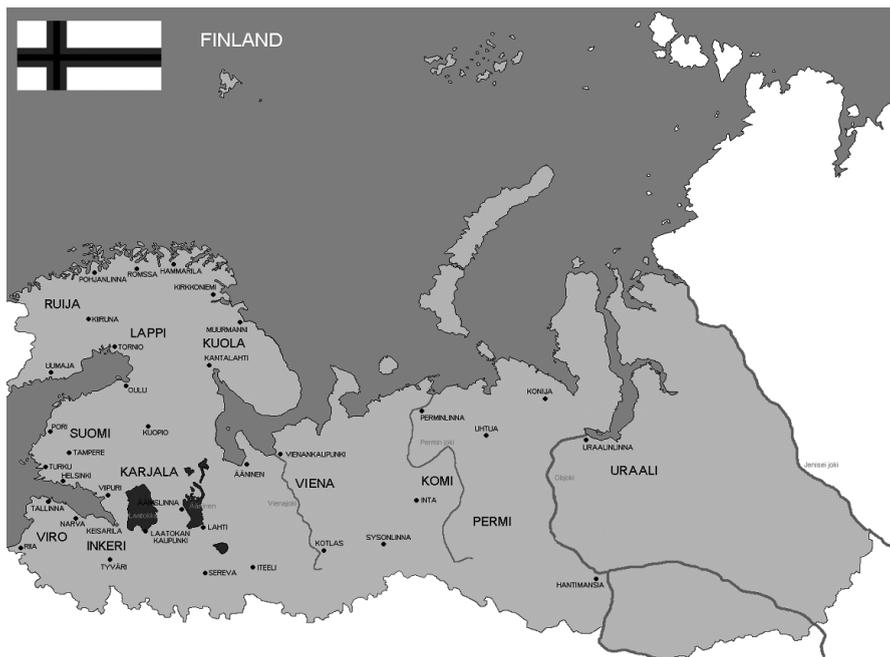
В современном российском этнополитическом дискурсе очень активно и основательно обсуждаются вопросы, связанные с проявлениями этнического национализма. Однако проблемы паннационализма, который активно заявил о себе в первой половине XIX в., не привлекают большого влияния исследователей. Это связано с распространенным убеждением, что паннационализм как форма идеологии себя уже изжил. Но на самом деле паннационализм все еще оказывает влияние на этнополитические процессы, и особенно это очевидно на примере деятельности этнонациональных движений финно-угров.

Предыстория

Уральские народы России являлись органичной частью российского культурного и политического ландшафта с самого начала возникновения Российского государства. Если следовать летописной традиции, то призвание Рюрика и формирование раннегосударственного объединения со столицей в Старой Ладоге произошло в результате совместного обращения пяти племен, из которых только два (словены и кривичи) были славянскими, а три были финскими (в разных летописях называют разные племена). Финское и самодийское население составляло заметную часть населения как Древней Руси в целом, так и ее отдельных княжеств. Из исторических источников известно, что одна из пятин Великого Новгорода носила название Водской, а в числе земель, которые входили в состав княжества, были земли ижоры, води, карел, веси, а позднее и лопи (Лопская волость). Финское население было составной частью и целого ряда других древнерусских княжеств, причем значительное количество представителей финских племен жило в городах: мурома — в Муроме, меря — в Суздале. Об интегрированности финского (финно-угорского) населения в общерусское культурное и политическое пространство говорят многочисленные исторические факты: финно-угры были в составе рати Дмитрия Донского на поле Куликовом, участвовали в ополчении Минина и Пожарского, были и в составе ополченцев Отечественной войны 1812 года.

Да и само формирование современной территории и культурного ландшафта России происходило при непосредственном участии уральских народов. В этом плане необходимо особое внимание уделить присоединению сибирских земель, ибо после присоединения Сибири и Дальнего Востока страна изменилась радикально, превратившись в великую евро-азиатскую державу. Покорение Сибири началось в 1581 году с похода Ермака, который спонсировали солепромышленники Строгановы. Принципиально важно, что большая часть отряда состояла из коми-зырян Яренского уезда, а также казанских татар, меньшая — из служилых людей Строгановых и немецких и литовских наемников. Хотя поход и закончился относительной неудачей, но его итогом стал фактический разгром Сибирского ханства, после чего серьезных препятствий на пути в Сибирь для новых экспедиций уже не было. В этих экспедициях традиционно принимали участие коми-зыряне, а потому многие деревни в Западной и Восточной Сибири носят по сей день название Зырянновка, Зырянка и т. п. Помимо коми в сибирских походах участвовали кодские ханты, казанские татары, якуты и представители многих других народов. Поэтому исторический штамп о «покорении русских Сибири» является в корне неверным. Присоединение Сибири к Российскому государству стало совместным предприятием многих российских народов [1].

Что же касается культурного облика уральских народов, то к началу XX в. в их культурных традициях наблюдалось очевидное влияние этнических соседей. Фольклорные сюжеты и праздники, типы жи-

Карта 1. «Великая Финляндия»

лиц, одежда и пища у прибалтийских и пермских финнов были близки к северорусским традициям, а в культуре волжских финнов помимо русского влияния очевидно просматривается и влияние татарской культуры.

Менее всего русское влияние было заметно в культуре эстонцев и финнов. На эстонцев значительное влияние оказала немецкая культура, на финнов — шведская. Чтобы ослабить это влияние и укрепить местное самосознание, а тем самым и лояльность к имперской власти, российское правительство поощряло процессы национального пробуждения в Эстонии и Финляндии. Благодаря такой практике в середине XIX в. появляется этноним *эстонец* и начинает формироваться движение национального пробуждения. В Великом княжестве Финляндском процессы национального пробуждения начинаются еще в первой половине указанного столетия, вскоре после присоединения княжества в 1809 г. к Российской империи. Уже в 1863 г. создается сейм Финляндии и принимается решение о том, что через 20 лет все граждане будут иметь право обращаться в любые учреждения на финском языке, в 1886 г. финский язык становится рабочим языком в государственных учреждениях. По существу, с 1860-х гг. этап национального пробуждения сменяется этапом националистического строительства и в финской прессе разворачивается острая дискуссия, в ходе которой в массовых представлениях укоренилось убеждение, что Финляндия является самостоятельным государством, отдельным от России, и лишь состоит с ней в союзе. «В среде финской политической

элиты русофобские настроения приобрели устойчивый характер. При этом сама национальная идеология черпала ресурсы именно на востоке. К концу XIX в. усилиями ученых и деятелей искусств культурная идентичность немалой части финляндской элиты трансформировалась в политическую идеологию или национальную идею, основанием которой служил «карелианизм». Основатель карелианистского движения А. В. Эрvasti после своей поездки в Олонецкую губернию написал, что за восточной границей Великого княжества Финляндского лежит не чужая земля, ибо именно Карелию следует считать материнской землей (*em taan*), а собственно Финляндия есть колония, в Карелии нужно искать духовные истоки финнов. Карелия превратилась в объект паломничества ученых, художников, композиторов, архитекторов, поэтов и просто любителей старины.

Представление о Карелии как о неотъемлемой части грядущего «Идеального Отечества» органично вошло в основополагающий финляндский национальный миф» [2]. Развитию этого мифа послужило основание в Гельсингфорсе в 1883 г. Финно-угорского общества, ставившего своей целью изучение родственных финно-угорских народов и языков, а также усилия культурной элиты, направленные на поиск места финнов в культурном пространстве Европы. В результате этих поисков родилась первая паннационалистическая идея финноугров — концепция «Великой Финляндии». Это понятие было внедрено в публичную сферу финским общественным деятелем К. Э. Лепелундом. В первоначальном варианте это была культурная идея, предполагавшая объединение родственных финно-угорских народов под патронажем Финляндии (см. карту 1). В политическую доктрину эта идея превратилась между двумя мировыми войнами, когда она приобрела экспансионистский характер и использовалась для прямого, а чаще косвенного обоснования территориальных претензий к соседнему государству. Однако, хотя финны и пытались оказывать культурное влияние на восточных соседей, и особенно карел, эти попытки были малопродуктивны и для формирования современной паннационалистической концепции «Финно-угорского мира», на наш взгляд, большую роль сыграло не финское влияние, а советская модель национальной политики.

Советское национально-государственное строительство и его последствия

Смена эпох и политических режимов неизбежно влечет за собой и смену культурной политики. На европейском севере и в Поволжье последствия прихода к власти большевиков в 1917 г. проявились достаточно быстро. После победы большевиков ими была принята на вооружение доктрина этнического национализма, суть которой иллюстрируют ее два основных положения: 1) каждая этническая группа должна обладать собственным национально-государственным образованием; 2) в рамках собственного государственного обра-

зования данная группа получала статус «коренной», а все остальное население относилось к «некоренным» жителям. Коренная этническая группа могла претендовать на политическое доминирование и иные преференции [3]. Исходя из положений данной доктрины, система административного деления страны, при котором этнические/культурные границы не принимались во внимание, была разрушена, и территорию государства разделили на этнические анклав: союзные и автономные республики, области, округа и т. д. Иными словами, обширные территории передавались в символическую «собственность» отдельным избранным этническим группам. Необходимость подобного шага диктовалась стремлением обеспечить новой власти политическую поддержку со стороны многочисленных этнических меньшинств. Поэтому идеологи большевизма говорили о необходимости особого внимания к интересам этих культурных групп [4]. В реальности новый режим ориентировался не столько на интересы населения, сколько на амбиции новых элит, формирующихся самими большевиками за счет рекрутирования местных кадров в ряды РКП(б), т. е. фактически на интересы региональных властных группировок. Условное идейное и политическое единство региональных и центральных большевистских элит должно было обеспечивать лояльность новообразованных местных элитных группировок центральной власти. На деле стихийный национализм элит и их амбиции нередко приводили к противоречиям с центром, которые позднее центральная власть устранила путем репрессий. При этом главной политической опорой нового режима был определен пролетариат (промышленные рабочие), а остальные социальные группы объявлялись недостаточно зрелыми для социалистического преобразования общества. Но этнические меньшинства рассматривались как естественный союзник пролетариата, поскольку многие из них не имели развитой классовой структуры. Кроме того, как и пролетарии, представители культурных меньшинств рассматривались лидерами большевиков как эксплуатируемая часть общества, а в качестве главного эксплуататора выступало само имперское государство в лице его чиновников и в лице представителей государствообразующего народа, т. е. русских. Русские, согласно официальной точке зрения, были названы главными эксплуататорами на Севере [5], а борьба с эксплуататорами и ликвидация всех форм эксплуатации преподносилась обществу как основная цель новой власти. При этом принципиально важно, что этнические автономии не создавались демократическим путем снизу — в результате *актов самоопределения*, т. е. референдумов, а являлись результатом бюрократического «творчества» новой политической элиты как в центре, так и на местах, которая мало считалась с мнением населения и реальной культурной ситуацией.

Важно заметить, что до сих пор серьезного анализа того, как само население будущих автономий относилось к начальным усилиям новых элит форсировать процесс нациестроительства, в исторической литературе нет. Есть лишь отдельные упоминания и замечания

относительно этого, свидетельствующие о формальном характере контактов между властью и населением при обсуждении вопросов будущего национально-государственного устройства национальных территорий. Например, даже в Беломорской Карелии, где «Общество беломорских карел» было создано в 1905 г. (и состояло в основном из финнов), а идея автономии родилась в 1906 г., после большевистского переворота не наблюдалось какого-либо массового движения в поддержку местной автономии. Вместе с тем здесь наиболее значимым, как и прежде, был «финский фактор» [6], который, собственно, и определил специфику карельского самоопределения, несмотря на то что большевики 4 января 1918 г. признали независимость Финляндии. Финны полагали, что их родственники на европейском севере тоже стремятся пойти по пути создания независимых государств, и видели свою миссию в том, чтобы оказать поддержку на пути к самоопределению. В 1918–1920 гг. развернулась борьба за так называемую Восточную Карелию (ее иногда называют первой советско-финской войной), которую финны, рассматривавшие Беломорскую Карелию общей родиной финнов и карел (здесь были записаны руны финского национального эпоса Калевала), воспринимали как священную войну за некое идеальное отечество. «Финская власть не получила доказательств готовности карел присоединиться к Финляндии, однако добровольческий поход в Беломорскую Карелию все же был начат и продолжался с марта по октябрь 1918 года. Читая дневники и воспоминания финских добровольцев, начинаешь понимать, как глубоко проникла идеология национализма в сознание простых финнов. Добровольцы были вдохновлены идеей освобождения из-под русского и большевистского ига своих кровных братьев, соплеменников, сородичей. И полной неожиданностью для них оказалось то обстоятельство, что сородичи в массе своей совсем не были готовы принимать их помощь. Дневники участников похода, рапорты самого Мальма проникнуты чувством недоумения и обиды: лишь малая часть местных жителей была готова их поддерживать!» [7]. Не имея массовой поддержки местного населения, финны проиграли борьбу за Беломорскую Карелию, хотя там и недолго существовало независимое Ухтинское правительство (был даже создан свой герб и флаг). Вторая попытка, в которой принимали участие лишь группы добровольцев (1921–1922 гг.), или вторая советско-финская война, так же потерпела неудачу, как и последовавшие за ней усилия развязать в Карелии партизанскую войну (до 1925 г.). Эта борьба рассматривалась в Финляндии как внутрифинская проблема, чему способствовал тот факт, что официально установленной границы между Финляндией и Советской Россией еще не было. Итогом «первого освободительного похода» явилось заключение в начале 1920 г. Тартуского мира, согласно которому не только устанавливалась граница между большевистской Россией и Финляндией (не удовлетворившая обе стороны), но и гарантировались интересы карел и ингерманландцев в России.

В начале 1920-х гг. советское государство приступило к реализации масштабных планов, связанных с решением вопроса о наци-

Карта 2. Русским — Русскую республику (лозунг и идея национал-радикалов)

онально-государственном размежевании, что, конечно, коснулось и европейского севера. Согласно условиям Тартуского мирного договора карелы должны были получить автономию, и для власти имело значение не то, нужна ли эта автономия самим карелам, а лишь то, кто и как будет создавать эту автономию, какие геополитические цели она должна будет решать. Что касается геополитических целей, то они были обозначены достаточно четко: карельская автономия должна стать плацдармом для предполагаемой большевистской экспансии в Скандинавию. Поэтому руководителями Карельской трудовой коммуны, созданной в 1920 г., вполне логично стали не карелы или вепсы, а финны, а точнее так называемые красные финны, которые потерпели поражение в 1918 г. во время гражданской войны в Финляндии, но мечтали о реванше. Неслучайно, что само название Коммуны (преобразованной уже в 1923 г. в автономную республику) имело на финском принципиально иное звучание (*Karjalan Työväenkommuuni* — Трудовая коммуна Карелии), что создавало неадекватное представление о ее «карельскости». Показательно также и то, что «попытки создания карельской и вепсской письменности «красные финны» признавали шовинистическими, политически неверными и служившими для «одурачивания темных масс» [8].

Политические амбиции «красных финнов» были далеки от интересов культурного развития автономии, но, получив во владение некую территорию, «красные финны» стремились расширить свои властные полномочия и укрепить свой руководящий статус за счет расширения подвластных территорий и превращения автономии в обширный и значимый субъект Советской России. Поэтому сразу же

стали вести борьбу за расширение территории автономии, добиваясь включения в состав автономии всего Кольского полуострова [9]. Эти притязания были отвергнуты, но важно обратить внимание не только на территориальные притязания, но и на идейную платформу новых властей Карелии, идейным кредо которых стал национализм в той его версии, которая поддерживалась «красными финнами» и их лидером — бывшим доцентом Гельсингфоргского университета Эдвардом Гюллингом, возглавившим Карельскую трудовую Коммуну и сознательно проводившим линию на «финнизацию» Карелии. Финский исследователь Маркку Кангаспуру в этой связи указывает на заявление, которое Гюллинг сделал в 1921 г. на Четвертом съезде КПФ, состоявшемся в Петрограде: «Тезис о национализме верен. Но сейчас вопрос заключается в том, что революция выигрывает от пробуждения национализма. Говорят, что черта следует изгнать с помощью Вельзевула. Другой здесь не справится. В любом случае в коммунизме проявляется известная доля национализма» [10].

Серьезных устремлений в пользу автономии не было также и среди других финских и самодийских народов европейского севера. Причем не было таких устремлений у самых крупных народов региона: ненцев, проживавших в Архангельской губернии, и коми, этнические территории которых были разделены между Архангельской, Вологодской и Вятской губерниями. На территориях проживания этих народов не возникло даже зародышей этнонациональных организаций и движений, и идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями малочисленных местных элит в процессе их большевизации. Но эти идеи не были глубоко проработаны, а представляли собой либо некие модификации политики имперской России в отношении инородцев, принципы которой были определены в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.), либо утопические проекты, никак не связанные со спецификой культурного развития территорий. Так, в 1927 г. ненецкие активисты обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с призывом: «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались» [11]. Фактически требование «отдайте нам нашу тундру» означало, что они желали возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия Устава об управлении инородцев Мезенского уезда (1835 г.), предоставлявшего ненцам приоритетные права на распоряжение оленьими пастбищами и иными угодьями [12]. Большого рядовым ненцам, составлявшим подавляющее большинство населения европейской тундры, и не надо было, ибо идея автономии вряд ли была им понятна. При этом не только идея автономии была им чуждой и непонятной, но они не предпринимали и попытки преобразования их устоявшегося образа жизни: «Ясное, а чаще всего смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа» [13]. И при этом даже политические

выдвиженцы в местных органах власти были против приобщения ненцев к европейской бытовой культуре.

Ситуация на территории проживания коми была иной. Здесь, как сказано выше, тоже отсутствовало какое-либо массовое движение в поддержку автономии, но были активисты, которые после большевистского переворота 1917 г. примкнули к партии большевиков, восприняли их идеи, и не случайно впервые о Коми автономии заговорили в Петербурге в 1918 году, и обсуждения Коми автономии началось среди солдат-коми, призванных в действующую армию из Архангельской и Вологодской губерний. Как и в Карелии, местные большевистские выдвиженцы были полны амбиций и их проекты автономной республики строились не на глубоких знаниях и понимании сущности культурных процессов в регионе проживания народа, к которому эти большевики волей судеб принадлежали, а на стремлении стать лидерами большого и влиятельного территориального образования. Проект по созданию Зырянской Автономной Социалистической Советской Республики, выдвинутый Д. Батиевым, предполагал включение в ее состав не только территорий Архангельской и Вологодской губерний, где проживали зыряне, но и территории проживания коми-пермяков (которых тогда не рассматривали как отдельную этническую группу) [14], а также территории по Нижней Печоре, заселенных русскими и ненцами, архипелаг Шпицберген, все пространство по Нижней Оби, где проживали ненцы, ханты, манси и т. д. В основе названной идеи, как полагают некоторые современные исследователи, лежала «историческая концепция «Перми Великой — Биармии» [15]. Однако нынешние историки оценивают притязания «отцов Коми автономии» с позиций тех знаний и представлений, которые накоплены сегодня. Творцы же Коми автономии не только не могли быть знакомы с изобретенными сегодня «концепциями», но и не имели перед глазами ни писаной истории Коми (первые варианты которой появились спустя десятки лет), ни ясных представлений об этнической культуре и этнической истории своего народа. Нет никаких оснований полагать, что, разрабатывая планы национального строительства, эти люди штудировали труды финских и российских историков, этнографов и фольклористов, где говорилось о золотом веке финно-угров и о мифической стране Биармии. Как и «красные финны», местные большевистские выдвиженцы были националистами и карьерными бюрократами, стремившимися использовать этничность в интересах укрепления и расширения своих властных полномочий. Как и любые другие националисты, они не были заинтересованы в формировании в республиках и округах интегрированных гражданских сообществ, и в этой связи финский историк Пекка Каупшала, который в целом положительно оценивает идею государственного строительства в Карелии и Коми, замечает: «Ни в Карелии, ни в Коми не была сформирована типичная для Финляндии своеобразная идеология, заключавшаяся в том, что финны и шведы представляют собой единый двуязычный народ» [16]. Более того, идеи гражданской интеграции и формирования прочных региональных идентичностей не только на начальном этапе

национально-государственного строительства, но и все последующие десятилетия (включая постсоветскую эпоху) не стояли в политической повестке дня у руководства всех российских республик, *поэтому до сих пор нет политонимов, обозначающих все население национально-государственных образований в РФ как политических сообществ, и почти нигде не сложилась прочная региональная идентичность, гражданская по своему содержанию.*

Если говорить о волжских финнах, то и у них до 1917 г. не было сформировано каких-то движений или групп, выступавших с идеей самоопределения. Но на волжских финнов серьезное влияние оказывали активисты татарского движения, которое, правда, тоже не было институционально оформленным. Тем не менее уже после Февральской революции 1917 года, в мае месяце, в Казани состоялся первый съезд малых народностей Поволжья, где говорилось о необходимости предоставить автономию и широкое самоуправление малым народам. Прошедший в феврале 1918 г. съезд мари поддержал советскую власть, но политических требований не выдвигал, и дело создания марийской автономии, как и в других регионах, взяли в свои руки местные большевистские выдвигенцы (Марийская АО создана в 1920 г.). Первый съезд удмуртов состоялся в июне 1918 г., автономная область организована по решению ЦИК РСФСР и СНК в 1920 году, а Мордовская автономная область решением центральных органов власти создана только в 1930 году.

Поскольку творцы автономий были либо идейными, либо стихийными националистами (в региональной исторической литературе их личности героизированы и мифологизированы), идеалы свободы равенства и братства, рожденные в ходе Великой французской революции, им были чужды, равно как и идея гражданина и гражданства. И естественно, что творцы автономий с восторгом восприняли доктрину этнического национализма, которую на начальном этапе советского строительства активно поддерживали большевики. А потому для них естественным направлением деятельности стало формирование разделенных сообществ, в которых на вершине социальной иерархии оказывался так называемый коренной народ, они вели активную работу по коренизации государственного аппарата в своих автономиях и коренизации всей культурной жизни. В Карелии, например, «в северных районах республики среди карел под влиянием финнизации появилась мода менять на финские свои старинные «русские» фамилии (Петров, Родионов и т. п.). Финнизация привела к разделению населения по этническому признаку буквально во всех сферах повседневности и общественно-политической деятельности. «Финноязычные» карелы проводили отдельные от русских комсомольские собрания, а в школах карельские дети не хотели сидеть за одной партой с русскими сверстниками. Из 22 газет 10 были на финском языке, из 8 журналов — 5 финноязычные. До 1935 года в Реболах и Ругозере не было русскоязычных книг, ни один из руководящих работников не говорил по-русски. В школах Ребол, Кестеньги и Ухты русский язык вообще не преподавался» [17]. В Коми процесс

коренизации не принял таких крайних форм, но она вызывала недовольство некими населения, о чем можно судить по многочисленным публикациям областной газеты «Югд туй» («Светлый путь»), издававшейся на русском языке. Сходные явления имели место и в ряде других регионов. Финский исследователь П. Кауппала полагает, тем не менее, что «сторонники самоуправления в Коми после образования административной автономии в 1921 г. были интегрированы в единую политическую систему, в которой были успешно проведены «коренизация» и «зырянизация» местного аппарата» [18]. Можно согласиться с этим утверждением в том плане, что именно тогда сформировались основы региональных элитных политических группировок и их мировоззрение. Несмотря на то что границы, статусы, официальные языки у национально-государственных образований уральцев неоднократно менялись, неизменным оставались культурные иерархии и идея «коренного народа» как главного народа на данной территории. В 1994 г. эта идея была закреплена в Конституции Республики Коми, ибо там было заявлено: «Коми народ — источник государственности Республики Коми» [19]. Использование подобных трактовок означало, что вместо конституирования основополагающих правовых норм (источником государственности может быть только право на самоопределение, которым обладает не отдельная этническая группа, а территориальное сообщество в целом) конституциировались идеи этнического национализма. В Конституции Карелии, принятой в 2001 г., заявляется: «Исторические и национальные особенности Республики Карелия определяются проживанием на ее территории карелов» [20]. А вепсы, финны и русское старожильческое население, получается, никак не определяют национальные особенности республики. В Конституции Удмуртии странным образом республиканское сообщество делится на удмуртский народ и удмуртскую нацию [21]. Тем самым, как и в случае с Коми, нетитульные этнические группы, исторически связанные с территориями республик, как бы символически исключаются из процесса нациестроительства. Принципиальных изменений в мировоззрении и позициях региональных элит, несмотря на официально одобряемый проект формирования российской гражданской нации, не произошло. Об этом можно судить не только по основным законам, но и по республиканским концепциям этнокультурного образования и практикам этнополитики, в которых идея гражданской интеграции отодвинута на второй план и должным образом не акцентирована.

Укоренившиеся благодаря советской национальной политике представления о «коренных народах» как о «главных» народах на «своих» этнических территориях и как о символических владельцах этих территорий не только препятствуют гражданской интеграции и формированию прочных региональных идентичностей, но и позволяют воспринимать титульные этнические сообщества как группы, которые не интегрированы в общее культурное пространство страны и конкретного региона и как бы находятся вне его. А потому эти группы могут самостоятельно, не считаясь с интересами территориального сообщества в целом, формировать некие символические трансгранич-

ные миры, которые якобы отвечают национальным интересам этих групп и имеют «глубокие» исторические корни. Такая позиция нашла отражение в тех идейных конструкциях, которые созданы за последние десятилетия этнонациональными движениями российских финно-угров.

Идейные позиции современных этнонациональных движений финно-угров

Надо признать, что каких-то законченных и глубоко обоснованных концепций политического и культурного реформирования местных сообществ у этнонациональных движений, осуществляющих свою деятельность в республиках/округах с финно-угорским населением, не существует. Тем не менее есть ряд принципиальных положений, которые признаются (или признавались) большинством этнонациональных организаций. Последнее обстоятельство и позволяет ставить вопрос об общей идеологии этнонациональных движений российских финно-угров. Базовыми идеями являются две: 1) идея приоритетности групповых прав, 2) противопоставление этничности гражданству. Этническое сообщество рассматривается как однородное, целостное социальное образование, в котором некий коллективный интерес доминирует над индивидуальными интересами личности. Личность, которая не «растворяется» в группе и пытается свободно выбирать культурные ценности, оценивается этническими антрепренерами как девиантная (личность, склонная к отклоняющемуся поведению). В идеологии названных этнонациональных движений приоритет групповых прав наиболее последовательно обосновывается в идее этнического самоопределения. Поскольку титульная этническая группа рассматривается как «источник и носитель национально-государственного суверенитета», поскольку право на самоопределение рассматривается как право одной этой группы самоопределяться независимо от полиэтничного состава населения республики или округа, где она расселена. Таким образом, гражданин и член этнической группы представляются не как взаимосвязанные социальные позиции личности, которые она занимает в рамках единого сообщества (например, «я россиянин, а по происхождению мариец»), а как противостоящие друг другу социальные категории (что побуждает говорить о предоставлении «особых» политических, экономических, культурных прав титульным группам в ущерб интересам остальных граждан). Обоснованием права на этническое самоопределение является тезис о том, что титульные группы являются коренным, т. е. исконным населением того или иного региона, а потому имеют особые права на земельные ресурсы, природные богатства, политический и социальный статус.

Важной стороной деятельности этнонациональных движений и важной составляющей их идеологии являются попытки обосновать необходимость некоей новой идентичности — «Финно-угорского мира». По форме и содержанию это паннационалистическая идея,

которая рождена стремлением расширить группу солидарности, усилить политические позиции этнонациональных движений российских финно-угров за счет привлечения ресурсов внешних акторов. Названная идея не нова, и ее истоки восходят к упомянутой выше доктрине «Великой Финляндии». Поэтому не случайно «мир» был назван не по имени языковой семьи, к которой принадлежат финно-угры (Уральская языковая семья), а с ориентацией на старые панфинские идеи.

Идея финно-угорского (но не уральского) родства и единства постоянно присутствует на всемирных конгрессах финно-угорских народов (но не уральских), первый из таких конгрессов был проведен в 1992 г. в столице Республики Коми Сыктывкаре по инициативе местных властей и коми этнонационального движения. Здесь же впервые была озвучена идея о «возрождении финно-угорского мира» [22], был создан исполнительный комитет конгресса — Консультативный комитет финно-угорских народов, штаб-квартира которого разместилась в Хельсинки, а ее деятельность финансировалась правительством Финляндии через различные фонды. К концу 1990-х гг. различными этническими активистами и финно-угроведами публично было заявлено, что «Финно-угорский мир» сформировался как культурная реальность, хотя серьезных доказательств его реальности представлено не было. А у населения республик с финно-угорским населением, где повсеместно титульные группы являются меньшинством, почему эти республики называются пространством «Финно-угорского мира» тогда, когда большая часть населения не является финно-уграми, почему вся национальная и культурная политика строится с ориентиром на некий виртуальный мир, хотя сложный состав населения республик диктует необходимость пропагандировать поликультурность регионов и одновременно стремиться к укреплению единства сложных территориальных сообществ. На эти вопросы общественность «финно-угорских регионов» (так стали называть свои республики и представители местных властей) до сих пор не получила вразумительного ответа от политических и культурных акторов.

Для пропаганды идеи «Финно-угорского мира» в России существуют специальные институты. Еще в 2006 г. в Сыктывкаре был открыт федеральный Финно-угорский культурный центр, деятельность которого финансируется из федерального бюджета. Центр поддерживает деятельность информационного портала «Финноугория» (www.finnougor.ru), издает журнал «Этнический комфорт», финансирует создание фильмов и передач в рамках проекта «ФИННОУгровидение», организует и проводит фестиваль «Финно-угорский транзит» и другие мероприятия, которые призваны демонстрировать культурную отличительность финно-угров. Причем тема самодийских народов и проблем их культурного развития является периферийной, а идея культурной близости финно-угров с другими народами РФ вообще никак не акцентирована в деятельности центра. Получается, что это *федеральное учреждение* в своей практической деятельности нацелено на систематическую работу по маркированию границ (символиче-

ских, культурных) между этническими группами населения российских республик и России в целом.

В 2008 г. в столице Мордовии Саранске создан Поволжский центр культур финно-угорских народов, который выполняет те же функции, что и центр в Сыктывкаре. Из наиболее значимых сторон деятельности Поволжского центра следует отметить издание научного журнала «Финно-угорский мир».

Некой площадкой для демонстрации финно-угорского единства и культурной отличительности стал Финно-угорский этнокультурный парк, построенный в нескольких десятках километров от Сыктывкара. В создание парка вложены огромные федеральные деньги, но эффективность его деятельности низка во всех смыслах.

Однако очевидно, что широкая финно-угорская идентичность не может формироваться на зыбкой лингвистической основе. В культурном же плане народы финно-угорской группы очень существенно отличаются друг от друга, тесных экономических связей между регионами их проживания нет, а интенсивные культурные обмены, которые стали реальностью в последние годы, не могут привести к осознанию финно-угорского единства широкими слоями населения. Это осознание есть только у узкого слоя этнической элиты, которая, правда, и формирует идеологию. Несомненно, что формирующая идеологию этнонациональных движений этническая элита должна отстаивать экономические, политические и культурные интересы своих народов. В этом отношении существенно значимо то, как строятся федеративные отношения в государстве, какой объем полномочий есть у субъектов федерации, а какой у федерального центра. По поводу федерализма в российских политических кругах достаточно долгое время продолжаются острые дискуссии. Но в идеологии этнонациональных движений нет сколько-нибудь основательно разработанных идей реформирования российского федерализма и не определены даже политические интересы в этой сфере. В каждой из республик или автономий, где проживают финно-угорские народы, исторически сложились полиэтничные территориальные общности. Для сохранения социальной стабильности внутри этих сообществ необходимо, чтобы уровень их консолидации был довольно значителен. При этом консолидация может происходить, как показывают многочисленные исследования, не на этнической, а на гражданской основе. В то же время в идейных конструкциях этнонациональных движений идея территориальной гражданской солидарности отсутствует, и лишь в резолюциях последних двух съездов АФУН появились декларативные заявления о гражданском единстве россиян. Несмотря на серьезные изменения в положении финно-угорских народов России, перемены в самих этнонациональных движениях и во внутренней политике государства, идеологические конструкции этих движений принципиальным образом не пересматриваются, хотя с начала 2000 г. происходит деполитизация движений и связанная с этим деконцептуализация их идеологии.

Концепции финно-угорского, тюркского «миров» и особого культурного пространства коренных «народов Севера» привели в итоге к

тому, что в символических и идеологических представлениях этнических активистов национальных движений финно-угров, тюрков, малочисленных народов Севера места для крупнейшего народа страны на символической карте России почти нет. Они объявляют «русским регионом» только территорию Центрального федерального округа (см. карту 2), а, к примеру, Архангельскую и Вологодскую области, где доля русских составляет 98 %, относят к этническим территориям финно-угров. Лозунг этнических радикалов «Русским свою русскую республику» опасен тем, что не только может положить начало символической картографической (и виртуальной) войне, но и усилит влияние идей сторонников русского национализма.

Подведем итоги. Современная паннационалистическая концепция «Финно-угорского мира» родилась на волне подъема этнонациональных движений в начале 1990-х годов. Серьезных культурных, политических оснований под ней нет. Все мероприятия, которые осуществляются в рамках «мира», есть обычные культурные связи между регионами и странами: фольклорные фестивали, писательские конференции, обмен выставками и обмен студентами. В связи с этим остается непонятным, в чем состоит культурная сущность «Финно-угорского мира». Однако, понятно то, что эта идея имеет очевидную политическую сущность, т. к. создается впечатление, что «мир» создан лишь для внутрirosсийского использования, ибо Венгрия, Финляндия и Эстония воспринимают себя сегодня, прежде всего, как часть объединенной Европы и общего «европейского дома». Даже усилившаяся в последние годы борьба за «финскость» в Финляндии и «венгерскость» в Венгрии принципиально не меняют ситуацию. При этом конструкция «мира» есть удобный инструмент как культурного, так и политического влияния на Россию, что уже имело место на практике [23]. А поскольку в пропаганду идеи «Финно-угорского мира» вовлечены многие государственные и общественные институты, поскольку ее активно эксплуатируют в своих интересах региональные элиты, постольку «мир» будет востребован и в дальнейшем.

Литература

1. *Шабаев Ю. П.* Колонизация Сибири // Народы Севера России. Справочник / Отв. ред. Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин. М., 2017.
2. *Шабаев Ю. П.* Финляндия // Уральская языковая семья: народы, регионы и страны. Этнополитический справочник. Издание второе / под ред. Ю. П. Шабаева, А. П. Садохина, В. Э. Шарипова. М. — Берлин, 2015. С. 427.
3. *Тишков В. А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации. М.: Наука, 1993.
4. Ленин В. И. К вопросу о национальностях или об автономизации // Полн. собр. соч., 5 изд. Т. 45. М., 1986.
5. *Слезкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

6. *Мусаев В. И.* «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX начало XX вв.). Составление и вступительная статья В. И. Мусаева (Санкт-Петербург) // *Нестор* № 10. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Финно-угорские народы России (проблемы истории и культуры). Источники, исследования, историография. СПб.: Нестор-История, 2007.

7. *Витухновская-Кауппала М.* «Карелия для карел!»: гражданская война как катализатор национального самосознания // *Ab Imperio*. 2010, № 4. С. 73–74.

8. *Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» фин(лянд)ского семиозиса // *Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4.* — Архангельск, 2009. С. 179.

9. *Бутвило А. И.* «Красные финны» в борьбе за Мурман // *Живущие на Севере. Альманах. Вып. 1.* — Мурманск: МГТУ, 2010.

10. Цит. по Кангаспуру М. Взлет и падение «красных финнов» // *Север*, 1997, № 11–12. С. 116.

11. *Канев Ю. В.* История Ненецкого края. Пособие по краеведению. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005. С. 85.

12. Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии // *Национальная политика императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской России, Сибири и Русской Америки. М.: Старый Сад, 1998.*

13. *Кортаев В. И.* Русский Север в конце XIX — первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. — Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. С. 175.

14. *Шабаетов Ю. П., Истомин К. В.* Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изъватас) и коми-пермяки как «другие» коми // *Этнографическое обозрение*, 2017, № 4.

15. *Кузванова О. Ю., Попов А. А., Сметанин А. Ф.* В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). — Сыктывкар: Глава Республики Коми, Коми НЦ, 1996. С. 31.

16. *Кауппала П.* Социализм на европейском севере: сходство и различие со скандинавским путем развития Финляндии (на примере Карелии и Коми, 1921–1941 гг.) // *Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов.* — Йошкар-Ола: Правительство Республики Марий Эл, 2004. С. 252.

17. *Сурво В., Сурво А.* «Центры» и «периферии» фин(лянд)ского семиозиса // *Геокультурное пространство европейского севера. Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 4.* — Архангельск, 2009. С. 126.

18. *Кауппала П.* Сравнительный анализ моделей национально-государственного строительства Коми и Карельской автономий в условиях НЭПа (в контексте опыта Великого княжества Финляндско-

го) // История и современное развитие Республики Коми в составе Российской Федерации. Материалы республиканской научной конференции. — Сыктывкар: Институт ЯЛИ, 2006. С. 20.

19. Конституция Республики Коми // Красное знамя, 10.03.1994.

20. Конституция Республики Карелия / Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия // www.gov.karelia.ru/Constitution/.

21. Конституция Удмуртской Республики. — URL: // http://www.udmurt.ru/about/government/about_government/constitution/.

22. Шабает Ю. П., Чарина А. М. Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ). — СПб.: СПбГУСЭ, 2010. С. 161.

23. Тишков В. А., Шабает Ю. П. Финно-угорская проблема: наш ответ Евросоюзу. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 196. М.: ИЭА, 2007.

Региональная этнополитика

УДК 323.1(470.6)

Этнополитические процессы на Северном Кавказе: стабилизация, факторы, риски*

В. А. Авксентьев

*Доктор философских наук, главный научный сотрудник
Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН»,
avksentiev@rambler.ru*

Аннотация. В статье анализируются факторы, определяющие динамику этнополитических процессов на Северном Кавказе. На основе анализа данных за 2012–2014 гг., 2015–2016 гг. и 2017 г. сделан вывод, что все десять факторов, определенных высшим политическим руководством страны в 2009 г. как причины резкого обострения обстановки на Северном Кавказе, продолжают действовать, хотя изменилась их иерархия и интенсивность. Отдельные позитивные результаты в экономической сфере недостаточны, чтобы системно изменить жизнь в регионе. Этнополитическая сфера по-прежнему остается источником рисков региональной стабильности, позитивные тренды являются неустойчивыми и обратимыми.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этнополитические процессы, этнополитическая стабильность, этнополитические риски, факторный анализ.

Ethno-political processes in the North Caucasus: stabilization, factors and risks

V. A. Avksentev

*Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher,
Federal Research Center "Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences", avksentiev@rambler.ru*

Abstract. The article analyzes the factors that determine the dynamics of ethno-political processes in the North Caucasus. Based on the analysis of data for 2012-2014, 2015-2016 and 2017, the conclusion is made that all ten factors identified by the country's top political leadership in 2009 as the causes of a sharp exacerbation of the situation in the North Caucasus are still active, although their hierarchy and intensity have changed. Some positive results in the economic sphere

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № проекта АААА-А18-118011990322-1).

are not sufficient to systematically change life in the region. The ethno-political sphere still remains a source of risks for regional stability, positive trends are unstable and reversible.

Keywords: North Caucasus, ethno-political processes, ethno-political stability, ethno-political risks, factor analysis.

В настоящее время имеются признаки улучшения этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Первые десять месяцев 2018 г. были самыми стабильными с начала XXI века с точки зрения террористической активности. Не пользуется поддержкой этнический сепаратизм. Сокращается число конфликтов с выраженным этническим компонентом. Если еще несколько лет назад любой конфликт, в который были вовлечены люди разных национальностей, превращался в межэтнический независимо от причин его возникновения, то в настоящее время властям все чаще удается «купировать» такие конфликты и предотвращать их эскалацию. «Большой электоральный цикл» 2016–2018 гг. прошел без заметного привлечения этнического и конфессионального факторов. Не оправдались прогнозы, что выборные кампании различного уровня обостряют межэтнические отношения. Экономические протесты, обусловленные ухудшением положения значительной части населения региона, не направлены против каких-либо этнических групп или представителей этнических групп во власти. Не произошло хорошо известного в конфликтологии процесса переноса («трансфера») напряженности или «канализации» напряженности из неэтнического в этническое русло.

Однако насколько устойчивы позитивные тренды? В каких сферах жизни концентрируются риски этнополитической стабильности? Начиная с 2016 г. в выступлениях публичных политиков стали преобладать позитивные оценки ситуации в Северо-Кавказском регионе. Характерным в этом аспекте является оценка региональной ситуации назначенным в 2018 г. на должность полпреда Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) А. Матовниковым, отметившим, что «в целом криминогенная ситуация на Кавказе не отличается от любых других регионов, то есть она абсолютно спокойная, а по некоторым показателям даже спокойнее, чем в других регионах страны... За последние годы вопросы борьбы с терроризмом решены практически полностью. Расслабляться, конечно же, нельзя, но в данный момент мы живем в мирном округе» [1].

Насколько соответствует такая оценка ситуации реально достигнутым результатам? Конфликт, произошедший осенью 2018 г. в Кабардино-Балкарии, и чечено-ингушский этнотерриториальный спор, превратившийся в острый политический кризис в самой Ингушетии, показали, что этнополитические процессы по-прежнему являются сферой концентрации рисков региональной безопасности и стабильности.

Вспыхивавшие в течение последних двух десятилетий территориальные проблемы, претензии и конфликты удавалось «купировать»,

предотвращать эскалацию, ограничивать базу конфликта на уровне элит. Именно так была преодолена острая фаза чечено-ингушского территориального конфликта в 2012 г. Тогда главы двух республик — Р. Кадыров и Ю.-Б. Евкуров — выступили с жесткими требованиями друг к другу, урегулирование ситуации проходило при активном участии полпреда Президента РФ в СКФО А. Г. Хлопонина. Этот конфликт выявил два важных момента. Во-первых, любой «замороженный», «отложенный», «тлеющий», «застарелый» конфликт содержит риски актуализации, поэтому имеющиеся на территории Северного Кавказа подобные очаги не могут оставаться без постоянного внимания как федеральных, так и региональных властей. Во-вторых, конфликт показал реальную возможность деэскалации до тех пор, пока в него не вовлечены «неэлитные массы».

Развитие событий в территориальном споре Республики Ингушетия и Чеченской Республики осенью 2018 г. показало, что в регионе ослаблен антиконфликтный менеджмент — утрачены некоторые его навыки. В конфликт оказались вовлеченными «неэлитные» массы. Особенно масштабно эти процессы проявились в Ингушетии.

Высокая рискогенность таких конфликтов заключается в том, что любой из них может вызвать цепную реакцию по всему региону и актуализировать «дремлющие» территориальные претензии. Чечено-ингушский этнотерриториальный конфликт стимулировал отдельные всплески этнотерриториальных претензий по Северному Кавказу, большинство из которых не были институционализированы. Наиболее рискогенная ситуация сложилась в Карачаево-Черкесии: были возобновлены «инициативы» по разделу на черкесскую (черкесско-абазинскую) и карачаевскую части с последующими различными вариантами территориальной реорганизации. Учитывая острые этнополитические напряжения 1990-х — начала 2000-х гг., требования очередного раздела Карачаево-Черкесии, хотя и малореализуемые на практике, могут способствовать политизации этничности и росту этнополитической напряженности в Центральном Предкавказье.

События осени 2018 г. в Кабардино-Балкарии показали, каким образом историческая память в условиях политизированной этничности может выступить конфликтогенным фактором. Конфликт, связанный с празднованием юбилея важной для исторической памяти кабардинцев победы в Канжальской битве в 1708 г., уже происходил ранее, в 2008 г., когда в балкарском селе Кенделен возник конфликт. Тогда группа кабардинских всадников попыталась проехать через село, чтобы совершить восхождение на гору Канжаль. Всадников остановили местные жители, и те были вынуждены добираться до места по опасному объездному пути. Власти Кабардино-Балкарии понимали, что конфликт может повториться в очередной юбилей в 2018 г., что и произошло. Участников восхождения отговаривали от прохода через село, но всадники ответили, что они являются гражданами РФ и имеют право свободно передвигаться по стране [2]. Всадники действительно достигли вершины обходным путем, однако национальные активисты и молодежь остались недовольны тем, что их не пустили проехать через

село. Разгорелся острый конфликт с погромами, стрельбой и перекрытиями дорог. Конфликт был погашен с помощью силовых структур.

Этот конфликт не только «высветил» роль исторической памяти как одного из узлов концентрации рисков, но и показал, что вслед за окончанием манифестных проявлений конфликта не наступает период реконструкции. Власти Кабардино-Балкарии понимали, что конфликт 2008 г. не был разрешен, а перешел в латентную фазу, и рассчитывали на упреждающие действия накануне очередного юбилея. Но такая тактика не сработала, необходима постконфликтная реабилитация и институциональная реконструкция в зоне конфликта.

В то же время эти конфликты не отменяют достигнутых положительных результатов в стабилизации этнополитической обстановки. Но эти результаты не должны быть переоценены. Специфика современных проблем на Северном Кавказе заключается в том, что их конфликтогенный потенциал может реализоваться через несколько опосредованных звеньев, что повышает значимость оценки рисков принимаемых в регионе решений. В этих условиях необходимо отслеживать динамику основных конфликтогенных факторов и на этой основе выявлять «точки концентрации» рисков этнополитической стабильности.

На пике обострения напряженности на Северном Кавказе Президент РФ Д. А. Медведев на заседании Совета безопасности России в г. Махачкале 9 июня 2009 г. определил основные причины и факторы поддержания нестабильности в регионе [3]. В течение нескольких лет нами осуществляется анализ динамики влияния этих факторов на региональную ситуацию. Для сравнительного анализа были использованы доступные данные за 2014 г. и 2015–2016 гг.

На основе данных за 2014 г. в сравнении с данными по предыдущим годам (2012 г.) был сделан вывод, что «все факторы напряженности в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе, репродуцирования экстремизма и терроризма сохраняют свое действие, хотя изменилась интенсивность их влияния и их иерархия» [4].

По итогам анализа данных за 2015 и 2016 гг. и сравнения с 2014 г. сделан вывод, что большинство факторов дестабилизации продолжают действовать, а сами факторы большей частью имеют внерегиональный генезис и по многим показателям регион не является лидером по кризисным процессам [5].

В 2018 г. был продолжен факторный анализ механизмов поддержания нестабильности; эта работа приобрела характер мониторинга и позволила выявить «узлы рисков» в развитии региональной ситуации на Северном Кавказе.

Далее приводятся данные и выводы по трем этапам мониторинга факторов поддержания напряженности, воспроизводства экстремизма и терроризма на Северном Кавказе: за 2014 г. приводятся конечные выводы, за 2015–2016 гг. — сокращенная аргументация. Полная аргументация и ссылки на источники приводятся в публикациях по итогам предшествующих этапов исследования. Каждая таблица (табл. 1–10) соответствует одному фактору, обозначенному Президентом РФ Д. А. Медведевым в 2009 г.

Таблица 1. Низкий уровень промышленного производства

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась.	Ситуация противоречивая: на втором месте в России по темпам роста промышленного производства — Дагестан. Наибольшее снижение индекса промпроизводства из республик СКФО — в КБР; лидируют в «антирейтинге» республики Коми и Марий-Эл.	По индексу промпроизводства ни одна из республик СКФО не входит в число аутсайдеров (последние 20 мест). Во всех республиках имеется рост: наименьший — в Чеченской Республике и Кабардино-Балкарии, наибольший — в Республике Дагестан (+15,7 %) и Ингушетии (+15,6 %) [6].

Хотя итоги 2017 г. можно считать оптимистическими по сравнению с предыдущими годами, нужно учесть затяжной эффект «низкого старта». Три из шести республик СКФО, а также Ставропольский край имели минимальный индекс промышленного производства в 2017 г. (в пределах +1 %... +1,8 %). Вывод: имеются позитивные тенденции, требующие закрепления; риски, коренящиеся в уровне промышленного производства, несколько снизились.

Таблица 2. Критическая зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась.	Тенденция сохраняется. В пересчете на душу населения иерархия следующая (2016 г.)... 4. Чеченская Республика. 5. Республика Дагестан... 9. Ставропольский край.	В пересчете на душу населения иерархия следующая (утвержденный объем на 2017 г.): 1. Камчатский край. 2. Республика Саха (Якутия). 3. Республика Крым и Севастополь. 4. Магаданская обл. 5. Республика Тыва. 6. Республика Горный Алтай. 7. Республика Ингушетия. 8. Республика Дагестан. 9. Еврейская АО. 10. Республика Бурятия. 11. Карачаево-Черкесская Республика. 12. Чеченская Республика [7].

Примечание: методика расчета предоставления субсидий постоянно меняется.

По общему объему дотаций, выделенных на 2017 г., на третьем месте в России — Дагестан. Четыре из шести республик Северного Кавказа входили в группу с 7-го по 12-е место по объему дотаций на душу населения. Из республик региона лидирующую позицию занимает Ингушетия (7-е место), однако размер дотаций существенно снижается (более чем в два раза) при переходе от первых шести мест, в которые входят территории с суровым климатом, а также Крым и г. Севастополь, к группе «места с 7-го по 12-е». Вывод: зависимость республик Северного Кавказа от дотаций федерального бюджета сохраняется, но стала менее критической.

Таблица 3. Относительная бедность населения

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Ситуация за период существования СКФО мало изменилась.	Тенденция сохраняется. Лидирует в «антирейтинге» Псковская область, предпоследнее место за Дагестаном. 6-я позиция у КБР, 8-я у КЧР. Несколько лучше показатели у РСО — Алании и Республики Ингушетия и Чеченской Республики.	Тенденция сохраняется. По доле работающих с зарплатой менее 10 тыс. руб. в первую десятку «антирейтинга» входят все республики Северного Кавказа, при этом в Дагестане доля таких работающих составила 34,8 % [8].

Примечание: сложности объективной оценки ситуации вследствие создания значительного дохода в теневом секторе.

Вывод: бедность по-прежнему является важной чертой жизни на Северном Кавказе, однако такая ситуация характерна для многих регионов России. При этом реальные доходы на Северном Кавказе выше за счет теневой экономики, которую эксперты оценивают в 35–45 % [9]. Поэтому рассматривать бедность как важнейший фактор продуцирования и репродуцирования национализма, религиозной розни, экстремизма и терроризма было бы значительным упрощением. В качестве подтверждения этой точки зрения можно привести оценку Д. С. Саркаровой ситуации в Дагестане: «Почти во всех городах, особенно в поселках и сельской местности, значительная часть трудоспособного населения занята в сфере теневой экономики либо на многочисленных рынках, в мелких лавочках либо ведет индивидуальное частное хозяйство» [10].

Таблица 4. Отставание качества жизни в Южном федеральном округе и республиках Северного Кавказа от среднероссийского

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Тенденции сохраняются, однако замыкают рейтинг не северокавказские республики (Алтай, Калмыкия, Тыва).	Распределение позиций по Северо-Кавказскому федеральному округу в 2015 г.: Ставропольский край — 19-е место в России (в 2016 г. — 21-е); республики региона занимают места с 59-го (РСО — Алания) по 84-е (Ингушетия) (в 2016 г. ситуация изменилась мало).	Распределение позиций по Северо-Кавказскому округу в 2017 г. выглядит следующим образом: Республика Ингушетия — 84-е место (из 85) (без динамики); Карачаево-Черкесская Республика — 83-е (ухудшение по сравнению с 2016 г.); Кабардино-Балкария — 75-е (без динамики); Республика Дагестан — 73-е (без динамики); Северная Осетия — 72-е (существенное ухудшение); Чеченская Республика — 68-е (улучшение); входящий в СКФО Ставропольский край находится на 22-й позиции [11].

Примечание: возможные большие погрешности из-за объема теневых доходов и услуг в регионе.

Вывод: с началом экономического кризиса расклад среди субъектов федерации, входящих в СКФО, мало изменился по сравнению с докризисным 2014 годом. В 2017 г. несколько ухудшилась позиция в «антирейтинге» Ингушетии, Карачаево-Черкесской Республики, значительно ухудшилась позиция РСО — Алания. Однако, как и в случае с распределением бедности по территории страны, «национальные» республики региона расположены в одном контексте с субъектами федерации из других федеральных округов.

Таблица 5. Высокий уровень безработицы

2014 г.	2015–2016 гг.	2018 г.
Влияние этого фактора уменьшилось.	Наибольшие показатели безработицы за III квартал 2016 г. в России — Республика Ингушетия и Чеченская Республика; далее — Республика Тыва, КЧР, Калмыкия, Забайкальский край, КБР (уровень Иркутской области).	Наибольшие показатели безработицы в России за III квартал 2018 г. по-прежнему в Ингушетии (26,3 %) (второе место в России занимает Республика Тыва (15,7 %)). Чеченская Республика (13,7 %) — на третьем месте. Уровень безработицы в Карачаево-Черкесии (11,2 %) и Дагестане (10,5 %) близок к ситуации в Республике Алтай (11,2 %) и Забайкальском крае (10,2 %) [12].

Примечание: возможные большие погрешности из-за занятости в теневом секторе.

Вывод: высокий уровень безработицы по-прежнему остается отличительной чертой Северного Кавказа, хотя именно по этому показателю достигнуты наибольшие позитивные результаты. Сложной остается ситуация в Ингушетии, ситуация в других республиках хотя и сложная, но совпадающая с рядом других сложных в плане занятости регионов России. При этом важно принимать во внимание как хорошо известные по всей стране трудности работы с этим показателем, так и его специфику на Северном Кавказе, а именно большую занятость в теневом секторе экономики.

Таблица 6. Масштабы коррупции

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Влияние на региональную ситуацию сохраняется.	Сохраняется и расширяется. Борьба с коррупцией в регионе не принесла результатов.	Выдвигается в качестве одного из главных факторов поддержания нестабильности в регионе. Три субъекта федерации, расположенных в Северо-Кавказском федеральном округе, вошли в список регионов России, где, по данным Национального антикоррупционного комитета, коррупция росла в течение 2017 года наиболее быстрыми темпами. Среди них Ингушетия, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия [13].

Согласно информационному бюллетеню Национального антикоррупционного комитета, Ингушетия заняла по росту фактов коррупции в 2017 г. первое место в России (почти двукратное увеличение). Карачаево-Черкесия — на третьем месте, хотя темпы роста коррупции у этого региона почти вдвое ниже: 45,1 %. Карачаево-Черкесия уступила всего 0,5 % Брянской области, которая стала второй по приросту коррупционных преступлений в России. Число зарегистрированных фактов коррупции увеличилось в 2017 году также в республике Северная Осетия и в Ямало-Ненецком автономном округе. В масштабах России фиксируется снижение числа фактов коррупции на 10 % по сравнению с 2016 годом [14].

Развернувшаяся борьба с коррупцией в Дагестане может дать определенный результат при условии последовательности: за период после назначения В. А. Васильева на должность врио главы Дагестана до конца первого полугодия 2018 г. более 200 чиновников в республике были привлечены к ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства [15]. Однако не ликвидируются системные основания коррупции: этноклановость, дотационный характер экономики, неразвитость гражданского общества, теневая экономика.

Важно также учитывать, что решить проблему коррупции в отдельно взятом регионе, без существенных позитивных сдвигов в этом деле

в масштабах всей страны, невозможно. Шокировавшие общественность задержания высокопоставленных чиновников в Республике Дагестан в феврале 2018 г. совпали по времени с оглашением приговора бывшим губернаторам Кировской и Сахалинской областей, обвиненным в преступлениях коррупционной направленности. Несколько ранее вся страна следила за коррупционным делом бывшего министра федерального правительства.

Работа со статическими данными по преступности различного характера имеет свои сложности: эти данные характеризуют не только динамику преступности, но и эффективность работы правоохранительных органов.

Вывод: проблема коррупции на Северном Кавказе очень острая, и на сегодняшний день именно эта проблема выдвигается в число главных факторов поддержания напряженности, социального недовольства, воспроизводства экстремизма и терроризма. Феномен коррупции «работает» на делегитимацию государства и является одним из главных «козырей» в борьбе экстремистов и террористов за умонастроения людей. Однако решить проблему коррупции в отдельно взятом регионе, без существенных позитивных сдвигов в этом деле в масштабах всей страны, невозможно. Второе место в России по приросту коррупционной деятельности, как отмечалось выше, заняла Брянская область. Коррупция на Северном Кавказе ничем принципиально не отличается от других регионов. Спецификой Северного Кавказа является сочетание коррупции с этноклановостью, что превратило эти два явления в своеобразный сплав с трудноразделимыми компонентами.

Таблица 7. Крайне низкая эффективность региональных органов власти

2014 г.	2015–2016 гг.	2017 г.
Влияние на региональную ситуацию сохраняется.	В рейтинге эффективности региональных органов власти в 2016 г. Чеченская Республика занимает 4-е место, КЧР — 37-40-е, КБР — 50-51-е, Ставропольский край — 54-е, РСО — Алания — 72-е, Ингушетия — 74-е, Дагестан — 83-е. Замыкают рейтинг не северокавказские республики.	По оценке Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК), рейтинг эффективности региональных органов власти в 2017 г. следующий: Чеченская Республика занимает 3-е место (незначительное улучшение); Карачаево-Черкесия — 51-е (существенное ухудшение); Кабардино-Балкария — 63-е (существенное ухудшение); Республика Ингушетия — 69-е (улучшение); РСО — Алания — 68-е (улучшение); Ставропольский край — 70-е (существенное ухудшение); Республика Дагестан — 76-е (улучшение) [16].

Вывод: сохраняется ранее сделанный вывод, что неэффективность органов власти не является северокавказским феноменом и характерна для большинства регионов России и властей всех уровней.

Таблица 8. Этноклановость

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Сохраняется с тенденцией к усилению.	Сохраняется. Отсутствуют экономические механизмы демонтажа клановой системы.	Сохраняется и видоизменяется. Клановые группы постепенно превращаются из родственных в сплоченные закрытые группы по интересам, связанным с удержанием/перераспределением властных и экономических ресурсов.

Проблеме этноклановости в республиках Северного Кавказа уделяется немало внимания в научной литературе, преимущественно в работах московских авторов. Научные работники и эксперты, работающие в республиках региона, стараются обходить эту острую проблему. Тем не менее обходить данную проблему стороной невозможно. Как отмечает Т. С. Чабиева, характеризуя ситуацию в Ингушетии, «...нестабильность вызвана, прежде всего, сохраняющейся в регионе клановостью, выраженной в тейпово-видовой структуре, значение которой приуменьшает местная научная интеллигенция, но в то же время актуальность и значимость которой постоянно подчеркивает глава региона Ю.-Б. Евкуров» [17]. О влиянии клановости на разные стороны жизни, прежде всего связанные с перераспределением властных и материальных ресурсов, говорят многие общественные деятели. Так, глава Совета старейшин черкесского народа Карачаево-Черкесии А. Тамазов считает, что назначения высокопоставленных лиц в республике происходят по клановому, а не профессиональному принципу: «Семьям некоторых назначенных высокопоставленных чиновников, с которыми связано руководство Карачаево-Черкесии, отдаются почти все многомиллионные и даже миллиардные государственные контракты и подряды, бюджетные субсидии. При этом никакой прозрачности их деятельности мы не видим» [18]. Сразу после задержания высокопоставленных чиновников Республики Дагестан в феврале 2018 г. журналисты и эксперты стали говорить о крахе «мекегинского» клана, возвысившегося в период руководства республикой Р. Г. Абдулатипова, и о возможном дележе наследства [19].

Клановая система на Северном Кавказе претерпевает изменения. Клановые группы расширяются, включают в себя группы и лиц «по интересам». К. И. Казенин отмечает, что «...центральное отличие Кавказа от других частей России не в «традиционности»,

не в межэтнических сложностях и не в патрон-клиентских отношениях между вышестоящими и нижестоящими чиновниками или между чиновниками и предпринимателями (в этом плане все как раз очень похоже на другие регионы страны). Отличие в большей плотности на Северном Кавказе социальных связей, в механизмах солидарности, способных охватить заметные слои местных жителей и вывести на публичные акции. Эта солидарность может работать на защиту прав жителей, а может — на защиту клановых лидеров» [20].

Мы сохраняем ранее сделанный вывод, что единственным путем к демонтажу клановой системы на Северном Кавказе является реиндустриализация и технологическая модернизация. Эта позиция имеет немало критиков в московской экспертной среде, однако, как справедливо отмечает В. А. Тишков, что «если будут реализовываться какие-то проекты, связанные с интенсивным развитием, как, например, та же сочинская Олимпиада, то на Северном Кавказе начнется новая жизнь — с точки зрения больших проектов, интересных дел. Чечня, кстати, здесь подает пример того, что можно увлечь народ даже после тяжелейших разрушений и двух войн делом восстановления. Это показывает, что большие проекты и какие-то большие дела сплачивают людей и не оставляют места для насилия, для ссор, для каких-то таких других вещей» [21].

Таблица 9. Преступная деятельность бандподполья: влияние на региональную ситуацию

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Влияние на региональную ситуацию уменьшилось вследствие эффективных действий «силовиков».	Ситуация остается сложной. Постоянно поступают сообщения о ликвидации боевиков или их небольших групп.	Бортников: за 2017 г. «правоохранительными органами и органами власти реализован комплекс силовых и профилактических мер, позволивших более чем в два раза снизить количество преступлений террористической направленности на территории Северо-Кавказского федерального округа» [22].

Вывод: деятельность «силовиков» является важной составляющей стабилизации обстановки на Северном Кавказе, однако последовательное искоренение бандподполья по-прежнему остается одной из главных задач по стабилизации обстановки.

Таблица 10. «Экстремизм, который поставляется нам из-за рубежа»

2014 г.	2015–2016 гг.	2017–2018 гг.
Резко увеличилось по причине разрастания геополитической борьбы по всему Азово-Причерноморью и Прикаспию.	Негативные тенденции сохраняются.	Специфика современного этапа — возрастание роли социальных сетей в распространении экстремистской информации и вербовки в ряды боевиков, где активно действуют анонимные группы, закрытые сообщества и другие каналы.

В выступлении на выездном заседании Совета безопасности России в г. Махачкале 9 июня 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев назвал внешний фактор десятым, как бы дополнительным к девяти внутренним факторам роста нестабильности в регионе. За прошедшее время внешне- и геополитическая ситуация на южном стратегическом направлении существенно обострилась. В новой редакции Стратегии государственной национальной политики с учетом изменений, утвержденных Указом Президента Российской Федерации № 703 от 6 декабря 2018 г., проблема ставится гораздо более остро. В качестве проблем в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений выделены проблемы, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. Первой такой проблемой обозначено распространение международного терроризма и экстремизма, радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности. В качестве второй и третьей проблем обозначены «возникновение очагов межнациональной и религиозной розни в результате попыток пропаганды в стране экстремистской идеологии, являющейся в том числе причиной зарубежных региональных конфликтов», а также «гиперболизация региональных интересов и сепаратизм, развивающиеся в том числе вследствие целенаправленного вмешательства из-за рубежа и угрожающие государственной целостности» [23].

На протяжении последних двух лет наблюдается явное перемещение экстремистской активности в сеть «Интернет». Значительно сократилось иностранное влияние через неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа вследствие их нежелания работать в статусе «иностранного агента». Как отмечает секретарь-координатор Кавказского геополитического клуба Я. Амелина, «основной проблемой общества общественно-политического ландшафта Северного Кавказа на сегодняшний день является не деятельность тех или иных НПО, не оказывающих реального влияния на ситуацию в регионе, а реализуемое разного рода деструктивными элементами активное создание и проработка альтернативных каналов воздействия на сознание, в круглосуточном режиме доступных прямо на экране любого дешевого смартфона» [24].

Таким образом, корни и конкретные источники этнополитической напряженности, находящиеся, прежде всего, внутри общества, в его социально-экономической и институциональной сферах, сохранились. Улучшение отдельных экономических показателей не дает оснований говорить о том, что состоялась экономическая реконструкция региона, рассматривавшаяся на этапе создания Северо-Кавказского федерального округа как системообразующее звено по деэскалации этнополитической напряженности. В сочетании с административно-силовой составляющей некоторые позитивные изменения в социально-экономической жизни привели к снижению этнополитической напряженности, числа и остроты этнополитических конфликтов на Северном Кавказе. Однако позитивные процессы имеют обратимый характер, этнополитическая сфера по-прежнему характеризуется высокой концентрацией рисков возникновения конфликтов с этническим компонентом.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 1.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № проекта АААА-А18-118011990322-1).

Литература

1. На Северном Кавказе назвали криминогенную обстановку «абсолютно спокойной» // РИА «Новости», 16.07.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/society/20180716/1524662663.html> (дата обращения 01.09.2018).
2. Кабардино-Балкарский конфликт в Кенделене: хроника противостояния // «Регион онлайн», 18.09.2018 [Электронный ресурс]. — URL: https://news-r.ru/news/kabardino_balkar_republic/249303/ (дата обращения 25.09.2018).
3. Медведев Д. А. Выступление на расширенном оперативном совещании с членами Совета безопасности, 09.06.2009 // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/4384> (дата обращения 27.01.2018).
4. Авксентьев В. А. Факторы поддержания нестабильности, экстремизма и терроризма в южном макрорегионе // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4236–4246. — URL: <https://my-files.ru/vncd7g>.
5. Авксентьев В. А. Затяжной региональный кризис на Северном Кавказе: есть ли свет в конце тоннеля? // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всероссийской

научной конференции (Ростов-на-Дону, 5–6 октября 2017 г.) / [отв. ред. академик Г. Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. С. 511–521.

6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2017 года [Электронный ресурс]. — URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/rating_regions_2018.pdf (дата обращения 16.11.2018).

7. Объем дотаций регионам в 2017 году увеличен на 100 млрд рублей // Storm24.media, 15.12.2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://storm24.media/news/382> (дата обращения 16.11.2018).

8. Богатые и бедные регионы России: рейтинг // Кризис-копилка, 04.03.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://krizis-kopilka.ru/archives/49104> (дата обращения 16.11.2018).

9. *Ивершинь А.* На Северном Кавказе работают в тени // Комсомольская правда. Северный Кавказ, 18.04.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/26667/3689882/> (дата обращения 11.09.2018); Бизнесмены Северного Кавказа считают, что в КЧР самая низкая доля теневого сектора экономики по СКФО // «РИА Карачаево-Черкесия» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.riakchr.ru/biznesmenyi-severnogo-kavkaza-schitayut%2C-chto-v-kchr-samaya-nizka-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-po-skfo/> (дата обращения 11.09.2018).

10. *Саркарова Д. С.* Влияние теневой экономики на политическую ситуацию в республиках СКФО // Горизонты экономики, 2015. № 6/2 (26). С. 108.

11. Рейтинг российских регионов по качеству жизни, 2017 // РИА РЕЙТИНГ [Электронный ресурс]. — URL: <http://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html> (дата обращения 16.11.2018).

12. Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации // Трудовые ресурсы. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения 16.11.2018).

13. Три республики Северного Кавказа стали лидерами в России по росту коррупции // ИА Regnum, 05.03.2018 [Электронный ресурс]. — URL: Подробности: <https://regnum.ru/news/2387332.html> (дата обращения 20.1.2018).

14. Там же.

15. Васильев отчитался Путину о борьбе с коррупцией // Кавказский узел, 10.07.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/322837/> (дата обращения 15.07.2018).

16. Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2017 году // Агентство политических и экономических коммуникаций, 20.12.2017 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.apcom.ru/articles/?ELEMENT_ID=4332 (дата обращения 16.11.2018).

17. *Абакаров Р. И., Авксентьев В. А., Адиев А. З., Аккиева С. И., Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х., Иванова С. Ю., Зинченко М. С., Кубанова Л. В., Лаза В. Д., Теммоев И. Ю., Чабиева Т. С., Чекменев Д. С.,*

Чихтисов Р. А., Щербина Е. А., Шульга М. М., Юсупов М. М. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: экспертный доклад / научн. ред. Б. В. Аксюмов. — Ставрополь: СКФУ, 2017. С. 65.

18. Черкесские старейшины обвинили руководство республики в дискриминации // Политика 09 — Независимый информационно-аналитический портал, 17.03.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <https://politika09.com/politika/cherkesskie-starejshiny-obvinili-rukovodstvo-respubliki-v-diskriminatsii/> (дата обращения 31.01.2017).

19. Дагестанские журналисты прогнозируют борьбу за наследство «мекегинского» клана // Кавказский узел, 05.02.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/316124/> (дата обращения 09.02.2018).

20. *Казенин К.* Что означает упадок кавказских кланов для федеральных властей? // РуАН, 11.10.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://новости.ru-an.info/новости/что-означает-упадок-кавказских-кланов-для-федеральных-властей/> (дата обращения 17.11.2018).

21. *Тишков В.* Новое поколение политиков решит карабахскую проблему // Вестник Кавказа, 14.08.2014 [Электронный ресурс]. — URL: <http://vestikavkaza.ru/articles/Valeriy-Tishkov-Novoe-pokolenie-politikov-reshit-karabakhskuyu-problemu.html> (дата обращения 10.12.2017).

22. Бортников: на Северном Кавказе в 2018 году предотвратили шесть терактов // ТАСС, 09.10.2018 [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5652858> (дата обращения 21.11.2018).

23. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf> (дата обращения 12.12.2018).

24. *Амелина Я.* Деструктивная деятельность на Северном Кавказе: концепция изменилась // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 14.11.2017 [Электронный ресурс]. — URL: <http://nic-pnb.ru/vnutrennie-ugrozy-nacionalnoj-bezopasnosti/destruktivnaya-deyatelnost-na-severnom-kavkaze-kontseptsiya-izmenilas/> (дата обращения 21.01.2018).

УДК 323.1(470.6)

Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе

Д. С. Джантеева

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом социологических исследований и анализа Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, dchulyach@inbox.ru

Аннотация. В работе исследуются особенности стратегических коммуникаций акторов этнополитики в Северо-Кавказском регионе. На основе мультипарадигмальной концепции, базирующейся на стратегическом, социокультурном и коммуникативном подходах, и сочетающейся с этнополитическими теориями, представлена авторская интерпретация понятия «коммуникативные стратегии этнонациональной политики» и причины его актуализации. Автор раскрывает цели, функциональное значение и детерминанты коммуникативных стратегий, направленных на достижение идентификационных целей современной политики нациестроительства на Северном Кавказе с акцентуацией внимания на роли государства. Опираясь на результаты анализа эмпирических данных, автор сформулировал основные выводы, утверждающие значимость стратегических коммуникаций в этнополитической сфере и необходимость совершенствования в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, этнонациональная политика, нациестроительство, Северный Кавказ, этнополитика, стратегические коммуникации.

Communicative strategies of ethnonational policy in the North Caucasus

D. S. Dzhanteeva

PhD in Historical Sciences, associate professor, Head of the Department of Sociological Research and Analysis, Karachay-Cherkess Institute for Humanities Research under the Government of the Karachay-Cherkess Republic, dchulyach@inbox.ru

Abstract. The paper investigates the features of strategic communications of actors of Ethnopolitics in the North Caucasus region. On the basis of the multiparadigm concept based on strategic, socio-cultural and communicative approaches and combined with ethno-political theories, the author presents the interpretation of the concept of “communication strategies of ethno-national policy” and the reasons for its actualization. The author reveals the goals, functional significance and determinants of communication strategies aimed at achieving the identification goals of the modern policy of nation-building in the North Caucasus

with an emphasis on the role of the state. Based on the results of the analysis of empirical data, the author formulated the main conclusions confirming the importance of strategic communications in the ethno-political sphere and the need to improve them in the region under consideration.

Keywords: communicative strategies of ethnic politics, nation-building, North Caucasus, ethnic politics, strategic communication.

Очевидные радикальные преобразования политической структуры России и актуализация национальной политики в XXI веке [1] изменили отношение к политико-коммуникативным процессам в этнокультурной среде, связанным с выбором коммуникативных стратегий для укрепления единства многонационального народа России.

Как известно, современная политика нациестроительства в РФ ориентирована на формирование гражданской нации и рассматривается как способ государственного регулирования межэтнических отношений посредством применения коммуникативных стратегий, установления различных конфигураций деловых контактов и поиска управленческих решений. Формирование государственной национальной политики представляет собой сложный нелинейный динамичный процесс, поток коммуникаций, транслирующий изменчивые вариации публичных и латентных, формальных и неформальных отношений государственных и гражданских акторов [2].

Под коммуникативными стратегиями этнонациональной политики в данной работе понимаются долгосрочные, перспективные задачи, направленные на укрепление государственной власти, достижение идентификационных целей актуальной политики нациестроительства с использованием властных полномочий при подготовке и принятии этнополитических решений и легитимации этих решений с помощью коммуникативных технологий и практик: текстов, медиа- и вербальной коммуникации, связей с общественностью и т. д. В целом коммуникативные технологии включают все многообразие методов, приемов, механизмов и процедур этнополитического стратегического взаимодействия на всех уровнях властных отношений. Поэтому этнонациональные коммуникативные стратегии в российских регионах органично вписаны в федеральную политическую повестку власти и обусловлены последовательностью реализации ее коммуникативной политики в контексте концепции нациестроительства.

Теоретическая и практическая значимость исследования коммуникативных стратегий этнонациональной политики в региональном измерении связана с интенсивным развитием информационного общества, неоднозначным воздействием глобализации на состояние и эволюцию этнических культур и национальных государств, в связи с чем актуализируются локальные политико-коммуникативные процессы, ассоциированные с этничностью. В этом плане не является исключением и Северный Кавказ, которому присущи такие социокультурные характеристики, как традиционализм, консерватизм, мульти-

культурализм, гражданственность, солидарность, коллективизм, этногруппизм и т. д. Вместе с тем стратегические этнополитические коммуникации обусловлены актуальной этнополитической ситуацией, состоянием политического информационного пространства, ресурсным потенциалом коммуникантов и типом устанавливаемых контактов. На эффективность коммуникативной деятельности в рамках реализации государственной национальной стратегии влияют различные конфигурации факторов внешнего и внутреннего порядка (современные геополитические и глобализационные вызовы, этнополитические провокации, манипуляции этнополитическим сознанием, распространение идеологии экстремизма и терроризма и т. д.). В совокупности обозначенные факторы определяют нелинейность, многомерность и разноуровневую направленность этнополитических коммуникативных стратегий, отличающихся по институциональному оформлению, социальной роли и функциям в этнополитическом процессе.

Одним из определяющих параметров оптимального сценария развития СКФО является стабилизация общественно-политической и межэтнической ситуации [3]. А в числе приоритетных программных мероприятий, направленных на укрепление гражданской идентичности, межэтнических отношений и содействие этнокультурному развитию народов Северного Кавказа, значится проведение соответствующей информационной политики. С учетом этого, а также значимости информационно-коммуникационной составляющей современной программы нациестроительства в РФ [4], отметим ключевую роль коммуникативных стратегий этнонациональной политики, конструируемых органами государственной власти совместно с медийными структурами, общественно-политическими объединениями и другими акторами этнополитики. Тем самым институциональная структура этнополитических стратегических коммуникаций государства включает различные организации, участвующие в формировании их содержания и коммуникативных целей, т. е. стратегических результатов, которые определяются в четком соответствии с программно-целевыми задачами этнонациональной политики государства, обозначенными в федеральных, региональных и муниципальных программах и стратегических документах [5]. При этом коммуникативные цели государственной этнонациональной политики пересматриваются и эволюционируют в зависимости от национальных и этнополитических интересов государства и полиэтнического сообщества. Основные целевые установки стратегических этнополитических коммуникаций государства, равно как и других видов аналогичного социального коммуникативного воздействия, состоят в передаче сообщения (информировании), убеждении (изменении мнения и поведения, подчинении) и информационном обмене (установлении диалога, сотрудничества) [6]. Этнополитическими целями стратегических коммуникаций государства на Северном Кавказе, на наш взгляд, являются:

— информирование реципиентов о значимых этнополитических/ этнокультурных инициативах и событиях;

- регулирование этнополитической деятельности посредством целенаправленного административного воздействия (информационного, экономического, правового и т. д.);
- пропаганда позитивных практик и результатов межэтнического и межконфессионального взаимодействия/сотрудничества;
- создание позитивного имиджа этнических общностей и их политических интересов, рассматриваемых в контексте государственной политики;
- координация надэтнических гражданских инициатив и усилий по укреплению единства российской нации;
- контроль информационной деятельности участников этнополитического процесса;
- соблюдение ритуальных этнополитических текстов и коммуникативных действий.

Функциональное значение государственных стратегических коммуникаций, формируемых вокруг решения этнонациональных вопросов, направлено на стабилизацию этноконфессиональной ситуации посредством использования различных коммуникативных стратегий, в числе которых мы можем выделить: стратегию этнокультурного и межэтнического сотрудничества, этнорелигиозной толерантности и поддержания этнокультурной идентичности; стратегию расширения возможностей межкультурного диалога и участия в нем этнических объединений; стратегию самопрезентации этнических общностей; стратегию гражданской интеграции и т. д. С этой точки зрения государственные этнополитические коммуникативные стратегии рассматриваются нами как факторы инициации межкультурного диалога, гражданской активности, генерирования конструктивных идей и инновационных подходов, направленных на преодоление деструктивных этносоциальных явлений, межэтнической напряженности и соответствующих коммуникационных барьеров. Реализация некоторых мероприятий, предусмотренных государственными программами в рамках этнонациональной политики, предполагает использование коммуникативных стратегий межрегионального сотрудничества заинтересованных сторон: государства, СМИ и общества. К таким мероприятиям следует отнести северокавказские форумы, фестивали, конкурсы и другие значимые события этнокультурной направленности («Архыз-XXI», «Машук», форум СМИ СКФО и т. д.).

Коммуникативные стратегии взаимодействия государства, СМИ и общества в рамках реализации этнонациональной политики имеют отличительные свойства, присущие отдельным регионам Северного Кавказа, что обусловлено социокультурной спецификой, этнополитическим дизайном и особенностями развития информационного пространства. К примеру, Чеченская Республика и Республика Ингушетия являются практически моноэтническими, в то время как Республика Дагестан и Карачаево-Черкесская Республика полиэтничны и отличаются высоким индексом этнической мозаичности в масштабах всей страны. В регионах Северного Кавказа сохраняются конфлик-

тогенные этнические факторы: земельные/территориальные споры, незавершенность реформы местного самоуправления, политизация общественно-политической сферы, отток русскоязычного населения и т. д. [7]. Особенности развития информационного пространства в регионах Северного Кавказа определяются, прежде всего, неравномерностью проникновения Интернета и цифровым разрывом между городскими и сельскими жителями, уровнем медиаграмотности населения, плотности медиаканалов, степенью диверсификации СМИ, состоянием кадров СМИ, уровнем технической оснащенности СМИ [8] и т. д.

Этнополитические стратегические коммуникации государства на Северном Кавказе формируются с учетом социокультурных особенностей региона. Общеизвестно, что социокультурный контекст формирует уникальную социальную реальность, на фоне которой политические институты, политические коммуникации и публичная сфера власти не только на Северном Кавказе, но и в современной России (включая ментальные модели российских чиновников) тяготеют к формам, характерным для традиционных обществ [9]. Современное северокавказское общество, пережившее ретрадиционализацию [10] и находящееся на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации [11], демонстрирует приверженность и доверие лектоническому типу коммуникации, который используется в коммуникативных стратегиях этнополитических элит в процессе формального и неформального взаимодействия. Здесь следует отметить и конструктивный потенциал неформальных этнополитических контактов, которые используются в консенсусно-коммуникативной стратегии власти во всех регионах Северного Кавказа. Это и межэтнические элитные договоренности по вопросам актуальной этнополитики, и соблюдение традиционных обычаев примирения этнических и иноэтнических кровников, и привлечение института старейшин, и т. д. Латентный характер согласительных коммуникаций обусловлен неформальной политической коммуникативной культурой [12] и готовностью к поиску компромисса.

Эмпирические исследования неформальных политических практик на Северном Кавказе подтверждают мнение о том, что конфликтные этнополитические ситуации регулируются с помощью коммуникативной стратегии народной дипломатии при медиаторстве власти. Такой подход соответствует коммуникативной логике российской власти и общества, ориентированной на закрепление положительного результата в сфере этноконфессиональных отношений в стране в условиях новых вызовов и рисков, с которыми Российская Федерация столкнулась в последнее время [13]. Неформальное медиаторство власти в кризисных этнополитических коммуникациях ограничено результатами выбора коммуникативной стратегии народной дипломатии и политической целью, поэтому оно имеет перманентный и ситуативный характер. При этом заинтересованность власти в урегулировании межэтнической ситуации является одним из фак-

торов эффективности согласительной политической коммуникации, осуществляемой в неформальной обстановке. Преднамеренное участие власти в межэтнических кризисных коммуникациях проявляется в выполнении ею неформальной медиаторной функции и включено в планируемый охват политического управления [14], т. к. стратегическое коммуникативное действие было детерминировано неэффективной деятельностью официальных структур. Причем в роли латентных медиаторов могут выступать более статусные представители власти нерегионального/федерального масштаба и эффективные социальные менеджеры. Тем самым неформальные политические контакты дополняют официальные формы взаимодействия, которые не способны учесть все векторы эволюции социума, а также служат социально санкционированными типами коммуникативного этнополитического поведения, не предусмотренными в рамках официальных коммуникативных стратегий. История знает достаточно примеров, когда функциональные недостатки официальной структуры порождали альтернативную (неофициальную) структуру для реализации существующих потребностей более эффективным путем [15]. И это один из факторов «живучести» и наметившегося роста числа неформальных типов политических контактов в современном сетевом обществе.

Наряду с этим в современных условиях цифрового активизма анонимов, ботов, троллей и распространения fake-news, у представителей власти, этноэлит, групп и других акторов этнополитики возникает потребность в постоянном присутствии в медиaprостранстве, создании информационных поводов, порождающих позитивные/одобрительные реакции, комментарии и адекватные интерпретации в СМИ. Все это элементы презентационных стратегических коммуникаций, которые практикуются сегодня на Северном Кавказе. Ранее мы уже обращали внимание на презентационные коммуникативные стратегии заинтересованных этнополитических групп в регионе [16]. Анализ механизмов презентации этнополитических интересов дает представление об актуальности этносоциальных проблем и степени внимания к ним со стороны власти. В целом следует отметить, что презентационные стратегические коммуникации власти и этнополитических групп не всегда вписываются в контекст правоприменения и реализации этнонациональной политики, что, на наш взгляд, связано с политизацией этничности и этнизацией политики. Политизированная этничность является действенным политическим инструментом в стратегии этнополитической мобилизации [17] с использованием технологий манипуляции этническими обычаями, ценностями, мифами и символами.

Эмпирический анализ взаимосвязи этнополитической деятельности власти, СМИ и общества, состояния политического информационного пространства Северного Кавказа позволяет говорить о деструктивном воздействии на Северный Кавказ внутрисистемных противоречий, детерминированных сохранением ненормативных коммуникативных практик с неоднозначными последствиями, несбаланси-

рованным проведением государственной национальной политики и ее информационным сопровождением. Низкие темпы модернизации информационно-коммуникационной сферы не позволяют эффективно использовать рациональный и конструктивный потенциал массмедиа в медиастратегиях государства.

Обобщая изложенное, отметим следующее: во-первых, коммуникативные стратегии — это эффективный инструмент в управлении культурным разнообразием; во-вторых, государственная политика национально-культурного строительства предполагает использование коммуникативных стратегий, ориентированных на достижение программно-целевых показателей при одновременном учете социокультурных особенностей региона; в-третьих, коммуникативные стратегии отличаются по институциональному оформлению / социальной роли / целям и используются государством, его партнерами и оппонентами; в-четвертых, в условиях гибридизации политических коммуникаций для утверждения идеологии гражданского национально-культурного строительства необходимо совершенствовать коммуникативные стратегии и практики этнонациональной политики на Северном Кавказе.

Литература

1. *Абдулатипов Р. Г., Михайлов В. А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М., 2016. — 102 с.
2. Государственная политика и управление / Под ред. А. И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2017. — 480 с.
3. Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. (Утв. Пред. Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р.). С. 59. — URL: <http://krskfo.ru/44>.
4. *Сулейманова Ш. С.* Эффективность информационного обеспечения государственной политики: проблемы и перспективы // Коммуникология, 2018, том. 6, № 1. С. 15–33. DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-1-15-33.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. — URL: <http://base.garant.ru/70284810/>; ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (утратило силу с 01.01.2017 на основании постановления Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532); Региональные программы этнонациональной политики на Северном Кавказе.
6. *Дзялошинский И. М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 74–75.
7. *Агеева Е. А., Кулькин Е. С.* Социологические методы исследования в полиэтничных регионах // Ежегодная международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина». Москва, 2013. С. 608. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha_2013/12.pdf.

8. Измерение состояния институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ. ИГ ЦИРКОН. 27 ноября 2015 г. — URL: <http://www.slideshare.net/ZirconResearchGroup/ss-55812788>.

9. *Зиновьев А. О.* Социокультурный контекст политических институтов, политических коммуникаций и публичной сферы в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2013. С. 63.

10. *Авксентьев В. А., Васильченко В. А.* Ставрополье многонациональное: напряжения, конфликты, пути стабилизации // Теория и практика общественного развития. № 16, 2014. С. 198–201.

11. *Дибиров А.-Н. З.* Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение, 2014, № 1. С. 91–98.

12. *Baugut P., Reinemann C.* Informal Political Communication Cultures: Characteristics, Causes, Effects//German Policy Studies, 2013, № 1. Vol. 9. — URL: <https://www.questia.com/read/1G1-353464506/informal-political-communication-cultures-characteristics>.

13. *Зорин В. Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник российской нации, 2018, № 1. С. 19.

14. *Фалиньский А.* Характеристика и основная типология политических процессов (очерк проблематики) // Элементы теории политики / Под ред. В. П. Макаренко, Ростов-на-Дону, 2001. С. 370.

15. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Общая социология. Хрестоматия / Сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин; Пер. В. Г. Кузьминов; Под общ. ред. Н. И. Лапина. М.: Высш. гик., 2006. С. 71.

16. *Джантеева Д. С.* Дескрипция и анализ механизмов презентации этнополитических интересов в публичной сфере власти: (региональный аспект) // Власть, 2010, № 7. С. 43–46.

17. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации: кол. монография / ред. В. А. Ачкасова, Г. С. Мельник. М.: ФЛИНТА, 2016. — 248 с.

УДК 811.512.145

Языковая проблема в Татарстане: напряженность без конфликта

А. Г. Большаков

*Доктор политических наук, профессор,
Заведующий кафедрой конфликтологии Казанского (Поволжского)
федерального университета, bolshakov_andrei@mail.ru*

Аннотация. В статье подробно рассматривается ситуация, которая сложилась в Республике Татарстан в связи с пересмотром основных принципов политики в сфере преподавания государственных и родных языков в школьном образовании национальных республик Российской Федерации. Представлен анализ ситуации в отдельно взятом субъекте федерации в 2017–2018 гг., выявлены основные параметры так называемой языковой проблемы. Продемонстрированы процессы, которые не позволили существующей социальной напряженности перерасти в открытый этнополитический конфликт. Показаны роли федеральных и местных властей в сложившейся ситуации, перестройка дизайна языковой политики в национальных республиках, активизация местных неформальных сообществ граждан в решении языковых вопросов. Продемонстрирована перестройка механизма принятия решений в языковой политике государства, значение правового регулирования этнических проблем, возможности достижения политического компромисса в рамках федерального законодательства.

Ключевые слова: языковая проблема, социальная напряженность, этнополитический конфликт, государственный язык, родной язык, этнический национализм, Республика Татарстан, изменение федерального законодательства, преподавания в школах государственных и родных языков.

The language issue in Tatarstan: tension without conflict

A. G. Bolshakov

*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department
of Conflict Resolution Studies, Kazan (Volga Region) Federal University,
bolshakov_andrei@mail.ru*

Abstract. The Article discusses in detail the Situation that has developed in the Republic of Tatarstan in connection with the revision of the basic principles of Policy in the field of teaching State and Native languages in school education of the national republics of the Russian Federation. The Analysis of the Situation in a single subject of the Federation in 2017-2018 is presented, the main parameters

of the so-called “Language Problem” are revealed. The processes that did not allow the existing Social Tension to develop into an open Ethno-Political conflict are demonstrated. The Article shows the role of Federal and Local Authorities in the current situation, the restructuring of the design of language policy in the national republics, the activation of Local Informal Communities of citizens in solving language issues. The author demonstrates the Restructuring of the Decision-Making mechanism in the Language Policy of the State, the importance of Legal Regulation of Ethnic Problems, the possibility of reaching a political compromise in the framework of Federal Legislation.

Keywords: language problem, social tension, ethno-political conflict, state language, native language, ethnic nationalism, the Republic of Tatarstan, changes in Federal legislation, teaching in schools of state and native languages.

В первом полугодии 2017 г. Татарстан находился в ожидании вердикта о пролонгации федеративного договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Республикой Татарстан. В июле-августе стало очевидно, что договор не будет продлен. Информация об этом поступила через медийные источники «РБК» и «Коммерсант». Стало также известно, что должность республиканского президента будет сохранена в Татарстане до 2020 г. — срока окончания полномочий действующего руководителя республики Р. Минниханова [1]. Заместитель главы Администрации Президента РФ С. В. Кириенко высказался о том, что «федерация в России не носит договорного характера», а «все достижения Татарстана уже имплементированы (введены) в существующее федеральное законодательство, поэтому договор не нужен» [2]. Это высказывание поставило точку в дискуссиях об отдельном договоре.

Республиканская элита не оказала активного сопротивления в этом вопросе. Президент Татарстана Р. Минниханов публично отказался от идеи необходимости данного документа, Государственный совет Республики Татарстан в своем обращении робко попросил федеральную власть не отменять договор. Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» 2007 года имел форму федерального закона, был подписан на двух языках, русском и татарском, и был рассчитан на 10 лет с возможностью последующей пролонгации. «Специфика» статуса Республики Татарстан и равноправный статус двух государственных языков были закреплены именно в этом документе. Аннулирование договора способствовало появлению «языковой проблемы», которую поспешили назвать конфликтом.

До начала осени «проблема» на уровне общественного мнения не осознавалась. У части жителей республики имелось недовольство количеством часов преподавания татарского языка в школах, но недовольство не носило открытого характера и не было адресовано властям и администрации учебных заведений. Противостояние и провокации постепенно создали ситуацию общественного напряжения, которое

развивалось по следующим направлениям: федеральные и республиканские власти; прокуратура, республиканское министерство образования и науки; школы (администрация, учителя, родители учащихся); жесткие дискуссии на уровне общественных организаций в СМИ и Интернете.

Наиболее активные обсуждения языковой проблемы и акции провели «Ассамблея народов РТ», Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), «Русскоязычные родители Татарстана» и другие общественные организации. Постоянный интерес к данной теме характерен для ряда Telegram-каналов, а также у радио «Курай» и электронных изданий «In Kazan» и «Бизнес-онлайн».

20 июля 2017 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент РФ В. Путин обратил внимание на то, что «заставлять человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского» [3]. 31 августа Генпрокуратуре РФ совместно с Рособрнадзором было поручено до 30 ноября проверить, как в регионах соблюдают законодательство об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик.

16 октября прокуратура Казани потребовала исключить предметы «татарский язык» и «литературное чтение на татарском языке» из обязательной части учебного плана средних учебных заведений. После этого школы приступили к отмене обязательного преподавания татарского языка. Однако это было сделано на основе планов Министерства образования и науки РТ, которое предложило изучать татарский язык, поставив его в учебные планы в разделе «Родной язык» на 2–3 учебных часа в неделю вместо 5–6 часов ранее.

26 октября Р. Минниханов высказался в пользу сохранения обязательного изучения татарского языка в школах республики. Предполагалось, что Государственный совет РТ поставит точку в спорах. Но 4 ноября прокуратура заявила, что планы, подготовленные Министерством образования и науки РТ, «не обеспечивают добровольность изучения языков». На заседании Государственного совета РТ 8 ноября Р. Минниханов сообщил о том, что переговоры с Администрацией Президента РФ и Министерством образования и науки РФ «продолжаются» и они идут вокруг 2 учебных часов в неделю обязательного для всех учащихся татарского языка.

15 ноября РБК обнародовало интервью анонимного федерального чиновника, где говорилось, что позиция Администрации Президента РФ по поводу изучения национальных языков в школах не изменится. «Все будет в соответствии с законодательством — национальные языки изучаются на добровольной основе. Это правило для всех национальных республик, исключений не будет ни для кого. Министерство образования и науки РФ не гарантировало Татарстану сохранения обязательного татарского языка в школьном расписании, министерство поддержит позицию Администрации Президента РФ» [4]. В продолжение темы пресс-секретарь Президента РФ Д. С. Песков сооб-

шил, что «языковой вопрос может быть решен властями Татарстана, но на основе добровольности» [5].

Напряженность ослабела в ноябре, когда федеральный центр предложил оставить в школах и других средних учебных заведениях республики до 2 учебных часов в неделю татарского языка на основе факультативности. Последовавшее за этим заседание Государственного совета РТ подтвердило это решение, депутаты проголосовали за, даже не приступив к дискуссии. Министр образования и науки РТ Э. Фаттахов был отправлен в отставку.

Нужно учесть, что события разворачивались в канун приближавшихся федеральных выборов президента. Завершением острых языковых дискуссий стало заявление Р. Минниханова о том, что «татары сами должны как следует овладеть родным языком», жителям республики надо «забыть все обиды» и «поддержать на выборах Владимира Путина» [6]. Несмотря на то что острота момента прошла, принятое решение не смогло устранить имеющиеся противоречия. С одной стороны, преподавание русского языка в школах республики в полном объеме, отменен экзамен по татарскому языку в 9-м классе, а татарский язык стал факультативным. С другой стороны, власти республики и школьные администрации столкнулись с проблемой «лишних» учителей татарского языка, их переобучения и спасения от увольнений.

Языковая тема сохранила политизированную остроту в интернет-блогах и сетевых сообществах Татарстана. Внимание к этой проблеме подогревалось и средствами оперативного обмена сообщениями через Telegram-каналы. Многие, если не большинство участников, оказались вовлечены в языковые дискуссии при косвенных обстоятельствах, как бы помимо своей воли. Массовость объясняется тем, что в кампаниях «за» и «против» были задействованы практически все родители, у которых есть дети школьного возраста. А если добавить к числу родителей прочих родственников учащихся (бабушек, дедушек и др.), а также школьные администрации и учителей, то получается значительная часть населения Татарстана с «активной позицией».

Впрочем, однозначности в общественном мнении не было. Например, при опросах методом фокус-групп многие русские настаивали на том, что их дети должны учить татарский язык, поскольку «мы живем в Татарстане». А вот городские татары при опросе нередко желали, чтобы их дети «изучали только русский язык», поскольку «именно он дает возможность хорошего трудоустройства и учебы в вузе», а татарский язык, по их мнению, «нужен только для домашнего общения» [7].

Представляется, что именно благодаря разнообразию мнений жителей Республики Татарстан общественное напряжение не переросло в этнополитический конфликт. Более радикальными были установки сельских татар, заявлявших о своем непонимании, «почему у них отбирают возможность учить детей на родном языке». Но и с этим мнением не все однозначно, поскольку сельчане зачастую высказывали не личное отношение, а повторяли точку зрения, тиражируемую в социальных интернет-сетях и местных СМИ. Заголовки материалов в не-

которых СМИ говорят сами за себя: «Никто не спасет татарский язык, кроме самих татар», «ВТОЦ предложил оставить один государственный язык в Татарстане — татарский», «Защитим родной язык» и др.

До массовых дискуссий многие в Татарстане не считали «языковую проблему» существенной и не задумывались о ней.

Информацию об общественном мнении дают опросы населения. Экспертный совет по общественно-политическим и этноконфессиональным вопросам при Казанском федеральном университете принял решение пригласить социологов ВЦИОМ [8], которые провели исследование и 11 декабря 2017 г. представили результаты. С ключевым докладом выступил руководитель управления социально-политических исследований этой организации К. С. Родин. Он сообщил, что для оценки этнополитической ситуации в Татарстане жителей республики спрашивали о социальных проблемах и респонденты могли дать до пяти вариантов ответов в свободной форме. Чаще прочих опрошенные упоминали «отсутствие повышения зарплат», «уменьшение количества рабочих мест (безработица)», «ухудшение дорожно-транспортной ситуации», «высокие тарифы ЖКХ», «отсутствие повышения пенсий», «высокие цены, инфляция». Проблема изучения и использования татарского языка оказалась у опрошенных на 8-м месте, она волнует только 7 % опрошенных. То есть «проблема татарского языка» хотя и важна для татарстанцев, но не является приоритетной.

Исследования местных социологов свидетельствуют, что 88 % татарстанцев в той или иной мере осознают силу этнических связей. В целом показатели татар и русских, живущих в Татарстане, достаточно сравнимы, особенно это касается горожан. Показательно, что в межэтнических взаимодействиях, вызывающих беспокойство у татарстанцев, проблемы, связанные с функционированием языков, довольно значимы. Рассмотрены две составляющие: проблема обучения родному языку и проблема использования родного языка. Обе проблемы беспокоят прежде всего татар (21–25 %), русских — в меньшей степени (7–9 %). Для сравнения: большую обеспокоенность наличием инокультурных мигрантов в Татарстане высказывает 24 % татар и 29 % русских, то есть здесь показатели сравнимы [9].

В этой связи понятно, что основные усилия государства должны быть направлены на решение социально-экономических проблем граждан. При этом значительное внимание нужно уделять национальной и языковой политике, развитию русского и татарского языков, других языков в Республике Татарстан. При этом языковая тема не является масштабной, не волнует большинство жителей республики, и эту тему не следует квалифицировать как «этнолингвистический конфликт» или «языковой кризис».

Представляется, что наиболее верное решение языковой проблемы заключается во внедрении новых методик изучения татарского языка и популяризации. Следует также учесть, что в некоторых районах Татарстана, преимущественно сельских, татарский язык активно используется в повседневной жизни. Там возможно школьное преподавание татарского языка в больших объемах, но при обеспечении прав

русского языка, который дает возможности социальной мобильности выпускников, поступления в вузы, переезда в другие регионы России, устройства на работу в самых разных сферах.

Конфликтная ситуация 2017 года не получила своего окончательного разрешения, напряжение ослабело путем временного урегулирования проблемы. Руководство Татарстана во взаимоотношениях с федеральной властью продемонстрировало полную лояльность общероссийскому политическому курсу Президента РФ В. Путина. Татарстан голосовал преимущественно за действующего президента, поддерживал поствыборные реформы российского правительства с НДС, пенсионным возрастом и др.

С начала 2018 г. Татарстан активизировал свою деятельность и в языковом вопросе. Часть депутатов Государственного совета явно пыталась отыграть за «поражение» в языковой реформе 2017 года. Предложения в российское законодательство Татарстан вносил через своих депутатов Государственной Думы, представляющих фракцию «Единая Россия». Наиболее активным был И. Гильмутдинов, который возглавляет профильный комитет российского парламента.

Некоторые республиканские СМИ встали в этот период на радикальные позиции под флагом «защиты татарского языка и культуры»: электронная газета «Бизнес-онлайн», телеграм-канал «НЕАЙСИН» и др. Интересно, что татарский язык защищался преимущественно текстами на русском языке. Появились различные инициативные группы, которые пытались «защитить» татарский язык от «уничтожения» в результате федеральной языковой реформы. Неформальным лидером подобных групп стал историк Р. Айсин, который полемизировал не только с федеральными депутатами и чиновниками, но и критиковал татарстанские власти за «бездействие в языковом вопросе». Однако существенно изменить настроения основной массы населения они не смогли.

Летом 2018 года был принят федеральный закон об изучении родных языков. Вначале власти Татарстана сочли законопроект «недопустимым», а Государственный совет РТ практически единогласно сказал нет первоначальной версии документа. После протестов некоторых национальных республик в Администрации Президента РФ состоялись переговоры (куратор — С. Кириенко), в ходе которых компромиссные предложения переговорщиков от Татарстана были приняты.

Согласно поправкам, родной язык остается в обязательной части учебного плана. Но устанавливается «свободный выбор языка» образования, а также выбор языка для изучения как родного или государственного языка республики по заявлению родителей (в том числе русского языка). После принятия закона президент России уже издал указ о создании фонда поддержки родных языков, который сделал президентским, с соответствующим федеральным финансированием.

Тем не менее языковая реформа пока не завершена, не на все вопросы даны ответы. Вопреки постановлению Государственной Думы РФ, принятому в ходе первого чтения, депутатам не представили ни

новой версии ФГОС, ни концепции преподавания родных языков. Процесс затормозило разделение Министерства образования и науки РФ. Поэтому напряженность вокруг нового закона остается.

Общественное мнение не зафиксировало существенного изменения в позиции татарстанцев по стабильности межнациональных отношений в республике, произошло определенное снижение показателей в этой сфере (на 3-5 %), которое связано с падением уровня доверия властям различного уровня и с проводимым властями социально-экономическими реформами в 2018 году, прежде всего это касается федеральной власти [10].

Летний опрос в рамках мониторинга общественного мнения в Татарстане продемонстрировал, что за изучение татарского языка в полном объеме для представителей всех национальностей выступает 7,2 %, 45,1 % — за изучение языка в полном объеме для татар и разговорном минимуме для остальных народов, 37 % настаивают на необходимости изучения только русского и английского языков [11]. При этом значимое большинство жителей республики скорее положительно (34,7 %) или нейтрально (37,6 %) отнеслись к новому федеральному закону об отмене обязательного для всех изучения татарского языка, скорее отрицательно его восприняли 22,6 % жителей, затруднились ответить 5,1 % респондентов [12].

Это означает, что ситуация продолжает развиваться, возврата к обязательному изучению татарского языка не будет, а количество людей, выступающих за изучение языка в полном объеме всеми жителями республики, независимо от их национальности, минимально. По всей видимости, языковая напряженность 2017–2018 гг. постепенно могла сойти на нет, однако непростая социально-экономическая обстановка в России, приближающиеся выборы в Государственный совет РТ, отсутствие ясности в вопросе о выборах главы республики могут при определенных условиях дестабилизировать ситуацию и вызвать рост националистических настроений.

Литература

1. СМИ узнали о решении Кремля по вопросу о должности Президента Татарстана (<https://www.rbc.ru/politics/15/07/2017/5969c0bb9a79472e76e2de75>, 15.04.2018).
2. Кириенко высказался о договоре с Татарстаном (<http://www.mk.ru/politics/2017/08/20/kirienko-vyskazalsya-o-dogovore-s-tatarstanom.html>, 15.04.2018).
3. Путин назвал русский язык духовным каркасом страны (<https://ria.ru/society/20170720/1498850306.html>, 15.04.2018).
4. Кремль не изменит позицию по вопросу изучения татарского языка в школах // Коммерсант (<https://www.kommersant.ru/doc/3467745>, 15.04.2018).
5. Песков: Путин всегда говорил о добровольном изучении национальных языков (<https://inkazan.ru/news/politics/08-11-2017/peskov->

putin-vsegda-govoril-o-dobrovolnom-izuchenii-natsionalnyh-yazykov, 15.04.2018).

6. В Татарстане не утихает родная речь // Коммерсант-Казань (<https://www.kommersant.ru/doc/3528120>, 15.04.2018).

7. Материалы социологического исследования методом фокус-групп КИСИ «Консенсус» (г. Казань) с 15 сентября по 15 октября 2017 года в четырех городах Республики Татарстан: Казани, Альметьевске, Нижнекамске, Набережных Челнах.

8. Количественный опрос ВЦИОМ в Татарстане проводился с 28 октября по 8 ноября 2017 года. В опросе приняло участие 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше. Опрос осуществлялся методом личного интервью по месту жительства респондентов. Исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,6 %.

9. Данные республиканского мониторинга. Ежеквартальные опросы фонда «Общественное мнение — Татарстан» проводятся в республике с 2013 года на систематической основе. В каждом количественном опросе принимает участие не менее 1500 жителей республики в возрасте от 18 лет и старше. Опросы осуществлялись методом личного интервью по месту жительства респондентов, а исследование можно считать репрезентативным для Татарстана с учетом предельно допустимой статистической погрешности 2,5 %. Параметры мониторинга сравнимы с исследованием ВЦИОМ по Татарстану.

10. Данные ежеквартального мониторинга ситуации в Республике Татарстан за второй квартал 2018 года. Параметры исследования приведены в предыдущей сноске.

11. Там же.

12. Там же.

Языковая политика и нациестроительство
в меняющихся контекстах

Н. М. Мухарямов

*Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии,
политологии и права Казанского государственного энергетического
университета, n.mukharyamov@yandex.ru*

Language policy and nation building in changing contexts

N. M. Mukharyamov

*Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology,
Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University,
n.mukharyamov@yandex.ru*

Обстоятельства, процессы и события последних лет, так или иначе связанные с языковой жизнью российского полиэтничного общества, с его этноязыковой сложностью, демонстрируют заметные сдвиги в смысловом обрамлении концепта и феномена — языковой политики — как с концептуальной, так и с практически-управленческой точек зрения. Перемены системного характера затрагивают обширный спектр факторов и условий, всю обстановку взаимодействия социально-лингвистических состояний с одной стороны и их политико-правовых оснований с другой стороны. Новые контексты возникают не только в политико-правовых режимах языкового функционирования, но и в публично-информационном статусе всех дискурсивных структур и практик в этой сфере.

Прежде всего, кардинальные изменения в 2018 году были внесены в нормативно-правовую среду языковой политики. Речь идет о конкретных поправках к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (№ 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года), закрепляющих принцип выбора получения образования на родном языке и изучения государственных и родных языков, включая русский язык. Согласно одной из оценок специалистов в области социолингвистики «...произошло важное для народов России событие, масштаб которого будет оценен лишь в определенной хронологической перспективе» [1].

Процесс подготовки и принятия этой законодательной новации вызвал очень энергичные дискуссии не только в парламентских сегментах информационного пространства, но и на экспертном, медийном, общественном, активистском его горизонтах, в его официальных и социально-сетевых жанровых структурах. Многочисленные высказывания, в том числе со стороны компетентных участников обсужде-

ния, свидетельствуют: одномоментное законодательное решение не снимает все существующие риски и негативные факторы проблематизации относительно будущего культурно-языкового многообразия российского общества [см., например: 2].

Однако одним из несомненных полезных эффектов значительно активизировавшихся обсуждений стало то, что темы языковой политики стали перемещаться с нижних на верхние позиции в актуальной властно-управленческой повестке, в экспертно-аналитических и исследовательских приоритетах.

Далее, в российской политико-языковой сфере начало набирать существенное влияние авторитетное действующее лицо — Федеральное агентство по делам национальностей. Так, 16 ноября 2018 г. в Торгово-промышленной палате Российской Федерации ФАДН России провело форум-диалог «Языковая политика: общероссийская экспертиза». На форуме работало три секции: «Русский язык как инструмент надэтнической консолидации общества», «Родные языки народов России в контексте общероссийского языкового пространства» и секция для руководителей и специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации «Актуальные вопросы языковой политики».

«В нашей огромной стране, где живут 193 народа, — сказал на открытии форума его председатель и руководитель ФАДН России Игорь Баринов, — языком межнационального общения является русский. Поэтому важно соблюдать баланс между изучением русского языка и родных языков народов России». По словам Игоря Баринова, отношение к языку — это отношение к себе, к своим предкам, к тому, что ты передашь потомкам. Но все равно десятки языков надо спасать срочно. И это не только российская проблема, а мировая. Не зря ООН объявила 2019-й Международным годом языков коренных народов. У нас уже запланировано 70 мероприятий общероссийского уровня и сотни региональных. При этом список каждый день растет. Но и 2018-й прошел у нас под знаком радикальных реформ на уровне новых законов и указов президента. Потому что без участия государства поддержка языков малоэффективна. Дальше откладывать было нельзя — *на полторы сотни языков у нас примерно столько же проблем* (выделено Н. М.): урбанизация, глобализация, снижение количества часов изучения, катастрофическая нехватка кадров, учебников и методичек, стремительное сокращение числа носителей, падение престижа родного языка, забюрократизированность, отсутствие мотивации, недостаточное финансирование СМИ... В конце концов, изучать родной язык стало «не модно». Словом, есть чем заниматься. И заниматься срочно [3].

В новейших отечественных научных публикациях по проблемам государственной языковой политики достаточно широко представлены и критические суждения, и перспективные предложения.

Подчеркивая, что языковая политика может осуществляться сознательно или стихийно, В. Алпатов пишет: «В современной России внедрение законов рынка объективно способствует распространению

русского языка и вытеснению малых языков, чему можно противодействовать лишь сознательной и целенаправленной государственной политикой, которой пока что почти нет» [4].

Эксперты, ученые, видные общественные фигуры практически единодушны в том, что нормативно-правовые основания языковой политики в сегодняшних российских условиях нуждаются в систематизации и приведении в соответствие с запросами и вызовами социально-коммуникативной и культурно-языковой динамики.

Так, в итоговом документе, который был принят Первым Съездом Общества русской словесности (Москва, 25–26 мая 2016 г.), в первоочередном порядке постановлено: «провести экспертизу состояния нормативно-правового обеспечения языковой политики и начать разработку концепции государственной языковой политики в условиях глобализации» [5].

Предлагаемые меры содержат набор шагов, направленных по преимуществу на создание корпуса текстов законодательного и доктринально-стратегического плана. Это принятие федерального закона об основах государственной языковой политики, чтобы он был избавлен от недостатков существующих правовых документов, которым присуща «некая декларативность, выхолощенность, излишняя стандартность, обобщенность, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечеткость формулировок, которые сложно толковать и тем более применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона, а в ряде положений — и совершенное отсутствие «какого-либо юридического смысла» [6, 7].

Это также выдвинутая правоведами из Санкт-Петербургского университета инициатива, связанная с разработкой концепции государственной языковой политики РФ, упор в которой делался бы не только на интерлингвальные предметы регулирования (на взаимодействие этнических идиом в рамках общероссийского языкового многообразия), но и на интралингвальные, связанные с функционированием русского языка как государственного языка страны, аспекты. «Современному государству следует задумываться не только о межнациональном общении, — пишут авторы, — сегодня эта проблема в Российской Федерации стоит не столь остро, но и о коммуникации между разными социальными группами. Только такая социальная солидарность позволит успешно развиваться нашему обществу» [6]. Своевременность обсуждения этого тематического ракурса не только не вызывает каких-либо сомнений, напротив, она обладает насущнейшим, остроактуальным смыслом. Риски состоят не столько в том, что русский язык в каких-либо сферах функционирования может замещаться другим конкурирующим инструментом коммуникации в лице этнических идиомов из числа (миноритарных *de facto*) языков народов России. Более, вероятно, серьезные риски связаны, в частности, с перспективами критической фрагментации стилистических систем языка, с крайней увлеченностью политиков и чиновников менеджерским или корпоративным социолектами, управленческими сленгами,

состоящими преимущественно из англоязычных лексем, — этими субкодами технократического «новояза» в его новейших изводах.

Вместе с тем большинство звучащих в этой области предложений сфокусированы преимущественно на нормативно-правовой стороне языковой политики: на систематизации законодательной базы, ее совершенствовании, на ее приведении в состояние, которое в большей мере отвечало бы меняющимся условиям социально-коммуникативных ситуаций. Основным предметом внимания здесь выступают статусные характеристики языков, а властно-управленческие решения сфокусированы на актах и процедурах (неизбежно — дискретных), которые устанавливали бы соотношение между правовыми категориями «родной язык» и «государственный язык».

В то же время достаточной артикуляции не получают многие стороны языковой политики, остающиеся за рамками концептуализации на уровне имеющихся достижений в научных разработках проблематики социолингвистики и политической лингвистики. Иными словами, без реальной имплементации остается ключевое положение Федерального закона «О языках народов Российской Федерации» (в ред. федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ), ст. 4, п. 3: «Социальная защита языков предусматривает проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации» [8].

Новые перспективы формулирования методологических оснований и практического осуществления языковой политики в России подлежат осмыслению в контекстах, образующихся в связи со стратегическими ориентирами «гражданско-политического нациестроительства и этнокультурного развития российских национальностей» [9]. В данном случае уместно обратить внимание прежде всего на моменты, непосредственным образом относящиеся к расширению и укреплению научно-исследовательского и информационно-аналитического базиса в этой области.

Прежде всего, межотраслевой характер самого объекта властно-управленческого воздействия — политико-языковых отношений в российском обществе — определяют потребности кросс-дисциплинарного взаимодействия специалистов из области языкознания (социолингвистики — в первую очередь) с одной стороны и социологов, правоведов, этнологов и антропологов, экономистов, политологов, педагогов и всего спектра социально-гуманитарного знания с другой стороны. В содержательном плане это вызвано назревшей необходимостью отойти от доминирующих сегодня представлений о языковой политике, в основе которых лежат подходы, определяемые нормативизмом и, соответственно, этатизмом как определяющими способами понимания предмета. Говоря по-другому, языковая политика видится по большей части как дело государства и дело, которое может быть успешно проведено в жизнь посредством законодательных решений и регламентирующих процедур, всем тем, что подпадает под категорию политико-лингвистического «дирижизма».

Имеет смысл более внимательно приглядеться к разработкам зарубежных (европейских) специалистов, исследующих языковую политику. Там представлены, во-первых, диверсифицированные категориальные средства — как «языковая политика», так и «языковое культивирование», «языковой менеджмент», «языковой инжиниринг», «языковое обустройство», «глоттополитика» [см., например: 10]. Во-вторых, речь идет о том, что в сегодняшних условиях, когда говорят о «четвертой волне» исследований языкового планирования и языковой политики, аналитические фокусы начинают смещаться на новые предметы, в частности: на практику политико-языкового регулирования не только на макроуровнях, но и на микроуровнях; на многообразный состав акторов, а не только на правительственные структуры и другие полномочные институты централизованного порядка [см., например: 11, 12]. Политико-правовой режим языкового регулирования, изменившийся в 2018 году с принятием известных поправок в российском законодательстве об образовании, по существу, начинает вовлекать в разряд таких акторов не только руководителей и работников образовательных учреждений, но и родителей обучающихся [13]. Исследовательская повестка по всему тематическому спектру языковой политики без соответствующих пунктов неизбежно будет не полной.

Далее, расширение инструментов концептуализации в этой исследовательской сфере не приведет к искомым эффектам, если сохранится нынешняя информационная недостаточность и труднодоступность соответствующих социолингвистических описаний, на основе сводимых данных и методик. Добротные академические издания сегодня составляют скорее не правило, но исключения [см., например: 7].

В целом контексты нациестроительства в современных российских условиях, как можно было бы предположить, предусматривают поиски новых подходов не только к институциональным аспектам языковой политики, но и к ее инфраструктурным основаниям. Речь, скорее, может вестись не о создании какого-то органа исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях, но о конструировании сетевых структур. Возможно, следовало бы отдельно рассмотреть возможность реконтекстуализации терминологии «языкового строительства». В отличие от богатого и поучительного отечественного опыта 20–30-х годов в этой сфере, в сегодняшних обстоятельствах приоритеты включают уже не столько мероприятия по «планированию корпуса» миноритарных языков (практики «коренизации», «ликбеза» и проч.), сколько об использовании современных информационно-коммуникационных технологий.

Исследовательское сообщество, специализирующееся в проблематике российской языковой политики, могло бы с немалой пользой обсудить возможности новейшей версии «языкового строительства» на основе современных приемов сбора, обработки и изучения социолингвистических данных. Это, вне всякого сомнения, расширило бы познавательный потенциал научных разработок и практических

рекомендаций в области модернизации политико-языкового регулирования.

Научная, экспертная, проектная инфраструктура в области культивирования языков, их сохранения, изучения и развития при этом получала бы шансы на системный организованный характер, включая научно-организационные составляющие, прикладные разработки и, что особенно принципиально, моделирующие подходы к составлению федеральных и региональных программ «языкового обустройства». Эти программы нуждаются в развороте от подходов, ориентированных на мероприятия и PR-эффекты, в сторону создания современных предпосылок для продуктивных решений и действий. Это и описания социолингвистических ситуаций и состояний, и поиск новых научно обоснованных обучающих методик, и подготовка академических проектов кодификации языков народов России, и электронные лексикографические ресурсы, письменные корпуса языков, системы машинного перевода, и многое другое.

В этой области имело бы смысл адаптировать к отечественным условиям имеющиеся в мировой науке и практике позитивные результаты. В частности, в англоязычном академическом пространстве выходят десятки научных журналов, либо исключительно специализирующихся в изучении языкового планирования и языковой политики, либо содержащих соответствующие рубрики. Другой пример: в Китае созданы «беспрецедентные по своему объему компьютерные базы данных письменных памятников, многочисленных китайских диалектов и десятков языков народов КНР», издается ежегодник «Языковая ситуация в Китае», проводится последовательный курс на информатизацию языкового многообразия, его оцифровки [14].

Кроме неизмеримо возросших возможностей в накоплении многообразных социально-лингвистических данных и методик, сетевые технологии предоставляют поистине исторический шанс — минимизировать издержки бюрократизации.

Литература

1. *Горячева М. А.* Законодательство о языках народов Российской Федерации в сфере образования: современное состояние и перспективы // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве: Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): Доклады и сообщения. М.: Языки народов мира, 2018. — С. 187–192.

2. Языковая политика в контексте современных языковых процессов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. — С. 79–97.

3. https://www.kp.ru/daily/26909.7/3954443/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

4. *Алтаев В.* Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 175.

5. Резолюция Первого Съезда Общества русской словесности // *Патриархия.ru*. — 13.07.2016.

6. Белов С. А., Корначев Н. М., Соловьев А. А. Разработка концепции и нормативно-правовое обеспечение государственной языковой политики Российской Федерации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. — 2017. — Т. 8, вып. 1. — С. 42–61.

7. Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — С. 845–846.

8. Федеральный закон «О языках народов Российской Федерации». М.: ИНФРА-М, 2003. — С. 5.

9. Тишков В. Как нам построить общество равных, разных, солидарных наций и народностей // *Независимая газета*, 27.02.2018.

10. Гришаева Е. Б. Языковая политика // *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник*. М.: Флинта, 2011. — С. 812.

11. *Discursive Approaches to Language Policy* / Ed. By E. Barakos and J.W. Unger, 2016. — P. 11–17.

12. *The Oxford Handbook of Language Policy and Planning* / Ed. By J.W. Tollefson and M. Perez-Mlans. — Oxford: Oxford University Press, 2018. — 754 p.

13. Тишков В. А., Степанов В. В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // *Вестник Российской академии наук*, 2017. — Том 87, № 10. — С. 879–890.

14. Завьялова О. И. Лингвистическая мозаика Китая. Как в Поднебесной изучают и сохраняют языки малых народов // *Независимая газета*, 27.10.2018.

УДК 811.511.1

Официальный статус языков меньшинств: опыт финно-угорских регионов России

О. Б. Януш

*Кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии
и права Казанского государственного энергетического университета,
yanush_ob@yahoo.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию такого политико-языкового явления, как официальный статус языков меньшинств. Финно-угорские языки рассматриваются в качестве примера. Автор фиксирует факт закрепления в информационно-политическом пространстве понятий «государственный язык» и «официальный язык» в сопоставимых объемах как на федеральном, так и на региональном уровнях. В то же время состояние миноритарных финно-угорских языков, получивших статус государственных в ряде регионов России, в настоящее время не позволяет им выполнять функции государственных языков. В статье делается вывод о том, что высокий юридический статус призван повысить социальную роль языков меньшинств и закрепить условия для их развития.

Ключевые слова: официальный статус, язык меньшинства, государственный язык, национальный язык, финно-угорские языки.

The official status of minority languages: experience of the Finno-Ugric regions of Russia

O.B. Yanush

*PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Sociology,
Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University,
yanush_ob@yahoo.com*

Annotation. The article is devoted to the study of such a political-linguistic phenomenon as the official status of minority languages. Finno-Ugric languages are considered as an example. The author states the fact that the concepts of the “state language” and “official language” are consolidated in the information-political space in comparable volumes at both the federal and regional levels. At the same time, the state of minority Finno-Ugric languages, which received the status of state languages in a number of regions of Russia, currently does not allow them to perform the functions of state languages. The article concludes that the high legal status is intended to enhance the social role of minority languages and reinforce the conditions for their development.

Keywords: official status, minority language, state language, national language, Finno-Ugric languages.

Понятие меньшинства скорее социально конструируемое, так как приписывание любой данной группе статуса «меньшинства» — это политический процесс. Язык — одна из черт, в соответствии с которой человек может быть в «большинстве» или в «меньшинстве» [1].

В информационно-политическом пространстве России наиболее часто упоминаемыми являются словосочетания «государственный язык» (50 593 раз) и «официальный язык» (17 973 раз). Причем в региональной прессе эти термины употребляются заметно чаще, чем в центральной: 14 946 и 5250 раз соответственно. Менее популярными являются словосочетания «миноритарные языки» — всего 174 упоминания, «титульные языки» — 386, «языки национальных меньшинств» — 2697.

Таблица 1. Языки в информационно-политическом пространстве России (1990–2017 гг.) [2]

Словосочетание	Общее количество упоминаний					
	Федеральная пресса	Региональная пресса	Федеральные интернет-издания	Региональные интернет-издания	Федеральное ТВ и радио	Всего
Миноритарные языки	19	42	66	46	1	174
Региональные языки	620	545	2366	1062	106	4699
Государственный язык	5802	14 946	16 730	12 540	575	50 593
Языки народов России	402	1088	857	1140	40	3527
Титульные языки	79	92	145	70	-	386
Официальный язык	2440	5250	6741	3329	213	17 973
Языки национальных меньшинств	354	261	1457	569	56	2697

Как отмечает В. Малахов, «похоже, что термин “меньшинство” отторгается российским дискурсом из-за его имплицитной иерархичности» [3]. В российском контексте вопрос о меньшинствах — это вопрос об

их статусе, который подразумевает указание на подчиненное положение тех, кто к нему отнесен, по отношению к тем, кто отнесен к большинству; категория «меньшинство» предполагает отношение неравенства [3].

Практически все республики объявили своим государственным языком русский язык и наряду с ним язык (или языки) своей титульной нации, что нашло отражение в республиканских законах о языках, а также в большинстве случаев и в конституциях, в ряде же случаев только в конституциях.

Таблица 2. Юридический статус финно-угорских языков России [4]

№ п/п	Название языка	Юридический статус языка
1	Вепсский язык	Юридического статуса не имеет. Является языком национального меньшинства — вепсов — в Республике Карелии. Является языком коренного малочисленного народа Севера. Включен в Красную книгу языков народов России.
2	Водский язык	Язык коренного малочисленного народа РФ
3	Ижорский язык	Язык коренного малочисленного народа РФ
4	Карельский язык	Статус языка не определен. Закон о языках в Республике Карелия не принят.
5	Коми-зырянский язык	Коми язык является государственным языком Республики Коми: Закон о государственных языках Республики Коми (ст. 1, 1992 г.); Конституция Республики Коми (ст. 67, 1994 г.).
6	Коми-пермьяцкий язык	До 1 декабря 2005 г. являлся титульным языком Коми-Пермяцкого АО. С 1 декабря 2005 г. Коми-Пермяцкий АО и Пермская обл. объединились и образовали Пермский край. Коми-Пермяцкий округ утратил статус автономного, а коми-пермьяцкий язык, согласно Уставу Пермского края от 2007 г., может использоваться на территории округа в официальных сферах.
7	Мансийский язык	Язык коренного малочисленного народа Российской Федерации — манси. На территориях преимущественного проживания манси законодательно обеспечивается право на использование их этнического языка в официальном делопроизводстве (Закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского АО» от 04.12.2001, № 89-оз.).

8	Марийские языки: горно-марийский	Марийский язык (горный, луговой) является государственным языком Республики Марий Эл: Конституция, ст. 15, 1995 г., Закон о языках РМЭ, ст. 1, 1995 г.
9	Марийские языки: лугово-марийский	
10	Мордовские языки: мокша	Мордовский язык (мокшанский, эрзянский) является государственным языком Республики Мордовии (Конституция РМ, ст. 13, 1995 г.; Закон о государственных языках в РМ, ст. 3, 1998 г.).
11	Мордовские языки: эрзя	
12	Ненецкий лесной язык	Язык коренных малочисленных народов Севера
13	Ненецкий тундровый язык	Язык коренных малочисленных народов Севера
14	Нганасанский язык	Официальной поддержки язык не имеет. Язык коренных малочисленных народов России
15	Саамский язык	Язык коренного малочисленного народа РФ
16	Селькупский язык	Язык коренного малочисленного народа РФ. В Ямало-Ненецком АО у селькупского языка официальный статус — язык коренного малочисленного народа ЯНАО.
17	Удмуртский язык	Удмуртский язык является государственным языком Удмуртской Республики: Конституция УР, ст. 8, 1994 г., Закон о государственных языках в УР и иных языках народов Удмуртской Республики, ст. 1, 2001 г.
18	Хантыйский язык	Статус языка коренного малочисленного народа РФ. На территории ХМАО, ЯНАО, а также частично на территории Томской области имеет статус поощряемого языка.
19	Энецкий язык	Статус языка коренного малочисленного народа Российской Федерации. Статуса официального языка не имеет.

Из сказанного следует важный вывод: язык, который в масштабах всего российского государства является миноритарным, может стать языком большинства на региональном уровне и получать больше внимания и поддержки [5]. В этом содержится важное символическое значение законов о языках — публичное признание угрожаемых (миноритарных) языков. В то же время интересен пример Карелии, где в марте 2004 года местный парламент принял Закон «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков» [6]. Главная новация заключается в том, что в законе отсутствуют такие формулировки, как «государственный язык», «официальный язык», но есть поли-

тически более нейтральная и целесообразная, юридически корректная и правомерная формулировка — «региональные языки». Обращение к «региону» подчеркивает географическую ассоциацию, снимая напряжение с культурной, возможно, более эссенциалистской чертой [1].

Хотя официальный язык может служить инструментом государственной языковой политики, заставляющей меньшинства отказаться от своих языков, она может также поощрять меньшинства сохранять их. Последний сценарий вероятен, когда языкам меньшинств предоставляется официальный или соофициальный статус в автономии / провинции / другой территориальной единице или в стране в целом наряду с языком большинства, как это было сделано, в частности, в России.

Нет международных стандартов или научного консенсуса относительно того, что официальный статус языка должен означать. Краткий Оксфордский справочник на английском языке определил официальный язык довольно широко как язык, которому предоставляется особый правовой статус в определенном государстве или иной территории [7]. Сила этого определения заключается в том, что оно является всеобъемлющим и может также применяться к языкам меньшинств. Его проблема заключается в том, что оно не раскрывает, что же конкретно делает статус официального языка особенным. В принципе, любое соответствующее политическое или юридическое решение делает язык официальным. Неясность этого определения ограничивает его функциональность.

Несколько лучше определения — это те, которые обеспечивают более описательные основания. Согласно недавнему изданию Оксфордского справочника, официальный язык — это язык, используемый для официальных целей, особенно в качестве средства национального правления [7]. Определение, используемое в контексте ЮНЕСКО [8], еще более наглядно: официальный язык страны — язык, используемый в процессе правления: законодательного, исполнительного и судебного. *Однако проблема с последними определениями заключается в том, что, как правило, язык меньшинства либо не используется в качестве рабочего языка или используется только символически* [9].

Термины «официальный язык», «национальный язык» и «государственный язык» иногда используются синонимично, но по существу они являются различимыми. Эксперты ЮНЕСКО, с одной стороны, отмечают практическую роль «официального языка» в качестве рабочего языка публичных властей и институтов, а с другой — определяют «национальный язык» как язык политической, социальной и культурной организации [8]. Следовательно, эксперты подчеркивают основную функцию «национального языка» как символа единства и как инструмента интеграции в политической, социальной и культурной сферах, где интеграция означает, что меньшинства, сохраняющие свою культуру, приобретают культуру большинства.

В то же время, например, в постсоветских странах и, в частности, в России, говорящие на недоминирующих языках обладают этнической и даже национальной идентичностями, подкрепленными существованием политических единиц и официальным статусом соответствующих языков. *По этой причине этнические активисты обычно*

отвергают применение термина «язык меньшинства» к своему языку, даже если это было правильно в **социолингвистических терминах**, и предпочитают термин «национальный язык», который традиционно использовался для этой цели в советском дискурсе.

В зарубежной *социолингвистической* литературе описан ряд аналитических инструментов, с помощью которых можно оценить жизнеспособность или витальность языка. основополагающую роль в дискурсе о языковой угрожаемости сохраняет дифференцированная шкала межпоколенческого разрыва Фишмана [10], представляющая собой концептуальную модель для оценки статуса языковой витальности. Шкала Фишмана фокусируется на *ключевой роли межпоколенческой трансмиссии* в сохранении языка. *Если дети не учат язык своих родителей, есть небольшая вероятность того, что в итоге они смогут передать язык своим детям.* GIDS принимает во внимание не только межпоколенческую трансмиссию как индивидуальное решение, принятое родителями, но также и то, что крайне важны социальные и институциональные альтернативы в воздействии на решения родителей, касающиеся языкового поведения в отношении своих детей. Эти социальные факторы создают социальное пространство, в котором используются языки. GIDS представляет средство оценки того, где язык находится на шкале разрушения, от полного использования многими до неиспользования никем. Таблица 3 представляет краткое содержание GIDS таким образом, что придает новую форму определению уровней более ясно в терминах сфер и выпуклых моделей использования языка.

Таблица 3. Краткое изложение шкалы Фишмана

Уровень	Описание
1	Язык используется в образовании, работе, СМИ, управлении на общенациональном уровне.
2	Язык используется местными и региональными СМИ и для правительственных услуг.
3	Язык используется для местной и региональной работы как инсайдерами, так и аутсайдерами.
4	Грамотность в языке передается через образование.
5	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме во всем обществе.
6	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык.
7	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы использовать для общения со старшими, но не передает своим детям.
8	Единственные оставшиеся носители языка — члены старшего поколения.

С точки зрения оценки статуса и витальности языков GIDS фокусируется на уровне разрушения больше, чем на уровне сохранения. Аналитики могут читать GIDS сверху вниз, начиная с уровня самого незначительного разрушения на шкале (Уровень 1), читая вниз, пока не дойдут до уровня разрушения, который характеризует ситуацию, изучаемую аналитиками. В целом тенденция такова, что траектория миноритарных языковых сообществ спускается по шкале, а описания каждой стадии находятся в рамках утраты использований (функций, сфер) и пользователей. Фишман указывает, что большинство миноритарных сообществ находятся на уровне 6, и так как фокус ревитализации и усилий по сохранению в том, чтобы укрепить статус языка, можно сделать вывод, что существует пять уровней выше, которые следует проработать, чтобы достичь самого безопасного статуса на уровне один [10]. Фишман четко определил *передачу языка из поколения в поколение как единственный самый важный фактор смены языка*. Это означает, что локус усилий по возрождению языка должен быть среди индивидов и в рамках домашнего домена, и местного сообщества. Это очевидным образом относится к уровню 6 и ниже. Тем не менее выше уровня 6 мы видим все более важную роль институтов вне дома, так как трансмиссия и использование расширяются. В то время как уровни 7 и ниже ясно имеют дело с межпоколенческим нарушением, уровни 5 и выше более правильно сосредоточены на институциональном развитии в качестве драйверов для обеспечения более широкой трансмиссии.

Альтернативная рамка для оценки статуса и витальности языков в опасности была предложена группой экспертов ЮНЕСКО в 2003 году. Рамка ЮНЕСКО устанавливает шесть категорий в масштабе языковой витальности. Для оценки статуса языка рамка обеспечивает набор из девяти параметров, которые могут быть проанализированы для определения категории [11]. Параметры, входящие в данный набор, ранжированы по убыванию значимости, т. е. самый заметный из них — *межпоколенческая трансмиссия* — намного более важная характеристика, чем, например, тип и качество документации [12]. Список категорий и их соответствующий статус межпоколенческой трансмиссии представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Рамка языковой угрожаемости ЮНЕСКО [13]

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия
Безопасный (Safe)	На языке говорят все поколения; межпоколенческая трансмиссия не прервана.
Уязвимый (Vulnerable)	Большинство детей говорят на языке, но его использование может быть ограничено определенными сферами (например, дом).

Определенно находящийся под угрозой исчезновения (Definitely endangered)	Дети больше не изучают язык как материнский язык дома.
Серьезно находящийся под угрозой исчезновения (Severely endangered)	На языке говорят бабушки и дедушки и старшее поколение; поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нем с детьми или между собой.
Критически подвергающийся опасности (Critically endangered)	Самыми молодыми носителями языка являются бабушки и дедушки и старше, они говорят на языке частично и нечасто.
Вымерший (Extinct)	Носителей языка не осталось.

Таблица 5. Рамка языковой уязвимости ЮНЕСКО (уральские языки) [13]

Степень угрожаемости	Межпоколенческая языковая трансмиссия	Уральские языки
Безопасный (Safe)	На языке говорят все поколения, межпоколенческая трансмиссия не прервана.	
Уязвимый (Vulnerable)	Большинство детей говорят на языке, но его использование может быть ограничено определенными сферами (например, дом).	
Определенно находящийся под угрозой исчезновения (Definitely endangered)	Дети больше не изучают язык как материнский язык дома.	Восточно-хантыйский, луговомарийский, эрзянский, карельский, карельский (тверской), коми-зырянский, мокшанский, северно-саамский, северно-хантыйский, коми-пермяцкий, удмуртский
Серьезно находящийся под угрозой исчезновения (Severely endangered)	На языке говорят бабушки и дедушки и старшее поколение; поколение родителей может понимать язык, но не разговаривать на нем с детьми или между собой.	Ижорский, ненецкий лесной, карельский (тихвинский), саамский (кильдинский), людиковский, нганасанский, северно-мансийский, северно-селькупский, вепсский, горномарийский

Критически подвергающийся опасности (Critically endangered)	Самыми молодыми носителями языка являются бабушки и дедушки и старше, они говорят на языке частично и нечасто.	Восточно-мансийский, центрально-селькупский, энецкий лесной, водский
Вымерший (Extinct)	Носителей языка не осталось.	Карельский (валдайский), западно-мансийский

Ослабление позиций карельского языка. В октябре 2017 года ЮНЕСКО внесло изменения в «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», — три диалекта карельского языка (собственно карельский, ливвиковский и людиковский) и вепсский языки были включены в лингвистическую «Красную книгу» специализированного учреждения ООН [14, 15].

В сфере административной деятельности карельский язык не используется. В таких сферах, как судопроизводство, промышленное производство, сельскохозяйственное производство, сфера торговли и обслуживания карельский язык в основном не функционирует. В указанных сферах карельский язык может использоваться ограниченно на индивидуальном уровне в разговорной практике. Доминантными сферами для карельского языка можно считать сферы образования, СМИ и художественной литературы, хотя во всех этих сферах карельский язык софункционирует с русским языком. При этом русский язык обладает большей коммуникативной мощностью [16].

В отличие от шкалы Фишмана рамка ЮНЕСКО обеспечивает более богатый набор категорий на более слабых уровнях шкалы. Заметим, однако, что она не дифференцирует статус языков, которые находятся выше уровня 6 на шкале GIDS, и собирает их всех вместе под единственным названием «в безопасности».

В последних изданиях Ethnologue представлена попытка гармонизировать описанные выше модели, что нашло отражение в расширенной Шкале Фишмана (EGIDS) (Таблица 6).

Таблица 6. Расширенная GIDS — расширенная шкала, устанавливающая межпоколенческий разрыв (адаптирована на основе Шкалы Фишмана) [17]

Уровень	Лейбл	Описание	Уральские языки
0	International Международный	Язык используется на международном уровне для широкого ряда функций.	

1	National Государственный	Язык используется в образовании, работе, СМИ и управлении на общегосударственном уровне.	
2	Regional Региональный	Язык используется местными и региональными СМИ, для управленческих услуг.	
3	Trade Торговый	Язык используется в работе на местном и региональном уровнях как инсайдерами, так и аутсайдерами.	
4	Educational Образовательный	Грамотность в языке передается через систему публичного образования.	Карельский, марийский луговой
5	Written Письменный	Язык используется устно всеми поколениями и эффективно используется в письменной форме частями общества.	Эрзя, коми-пермяцкий, коми-зырянский, марийский горный, мокшанский, селькупский, удмуртский
6a	Vigorous Энергичный	Язык используется устно всеми поколениями и изучается детьми как их первый язык.	
6b	Threatened Под угрозой	Язык используется устно всеми поколениями, но только некоторые из детородного поколения передают его своим детям.	Хантыйский, ненецкий, мансийский, ливвиковский (карельский), вепсский
7	Shifting Меняющийся	Поколение детородного возраста знает язык достаточно хорошо, чтобы общаться между собой, но никто не передает его своим детям.	
8a	Moribund Умирающий	Единственные оставшиеся активные носители языка — члены поколения бабушек и дедушек.	Людиковский

8b	Nearly Extinct На грани исчезновения	Единственные оставшиеся носители языка — члены поколения бабушек или старше, у которых небольшие возможности использовать язык.	Энецкий лесной, энецкий тундра, ингерманландский, нганасанский, водский
9	Dormant Дремлющий	Язык служит напоминанием об идентичности для этнического сообщества. Язык выполняет символические функции.	
10	Extinct Вымерший	Никто не сохранил чувство этнической идентичности, связанное с языком, даже в символических целях.	

Для республики Коми доминирующими языками являются русский и коми. Функциональная и демографическая мощь языков неодинаковы: коми язык ограничен этническими рамками. Вместе они обслуживают все сферы общения в зырянском обществе, софункционируя как в регламентируемых/регулируемых, так и в нерегламентируемых/нерегулируемых. Все законы Республики Коми публикуются на коми и русском языках. Коми язык используется ограниченно в свидетельских показаниях, в остальных судебных процедурах — русский язык. При необходимости могут привлекаться переводчики. В сфере административной деятельности коми язык ограниченно используется в сельской местности с преобладанием коми населения. В городах и поселках городского типа административная деятельность осуществляется на русском языке [18].

Республика Марий Эл. С момента принятия закона о языках прошло более двадцати лет. За это время количество марийцев, владеющих своим родным языком, продолжало снижаться (1989 г. — марийским владело 92 % марийцев республики, в 2002 г. — 84,2 %, в 2010 г. — 68,1 %. Но даже те марийцы, которые пользуются марийским языком, часто «смешивают» его с русским. Уменьшается численность марийцев, считающих свой язык родным: 1989 г. — 88,4 %, в 2002 г. — 84,2 %, в 2010 г. — 72 %. Одновременно растет число марийцев, считающих родным языком русский, т. е. активно идет процесс языкового сдвига [19].

Республика Удмуртия. В сфере административной деятельности удмуртский язык практически не используется. Законом и Конституцией допускается его использование в местных органах власти. Удмуртский язык не используется в сфере судопроизводства. Ни в Конституции УР, ни в законе о языках нет статьи об использовании удмуртского языка в судопроизводстве [20].

Республика Мордовия. Демографическая мощь мордовских языков составляет в РФ 392 941 чел., т. е. 52,8 %. Доминантными сферами общения для мордовских языков можно считать сферу образования, СМИ, сферу художественной литературы и народного национального творчества, но ни одну из этих сфер мордовские языки не обслуживают полностью, везде софункционируя с русским, использование которого преобладает. Витальность мордовских языков вызывает опасения из-за узости их функционирования [21].

Состояние миноритарных языков, получивших статус государственных, в настоящее время не позволяет им полноценно выполнять функции государственных языков. Такой высокий юридический статус уязвимых языков призван скорее повысить их социальную роль, закрепить или создать условия для их всестороннего развития и совершенствования. На современном этапе язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом выживании людей. В российских условиях назрела необходимость в смене концептуальных подходов, в переориентации федеральных и региональных властей, т. е. в решении проблем языков как таковых, а не в поддержке этнических общин.

Литература

1. *Grin F.* Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. — P. 19–20.
2. Таблица составлена на основе данных информационной системы группы компаний «Интегрум». Дата запроса: 25 августа 2017 г.
3. *Малахов В.* «Национальная политика» как феномен политической речи // Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 47–65.
4. Таблица составлена по материалам Энциклопедии «Язык и общество». М.: Азбуковник, 2016.
5. From Theory to Practice — The European Charter for Regional or Minority Languages. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2001. — P. 46.
6. Закон Республики Карелия от 19.03.2004, № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия».
7. *Zamyatin K.* An Official Status for Minority Languages? // *Uralica Helsingiensia*. 6. Helsinki. 2014. — P. 16–17.
8. *Нерознак В. П., Орешкина М. В., Сабаткоев П. Б.* Русский язык в российском законодательстве [Электронный ресурс] // Грамота.Ру [справочно-информационный портал]. — URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_73.

9. *Sallabank, Julia* 2011: Language Policy for Endangered Languages. Cambridge Handbook of Endangered Languages. P. K. Austin & J. Sallabank (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 277–290.

10. *Lewis P., Simons G.* Assessing Endangerment: Expanding Fishman's GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. — 2010. — 2. — P. 103–120.

11. Investing in Cultural Diversity and Intercultural Dialogue. UNESCO World Report. — Luxembourg, 2009. — P. 77 // www.unesco.org/en/world-reports/cultural-diversity. — Дата обращения: 20.08.2018.

12. *Марусенко М. А.* Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. М.: ВКН, 2015. С. 114–115.

13. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger // www.unesco.org/culture/language-atlas. — Дата обращения: 20.08.2018.

14. *Нечаева А.* Поможет ли карельский язык остановить финскую экспансию? // <https://regnum.ru/news/society/2132060.html>. — Дата обращения: 10.05.2018.

15. *Новиков В.* Финская языковая экспансия в Карелии: под завесой «угрозы русификации» // <https://regnum.ru/news/society/2009230.html>. — Дата обращения: 11.05.2018.

16. *Кондрашкина Е. А.* Языковая ситуация в Республике Карелия // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. М.: Азбуковник, 2017. — С. 263–271.

17. *Simons, Gary F. and Charles D. Fennig* (eds.). 2017. Ethnologue: Languages of the World, Twentieth edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>. — Дата обращения: 30.09.2017.

18. *Кондрашкина Е. А.* Языковая ситуация в Республике Коми // Решение национально-языковых вопросов как фактор укрепления национальной безопасности России. М.: Азбуковник, 2017. — С. 272–279.

19. *Кондрашкина Е. А.* Марийский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. — С. 268–272.

20. *Кондрашкина Е. А.* Удмуртский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. — С. 502–506.

21. *Кондрашкина Е. А.* Мордовский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. — С. 289–293.

УДК 159.922.4

Психологические проблемы реформирования российской нации

В. К. Шабельников

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой
психологии и методологии образования Института психологии
имени В. С. Выготского Российского государственного гуманитарного
университета, shabelnikov@rambler.ru*

Аннотация. В современном мире обостряется противостояние народов, имеющих разную историю, разные мотивы и смыслы жизни. Стремление России включиться в сообщество экономически развитых стран наталкивается на глубокое отличие психологии жителей России, Западной Европы и США. Реформирование России по образцу экономически развитых стран провоцирует конфликт смыслов жизни в разных группах российского общества. Для преодоления этого конфликта необходимы действия государства, организуемые с учетом законов психологии и особого исторического опыта России.

Ключевые слова: Россия, государство, реформы, личность, мотивы, смыслы, деятельность, народ, история.

Psychological issues of reforming the Russian nation

V. K. Shabelnikov

*Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Psychology and
Methodology of Education, L.S. Vygotsky Institute for Psychology, Russian State
University for the Humanities, shabelnikov@rambler.ru*

Abstract: In the modern world is the confrontation of peoples with different history, different motivations and meanings of life. Russia's desire to join the community of economically developed countries faces profound difference between the psychology of the people of Russia, Western Europe and USA. The reform of Russia on the model of economically developed countries is provoking a conflict of meanings of life in different groups of Russian society. To overcome this conflict, the state, organized in accordance with the laws of psychology and special historical experience of Russia.

Keywords: Russia, government, reforms, personality, motives, meanings, activities, people, history.

В связи с резко обострившейся активизацией процессов, угрожающих дальнейшим распадом и противостоянием этнических и религиозных групп не только в мире, но и в России, необходима широкая организация работы по духовно-психологической консолидации российского общества. Межрелигиозные и межэтнические конфликты обостряются не только на Ближнем Востоке, в Африке и Азии, но охватывают и страны бывшего СССР. Всплеск пассионарности и рост этнической агрессивности связаны с дестабилизацией привычных форм жизни народов, включаемых в мировые экономические и информационные процессы. Этническое сознание тесно связано с укладом жизни народов и при разрушении этого уклада реагирует нарастанием агрессивности и экстремизма. Волны терроризма, охватившие разные страны, — это не клинический феномен, а массовый социальный процесс, вызванный противостоянием сознания многих народов стремлению включить эти народы в чуждые для них формы жизни и культуры.

Разрушение российского общества идет уже не одно десятилетие, учитывая, что распад СССР был лишь наиболее острым событием уничтожения прежде единой страны. Националистическая агрессия на Украине, направленная против России, — тоже лишь одно из текущих проявлений этого процесса. В логике социальной психологии важно понять, почему национальные элиты бывших советских республик, даже получавшие образование в Москве и Ленинграде, тем не менее поддержали усиление национализма и создали в учебниках и прочих произведениях отрицательный образ взаимодействия своих народов с Россией. При распаде СССР нужно было дать народам, отторгнутым от единого социального организма, психологическое обоснование суверенности, оправдать их отделенность от великой страны, от общей культуры, которой они прежде могли гордиться. Сознание масс требовало обоснования смысла произошедшего. Историкам новых государств пришлось изыскивать минусы соединенности их народов с Россией, обосновывать смысл произошедшей «суверенности». На такое очернение образа России явно рассчитывают силы, стремящиеся ослабить влияние нашей страны в мире.

Что противопоставляет этому Россия в сфере идеологии и психологии? Что в ответ на националистические идеи украинских политиков предлагает Россия для духовного объединения народов, десятилетиями считавших себя единым советским народом? Сегодня наиболее ярко озвучиваются идеи православного единства славянских народов. Эти идеи энергично пропагандируются в выступлениях на телевидении. Но объединяет ли такой образ патриотизма Россию или провоцирует разрыв страны по религиозному и этническому противостоянию? Можно ли на идее единения славянских народов объединить народы, не являющиеся славянскими и православными? Тем более привлечь к России народы окружающих ее стран?

В объективном анализе нужно не обвинять отдельных людей в их злых умыслах, ища в них причины глобальных социальных процессов. Нужно выявлять глобальные психологические механизмы, заставляющие людей действовать так, а не иначе. Что толкает в Евросоюз не

только Украину, но и другие народы бывшего СССР? Почему многие люди уезжают или стремятся в страны Европы или США? Реальные или ложные мотивы лежат в основе этих стремлений? Лишь на основе логики психологической организации мотивов можно продуктивно решать вопросы управления социальными процессами. Важно раскрывать и использовать механизмы психологической организации социальных систем, на которых строилось и должно строиться единение России.

В российском сознании много столетий борются *два вектора развития* страны. Один, особенно активно осуществляемый с середины 80-х годов XX в., выражает стремление российской элиты *включиться* в мир «развитых стран», быть принятыми в клуб демократических, экономически и культурно развитых народов, декларирующих себя элитой мира. Второй вектор развития страны — *быть центром* евразийской цивилизации, защищая народы Евразии от агрессивной политики «развитых стран», привлекая народы других регионов, утверждая идеалы духовности, социальной и экономической справедливости как базисной ценности мирового развития.

В последние годы кризис западной идеологии и осознание собственной значимости России усиливает стремление ко второму вектору. Однако что отличает Россию как социальную систему от систем, также стремящихся включать массы людей в сферы своей активности? США декларируют себя как «оплот демократии», утверждают ценности «свободы личности», свое противостояние странам, где якобы идет подавление личностей и малых групп «тоталитарной системой». Исламские движения декларируют ценности противостояния странам и цивилизациям, «разрушающим основы морали». Этнические группы в России и в других странах объединяет их родовая специфика и общая история. Идеи и ценности разные, возможно, спорные, но декларируемые и утверждаемые в их привлекательности для многих людей. *А какой образ или идею единения народов реализует Россия как основу своей целостности и привлекательности?* Укрепление России в мировом противостоянии сил требует понимания того, вокруг чего глобально ценно Россия соединяет народы, включая в себя разные национальные и социальные группы? Если люди должны стремиться к России, то *центром чего, психологически значимого для них, является именно Россия?* Вокруг чего наша страна может и должна объединять миллионы людей? Ведь не на формальном лозунге «единства России», а на реальном основании единения людей можно обеспечить целостность страны. Простая истина, что в основе человеческих действий и стремлений лежат психологические основания и что формирование этих оснований и стремлений подчиняется реальным психологическим законам, часто остается за пределами осознания и людей, и организаций, принимающих на себя ответственность управлять социальными процессами.

В основе действий и стремлений людей лежат мотивы, которые иногда представляют как потребности личности. Природа и происхождение мотивов многие столетия казались психологам загадочны-

ми. З. Фрейд, А. Н. Леонтьев и многие другие классики психологии признавали, что мотивы, движущие людьми и составляющие основу организации деятельности, не осознаются самими индивидами. Неспособность понять истоки мотивов приводила людей к самым разным трактовкам. Мотивы представлялись то воздействием «высших сил», то с людьми вели борьбу как с одержимыми злыми силами. Не понимая логики формирования мотивов, психологи часто характеризовали мотивы как проявление «врожденных» потребностей [1]. При этом вопрос о логике и механизмах самого «врождения» в людей мотивов и потребностей оставался за рамками объяснения.

В XVII–XIX вв. личность стали представлять как автономное образование, движимое базисными биологическими потребностями и стремящееся подчинить окружающих этим потребностям. Особенно прочно такое понимание личности утвердилось в европейском сознании в эпоху кризиса феодальных государственных систем и развертывания буржуазных революций. Идеологи революций, противопоставляя личность и общество, обосновывали необходимость разрушения прежних социальных систем, как бы мешающих реализации потребностей человека. В наши дни картина противостояния автономной личности и общества активно утверждается в массовом сознании для обоснования разрушения неугодных социальных систем. Вера в то, что потребности людей являются неким врожденным основанием их личности, столетиями вносит свой вклад в развитие и обострение социальных кризисов.

Исследования, проводившиеся нами и нашими коллегами более пятидесяти лет, показали, что любые потребности, включая «исходные» биологические, формируются в результате интериоризации (имплантации) в систему организма или личности полей напряжений или противоречий, возникающих в глобальных биологических или социальных системах, формирующих наши организмы и личность человека. Так называемые врожденные потребности являются продуктом интериоризации в системы организмов биосферных (геохимических) напряжений, создающих биологические функции живых систем [2]. Эти функции и воспринимаются как биологические потребности. Социальные же потребности, которые отличают человека и организуют мотивы личности, формируются в процессе усвоения людьми напряжений социальных пространств, в которых мы формируемся, и разворачиваются деятельности, определяющие организацию и общества, и личности [3]. Эти данные согласуются с положениями культурно-исторической концепции Л. С. Выготского и теории деятельности А. Н. Леонтьева, согласно которым личность формируется в ходе интериоризации (усвоения) логики социальных взаимодействий или структуры социально организованной деятельности [4].

В российском обществе периодически проявляется стремление перенимать формы жизни и деятельности из Европы или США. Брошенный в 60-х годах Н. С. Хрущевым лозунг «Догоним и перегоним Америку» стал вектором последовавшей затем перестройки российского общества. Однако насколько попытки реформировать Россию

по образцу западных стран соответствуют мотивам жизни и основам деятельности наших народов?

В истории Европы формировались три принципиально разных типа социальных систем, в основе организации которых лежали три разных типа «ведущей деятельности» народов [5]. Вначале люди жили охотой и обработкой земли, организуясь в родовые группы, жили семейными и общинными отношениями. В таких формах деятельности формируются мотивы взаимной поддержки, любви со стороны окружающих, признания через включение в защищающие людей родовые отношения. Такие социальные системы обеспечивают формирование базисных мотивов личности. В России и сегодня такой тип жизни сохранился у многих народов. Но в мягком климате Средиземноморья увеличивалась плотность населения, и социальные группы вынуждены были перейти к другому типу ведущей деятельности — войне. Тысячи лет в ходе военной деятельности в Европе формировались сложные государственные системы, подавлявшие местные этнические системы и объединявшие их не только силой, но и культурой, устранявшей этнические конфликты. В войнах рождались Греческая, Римская, Византийская империи. При этом энергия этносов, включенных в государства, снижалась, родовые группы переплавлялись в новые сообщества. Регионы Западной Европы в течение трех тысяч лет были территорией войн, разрушавших родовые системы и формировавших психологию индивидуализма и готовность к постоянной борьбе за личное выживание. Люди усваивали мотивы самоутверждения через служение государству и богам, возвышавшимся над пирамидами социальных иерархий.

Во втором тысячелетии в психологии западных европейцев произошли новые изменения. До XI в. нации Римской империи консолидировались религиозными мифами христианства, несшими образы будущего счастья в посмертном мире. Но в XI–XVII вв. Европа переживала глубокий кризис мировоззрения, спровоцированный несостоявшимся «вторым пришествием» Христа, которое ожидалось к завершению тысячелетия христианской эры. Кризис нереализованных ожиданий вначале породил выплеск агрессии, которая вылилась в Крестовые походы против иноверных. Кризис веры в Европе создал в XII в. вакуум ценностных идеалов, направляющих энергию масс. И это угрожало распадом европейской системы. А в XVI в. агрессия развернулась против католической церкви и освященных ею государственных систем. И вскоре наполнившая массы агрессия разрушения стабильных государственных структур воплотилась в миф о демократии как наиболее удачной форме организации общества. На смену объединявшему европейцев мифу о будущем спасении через веру в Бога пришел миф о рукотворном «светлом будущем», миф о «социальном прогрессе», воплощаемом в виде технического прогресса.

Выполнив свою военную функцию, государственные структуры Европы потеряли свою прежнюю значимость. В ходе кровавых революций государства реформировались в демократические сообщества «свободных» граждан, принимавших веру в самоутверждение лично-

сти через борьбу за построение нового мира. Техническая вооруженность армий и экономики обычно обеспечивала успехи в войнах и в мировой конкуренции. Военную аристократию, которая тысячи лет формировала структуру государств, сменили торгово-промышленные слои общества. Агрессия, реализуемая прежде в войнах, интериоризировалась в личную мотивацию, в стремление к индивидуальному самоутверждению, к приватизации социального и природного пространства, в потребность личности покорять окружающих силой своего богатства. Мотивы противостояния человека окружающим социальным группам укрепились еще больше.

Западная Европа создала представление о себе как центре мировой цивилизации, выставив успехи технической революции как главную ценность мирового развития. Миф о демократии и прогрессе стал надежным мифом, позволившим европейцам покорять другие страны, разрушая их своеобразие и утверждая господство своих идеалов. История человечества стала представляться в виде общего процесса, идущего в одном направлении, по пути технического и экономического прогресса. Благодаря этому все народы мира оказались распределенными на единой ценностной шкале, где наиболее ценными оказались «передовые страны» Европы и США. В ходе череды революций и колониальных войн идеи демократии стали стабильной ценностью культуры, оправдывая разрушение государственных систем, сформированных на основе родоплеменных, военно-аристократических или монархических принципов. Средства массовой информации стали представлять страны, имеющие техническое преимущество, лучшими во всех отношениях, включая формы культуры, морали и образа жизни, а страны и народы, не идущие путем технического «прогресса», — отсталыми, дикими, социально и культурно неразвитыми. Европейские образцы жизни, взгляды, одежда, этикет и манеры поведения стали представляться как передовые, а все, отличающееся от европейского, как «отсталое». Древние культуры народов стали представляться как тормоз в развитии.

Судьба России во многом иная. За прошедшие тысячелетия военная деятельность лишь выплесками распространялась на суровые земли, севернее и восточнее Германии или Польши. Поэтому народы Евразии сохранили традиционные этнические системы, сохранили родственные связи, а мотивы бескорыстной поддержки близких остались сильнее, чем мотивы борьбы за личное самоутверждение. Без этого невозможно выжить там, где логику жизни определяют не войны, а неурожай, наводнения и морозы. Российское государство сформировалось не на основе войн между местными народами, а путем подчинения этих народов вначале Рюриковичам и Орде, а затем князьям и дворянам, прибывающим из Европы. Государство России укреплялось за счет миграции аристократии, вытесняемой из Европы волнами западных революций. Но, в отличие от покорителей Америки, массово уничтожавших коренное население, дворяне России не могли обойтись без местных народов и почти не вмешивались в их традиционный образ жизни. Если в Европе и США этнические системы были

основательно разрушены, то в России сложилась *двухслойная система, сохраняющая два психологически и культурно разных слоя*. Государственные структуры России принимали индивидов, отрывавшихся от родовых систем, но объединяли и этносы, живущие своей особой жизнью. Поэтому народы России сохранили свои традиции, культуру, национальные обычаи и вековые смыслы жизни. В итоге возникло сложное взаимодействие этнических систем и государства, защищающего народы от уничтожения, но подавляющего крайние формы их противостояния, стремление перейти в межнациональные войны, веками шедшие в Западной Европе.

Имея корневую связь с Европой, правящее сословие России вносит в российское сознание европейские идеалы и бессознательное презрение ко всему местному, как выражающему образ низшего сословия страны. Дворяне перенимали схемы культуры в западных странах, на столетия опережавших Россию в логике исторических кризисов. Дворянская аристократия управляла страной, пока главным вектором политики было расширение страны и основной деятельностью государства оставалась война. Но к XIX в. Россия расширилась до границ океанов и стран, уже прошедших волны военной и религиозной организации. Военная функция формирования страны была исчерпана, и, переживая кризис потери значимости дворянства, Россия начала воспроизводить логику промышленных революций, заимствуя из Европы мифы о демократии, о прогрессе и свободе личности. Пережив уже в XIX в. идеи о том, что экономика и частное предпринимательство являются основой жизни людей, финансово-экономические слои России пытались реформировать страну по западному образцу, невзирая на психологию народов, не учитывая значимости традиционных мотивов. Итогом этих попыток стала революция, свергнувшая и дворян, и экономически активные слои общества.

«Передовое» стремление к западным демократиям и «реакционные» ценности сохранения российского своеобразия столкнулись как разные векторы развития страны, как два пути развития нации и в XIX, и в XX веках. Один путь — включиться в «цивилизованное мировое сообщество», стать его частью, приняв требования к перестройке своей культуры и психологии. Другой — объединить вокруг России не только ее собственные народы, но и народы других стран, развивать страну как один из центров мировой цивилизации. Второй путь предполагает определение особой роли России в решении мировых проблем, непосильных для других стран. Россия может стать центром притяжения для многих народов, но для этого необходимо ясное осознание ее особой функции в развитии современного мира. В этом движении энергия социальных процессов могла бы притягивать к России страны и народы, включающиеся в решение значимой мировой задачи.

Было бы ошибкой рассматривать отношение западных стран к России как агрессию. В отношении Запада к России нет сознательно-го злого умысла. С точки зрения взаимодействия органических систем это, скорее, искреннее стремление включить страну в свои структу-

ры, в свои энергетические потоки. Любое включение одной функциональной системы в другую систему — это не механическое взаимодействие, а ассимиляция включаемой системы более мощным организмом. Здесь работают принципы взаимодействия живых систем, законы ассимиляции. Ассимиляция — это не техническое слияние, а поглощение одной системы другой. Например, волки или львы могут ассимилировать быка, включая его в свой организм. Но вначале быка нужно обездвигить, а затем еще и разжевать, растворить его жесткие структуры своими соками, а затем ассимилировать в логику движения своих процессов. Россия при ассимиляции ее развитыми странами должна быть максимально обездвигана, расчленена и после растворения включена в организмы «передовых стран». Это неизбежная логика включения живых систем в системы, почти равные им по объему. Не нужно думать, что ассимиляция зайца или быка — это проявление агрессии хищников. Это, скорее, проявление их любви, их стремления к слиянию [6].

С точки зрения логики функциональных систем с самого начала понятно, что установка на включение России в «сообщество развитых стран» предполагает не только отделение от России ее прежних республик, но и последовательное разрушение внутренней структуры страны. Ведь «развитые страны» — это тоже живые функциональные организмы, живущие своими потребностями. Конечно, «развитые страны» заинтересованы во включении России в свое сообщество. Им нужны ресурсы, нужна территория России. Но каким образом может включить европейское сообщество глобальную и сложную Россию в свои уже сложившиеся системы? Нужны ли этим странам еще и народы России с их «неразвитой» традиционной психологией, с неправильным, «не демократическим» укладом жизни?

Ассимиляция социальных систем по методу волков или львов — это довольно жесткий метод, связанный с резким разрушением общей структуры поглощаемых организмов. Это проявляется в войнах, в жестких силовых операциях. Но современное западное общество породило более изящные методы ассимиляции, применяемые и к России, и к другим странам. Пауки, например, не стремятся разгрызть свою жертву, ломая ее на куски. Паук мягко оплетает муху или осу своей паутиной и затем впускает свои пищеварительные соки, провоцирующие движение потоков из тела жертвы в тело паука. Внешне муха или оса остаются целыми, а в паука перетекают лишь нужные ему вещества, которые он ассимилирует. Это технологии организации потоков веществ, финансов, энергий и людей, перетекающих из более слабых стран в энергичные социальные организмы, которые активно применяются и к России.

«Растворяющим соком», внедряемым ассимилирующими социальными системами в ассимилируемые ими страны, являются ценности, идеалы и иные формы культуры. Культура западных стран стала заменять культуру России своими художественными формами. В ходе жесткой психологической войны демократизация страны проводится как вытеснение основ традиционной культуры из сферы формирова-

ния психологии масс. США особенно заинтересованы во внедрении в сознание народов своей культуры, подобно пауку, вбрасывающему свои размывающие соки в чужие организмы. Особо важную роль в размывании основ российской нации играют мифы об идеологизации СССР и о «свободе слова» в западных странах. На основе этих мифов государство устранилось из сферы сохранения традиционных основ российской культуры. Десятилетиями под видом «деидеологизации» страны проводится ее активная *рекультуризация*.

Но активно начатая перестройка России натолкнулась на две серьезные проблемы. Первая проблема — это духовный кризис западного общества, порожденный результатами технократической цивилизации. Спустя столетия прогресса свободные граждане устали радоваться своей свободе и перестали жить верой в светлое будущее. Вера в то, что капитализм и экономический прогресс делают людей счастливыми, пошатнулась уже в XIX в., что затем выразилось в волне депрессий, в культуре модернизма, импрессионизма и экзистенциализма, в философии К. Маркса, О. Шпенглера, Ж. П. Сартра. Экономическое благополучие дополнилось упадком объединяющих людей векторов устремленности. Стремление к личному самоутверждению в борьбе с конкурентами оказалось не слишком надежной основой мотивации жизни людей. Потеря стремления к личному самоутверждению привела к кризису мотивов и смыслов, к спаду энергии жизни, к наркомании, алкоголизму и гомосексуализму.

Теперь многие бывшие благополучные страны активно заселяются и покоряются более агрессивными и энергичными народами. В значительной мере миграционный кризис XXI в. обострился традиционным самомнением европейцев, привыкших видеть себя носителями высокой культуры и образцом духовного развития, а представителей африканских и азиатских стран недоразвитыми людьми, якобы готовыми всему учиться у европейцев, включаться в их культуру, воспринимая их образ жизни и мировоззрение. При этом вопрос о том, как видят самих европейцев представители других народов, остается вне сферы понимания идеологов мультикультурализма. Стремление российской элиты включить Россию в сообщество «развитых» стран выглядит на фоне упадка привлекательности западного пути развития не слишком убедительным для основной массы народа.

Вторая проблема, стоящая на пути реформирования России по образцу западных стран, это отсутствие у большей части населения мотивов борьбы с окружающими ради самоутверждения через личное обогащение. Отсутствие у россиян опыта тысячелетних взаимных войн и борьбы за захват территорий является психологической причиной недостаточной личной ущемленности и слабо развитой внутренней агрессивности, необходимых для мотивации индивидуальной борьбы на рынке экономической конкуренции. Особенно неразвитость мотивации личной борьбы и стремления к победе проявляется у представителей коренных этносов России, сохранивших традиции общинной жизни, т. е. представителей народа, до 1861 г. относившегося не к воинскому сословию, а к закрепощенному слою населения [7]. Поэтому

стремление перестроить Россию по образцу развитых западных стран приводит не только к финансовому, но и к культурному расслоению общества, воспринимается значительной частью населения как завоевание страны чуждыми силами.

Проблема недостаточной сформированности у жителей России мотивов индивидуального предпринимательства особенно актуальна на фоне обостряющегося в мире социобиосферного кризиса, связанного с дефицитом природных ресурсов, необходимых для дальнейшего развития мировой экономики и технического прогресса, охватывающего все новые страны. Вековая сохранность природных ресурсов и открытость экономики делают Россию территорией, особенно привлекательной для ее покорения экономически и политически развитыми социальными системами. Сегодня жесткость сурового климата, защищавшая Россию от тысячелетних средиземноморских войн, не является препятствием для финансово-экономического освоения ее территорий. Проблемы возникают лишь в связи с наличием в России многомиллионного местного населения, привыкшего жить своими традиционными мотивами и отношениями. Оставаясь за рамками финансово-экономической борьбы за завоевание территорий и ресурсов, коренное население России отвечает на новые условия жизни либо уходом в алкоголизм и социальную апатию, либо скрытым наращиванием агрессивности.

В отличие от уже погашенных в их родовой энергии народов Западной Европы, этнические группы России сохраняют и мотивы национального противостояния. В этом заключается и особая сложность России, и особая роль в современном мире. Россия столетиями сдерживала сепаратную энергию этносов, обеспечивая их мирное взаимодействие. Должна ли Россия повторить опыт народов Европы, пролегающий через столетия религиозных и национальных войн, пройти болезненный процесс формирования индивидуальной агрессивности и предприимчивости, что необходимо для успеха частного предпринимательства в условиях современной финансово-экономической борьбы? Или наше государство найдет возможности предотвратить нарастание межэтнических и религиозных конфликтов путем функционального включения в социальную деятельность групп населения, не принимающих мотивы, необходимые для активного включения в экономику частной собственности? Формирование в России взаимодействия всех групп общества и государства — это необходимый процесс, поскольку государство способно обеспечить условия целостности многоэтнического общества, разнообразного по векторам жизни народов. Операции по демократизации России всегда приводили к ослаблению консолидирующей роли государства и провоцировали криминальные и национальные войны. Так было и при кризисе монархии Романовых, и при кризисе Советского государства.

В России уделяется нужное внимание совершенствованию армии, ее вооружению и боевой подготовке. На фоне обострения мировой обстановки это чрезвычайно важно. Вместе с тем совершенствование военной техники и обеспечение армии самыми современными

средствами не дает уверенного ответа на вопрос о том, против кого будут направлены эти средства завтра? Это вопрос не риторический. Дж. Дудаев, А. Масхадов, а также многие генералы и офицеры на Украине получали свои воинские звания и подготовку в армии СССР. На Украине используют боевые средства и знания, приобретенные когда-то в единой стране. Останутся ли союзниками России страны, участвующие сегодня в совместных учениях? Можно мощно укреплять армию техническими средствами, а в это время формируются внутренние конфликты, связанные с противостоянием мотивов, движущих людьми. Логика мышления и традиционные ценности россиян с большим трудом переподчиняются ценностям и идеалам групп, ассимилирующих Россию. Достаточно ли наше общество уделяет внимания разработке не только военных программ, но и психологических технологий формирования мотивов, направляющих активность людей, включая формирование векторов агрессии и симпатии? Какие профессиональные группы России отвечают за нарастание или преодоление националистических и фашистских тенденций на Украине и в самой России, за наращивание или преодоление исламского экстремизма в странах СНГ? Мы давно не живем в мире, где эти процессы развивались стихийно. Или миссия управления сознанием народов окончательно передоверена западным технологам?

Что заявляет Россия в ответ на стремление Украины в семью Западных стран? Идея, что мы и сами туда стремимся и что, в общем, это хорошо. В таком случае Россия с некоторым отставанием пристраивается к плывущему на Запад каравану, вслед за Латвией, Грузией, Молдавией и Украиной. России нужно следовать за плывущими впереди кораблями, не опаздывать с перестройкой своей политики и догонять лидирующие страны, осваивая опыт их ассимиляции в семью «передовых стран», добиваясь признания себя тоже страной, достойной принятия в международный элитарный круг. Но что положено быку, не положено Юпитеру. Россия ответственна за десятки своих народов, далеких по образу жизни и сознания от культивируемых западных образцов.

Опыт взаимодействия и сосуществования в общей стране народов, исповедующих разные религии, имеющих разные традиции и разную психологию, сегодня приобретает особую ценность для человечества. Европа переживает кризис демократических мифов, крах мультикультурализма, обострение национальных конфликтов. Ожидание легкой ассимиляции в европейскую среду представителей народов, живущих своими традициями, имеющих разную психологию, оборачивается ростом национализма в самих европейских странах. Попытки соединить в единой общности людей разной культуры привели к выбору между двумя ложными путями — котел ассимиляции или война культур.

Фактически Россия давно решает проблему, определяющую особую роль нашей страны в мировом сообществе. Не демократизация отсталых стран и техническая революция являются главными проблемами современного мира. Главной проблемой человечества является жесткое противостояние стран и народов, имеющих разный уровень

социального развития, разные традиции жизни и формы мировоззрения. Сложные проблемы взаимодействия народов, исповедующих разные религии, стремящихся к разным идеалам и выполняющим разные функции в мировом сообществе, угрожают миру новыми войнами и уничтожением людей. Сложившаяся в мире ситуация требует от России принять на себя роль лидера в разрешении глобальных проблем противостояния народов, имеющих разные формы социального и психологического развития. У России есть опыт мирной интеграции народов и возможности распространения этого опыта на весь мир. Принятие Россией функции лидера духовной интеграции народов позволяет не только усилить роль страны в мировом сообществе, но и дать перспективы развития ее собственным народам.

Литература

1. «Само собой разумеется, — писал А. Н. Леонтьев, — что субъект как индивид рождается наделенным потребностями» // Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. Смысл. Академия. 2004. С. 145.

2. См.: Жизнь как функциональная система // Шабельников В. К. Психика как функциональная система. — Алма-Ата, 1986. С. 190–231; Шабельников В. К. Роль самоорганизации биосферы в возникновении и развитии жизни // Современные проблемы изучения и сохранения биосферы. Том 1. — СПб., 1992. С. 111–121.

3. См.: Шабельников В. К. Психологические следствия полиэтнического и моноэтнического развития. Европа и Азия // Национальное и интернациональное в воспитании. — Алма-Ата, 1994. С. 55–66; Шабельников В. К. Государство как выражение единства общества // Триалог: Государство — капитал — добровольческий сектор. Социальное партнерство ради устойчивого развития. — Алма-Ата, 1996. С. 167–174; Шабельников В. К. Демократизация Востока: психологические проблемы // Журнал «Развитие личности», № 1. — Москва, 1997. С. 84–100; Развитие личности в разных системах социальной детерминации // Журнал «Психология в вузе», 2010, № 5. С. 106–127; Гео-биосферная детерминация социальных процессов и конфликтов. Россия как субъект // В кн. Шабельников В. К. Функциональная психология. М., 2004, 2015. С. 511–575; Шабельников В. К. Смысловая организация деятельности как основа целостности государств // Сборник материалов Первого Евразийского конгресса политологов. — Алма-Ата, 2011. С. 172–177 и др.

4. «Всякая высшая психическая функция, — писал Л. С. Выготский, — необходимо проходит через внешнюю стадию развития, потому что функция является первоначально социальной» // Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 3. С. 144; «Но сознание не дано изначально и не порождается природой: сознание порождается обществом, — писал А. Н. Леонтьев, — оно производится» // Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. С. 77.

5. Четыре типа субъектности в истории психологии // В кн. Шабельников В. К. История психологии. М. 2011, 2015. С. 347–394.

6. *Лоренц К.* Агрессия. М., 1994.

7. 1861 год — это год отмены в России крепостного права. К этому времени Европа уже вступила в эпоху кризиса капитализма, а К. Маркс выпустил «Манифест коммунистической партии» (1848 г.) и работал над своим «Капиталом».

УДК 323.1(57)

Российский Север перед лицом актуальных и отложенных этнических проблем

А. К. Магомедов

*Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой
связей с общественностью, рекламы и культурологии; декан факультета
культуры и искусства Ульяновского государственного университета,
armagomedov@gmail.com*

Аннотация. В работе исследуются ключевые аспекты и особенности этнополитической ситуации на российском Севере. В центре анализа — актуальные (накопленные) и отложенные (потенциальные) этнические проблемы региона. Автор предлагает рассматривать этносистему Арктики в тесной связи с полярной экосистемой, что позволяет проводить этнополитический анализ в терминах единой экосоциосистемы.

Ключевые слова: этносоциальная структура российского Севера, коренные народы Арктики, индигенный активизм, этническая мобилизация, кризисная риторика, миграционные процессы и арктические сообщества.

The Russian North in the face of current and deferred ethnic issues

K. Magomedov

*Head of the Department of Public Relations, Advertising and Cultural Studies;
Dean of the Faculty of Culture and Art, Ulyanovsk State University, Professor,
Doctor of Political Sciences, armagomedov@gmail.com*

Abstract. The paper examines the key aspects and characteristics of the ethnopolitical situation at Russian Far North. In the center of analysis - currents (accumulated) and deferred (potential) ethnic problems of the region. The author proposes to consider the ethnosystem of the Arctic in close connection with the polar ecosystem which allows for ethnopolitical analysis in terms of a single eco-social system.

Keywords: ethnosocial structure of the Russian North, Arctic indigenous people, indigenous activism, ethnic mobilization, crisis rhetoric, migration processes and Arctic communities.

В основу данной работы легли материалы полевого исследования автора, собранные в октябре 2018 г. во время командировки в Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Основными респондентами и информантами автора стали местные политики и управленцы, а также представители интеллектуальной элиты коренных народов Севера и рядовые ненецкие оленеводы из тундры. Именно их голос «из тундры» стал одним из важных источников исследования [2]. Во время опросов и интервью основное внимание фокусировалось на оценке этнической ситуации в округе.

Традиционный термин «межэтнический конфликт», используемый для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не подходит для понимания социальных реалий российского Крайнего Севера. Этносистему Арктики и Субарктики во многих своих чертах необходимо рассматривать в контексте полярной экосистемы. События последних лет (2013–2018 гг.), связанные с появлением на политической арене российского Севера протестного движения ненецких оленеводов «Голос тундры» (об этом ниже), показали, что в этнополитическом анализе и этнологической экспертизе нуждается весь Крайний Север, взятый как единая экосоциосистема. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтогенной конкуренции, например, между нефте- и газодобычей с одной стороны и технологиями оленеводства с другой.

Проблемы российской Арктики давно находятся в центре внимания мировых СМИ, аналитических центров и академических программ. Так, к числу наиболее громких программ по Арктике можно отнести программу «Арктические инициативы фонда Фулбрайта» (The Fulbright Arctic Initiatives – FAI), которая начала работать с 2015 г. при финансовой поддержке Госдепа США. В рамках заявленной «Панарктической» программы действуют конкурсы академических и гражданских инициатив по Арктике. В 2014–2017 гг. был реализован совместный японско-финский исследовательский проект *Russia's final energy frontier – Sustainability challenges of the Russian Far North* («Последние рубежи российской энергетики – вызовы устойчивому развитию российского Крайнего Севера») под руководством профессора Шиничиро Табата (университет Хоккайдо, Саппоро, Япония) и профессора Вели-Пекка Тюнккюнена (Александринский институт, университет Хельсинки). Не менее заметным можно признать проект по комплексному изучению городских центров арктической зоны России: в постсоветский период был инициирован норвежским Баренц-институтом и Университетом Дж. Вашингтона (США) и осуществлялся в 2012–2015 гг. Результатом проекта стала книга под редакцией Марлен Ларюэль «Новая мобильность и социальные изменения в российских арктических регионах» [3]. В центре исследования: миграции, трудовая и возрастная мобильность, проблема межэтнических и межобщинных взаимоотношений. Арктическая проблематика исследуется также в многочисленных учреждениях США, Канады, Западной Европы, Японии, Китая и т. д.

Вследствие распада СССР произошла деградация социальной, транспортной и хозяйственной инфраструктуры Арктики. Частью этого процесса стал миграционный отток населения северных территорий. В результате за постсоветские десятилетия в большинстве северных регионов сформировалось отрицательное сальдо миграции населения. С 1990 по 2011 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9807 тыс. человек до 7967 тыс. человек, т. е. совокупные потери северных территорий составили 1 млн 840 тыс. человек. Тем не менее, несмотря на описываемые процессы, в российской Арктике проживает две трети всего арктического населения планеты, здесь больше, чем где бы то ни было на Крайнем Севере, городов с населением более 100 тыс. человек. Важной особенностью расселения в Арктике является то, что, хотя это в целом территория с низкой плотностью населения, уровень урбанизированности здесь один из самых высоких в стране — около 80 % [4]. Однако, к сожалению, в отечественной науке население арктических городов исследуется слабо. Но именно арктическая урбанизация и развитие городских и сельских полярных сообществ является одним из активно развивающихся направлений арктических исследований в мире [5]. На этом фоне в отечественном североведении доминируют исследования, посвященные, как правило, военно-стратегическим (безопасность, милитаризация), ресурсно-коммуникационным (добыча природных ресурсов и Северный морской путь), геополитическим (международное право и раздел Арктики) аспектам Арктики [6]. Например, в дайджесте экспертно-аналитических материалов по Арктике, опубликованном в 2016 г., доминирующими являются четыре направления: 1) международные отношения и политика — 13 книг и докладов; 2) экономика Арктики, проекты освоения — 14 книг и докладов; 3) климат и экология Арктики — 12 книг и докладов; 4) Северный морской путь — 10 книг и докладов [7]. Еще один крупный недостаток отечественных арктических исследований — невнимание к культурным аспектам освоения полярных регионов, к проблемам идентичности, мотивации, миграции. Даже в советские времена выходили книги, посвященные человеческому и гуманитарному измерению Арктики [8]. Эти и другие факты свидетельствуют о том, что проблема этнических взаимоотношений в Арктике и Субарктике остается, к сожалению, периферийным сюжетом для отечественных исследователей [9].

Если перейти к анализу межэтнической компоненты арктической жизни, то одна из основных особенностей Севера — высокая, по сравнению с другими регионами России, толерантность полярных сообществ. Высокая межэтническая толерантность и готовность к взаимовыручке являются частью этой общей атмосферы.

Миграционные сети и проблема диаспор в городах Арктики: Север как зона притяжения российской провинции и внешних мигрантов

На протяжении последних десятилетий отдельные районы Севера России пережили приливы и отливы населения, во многом связанные не столько с внутренней ситуацией этих районов, сколько с более общими социально-экономическими процессами, происходившими в

стране в целом. Ярчайший пример внешних причин миграций на Север можно было наблюдать в летние месяцы 2014 года, когда множество мигрантов с Востока Украины, охваченного боевыми действиями, оказались на Севере России, за тысячи километров от горячей точки, еще до официального распределения беженцев по регионам. Так, в Ноябрьске, по последним данным переписи населения, более 40 % жителей — этнические украинцы [10]. В этой связи особенно актуальной становится межэтническая политика и межобщинная ситуация в «нефтегазовых» городах Приполярья, куда прибывают трудовые мигранты из российских регионов, Средней Азии и Кавказа. Потенциальные конфликты и линии напряжения возможны по следующим линиям: 1) между различными сообществами и диаспорами; 2) между властями и землячествами (культурно-национальными автономиями); 3) между «силовиками» и этническими меньшинствами. Количественное увеличение мигрантов и диаспоральных общин в полярных городах может привести как к новым этническим конфликтам, так и к использованию новой человеческой энергии и профессионального потенциала для укрепления региональной экономики и гражданского общества.

Новые тенденции в российской Арктике — изменение социокультурной и этнической ситуации и постепенное формирование многоэтнического общества на Крайнем Севере

При формировании этнонациональной политики России необходимо учитывать региональную специфику межобщинных отношений. В частности, замещение старожильческого населения в результате миграции, притока неадаптированных к условиям Севера мигрантов, не нацеленных на долговременное проживание, влечет риски роста межэтнической напряженности. Неконтролируемая миграция, лоббируемая недобросовестными работодателями, может выступать важным фактором, негативно влияющим на межэтнические отношения. Еще одна линия потенциального напряжения, которая нуждается в мониторинге, — «специфические формы русского населения». Имеется в виду старожильческое русское население Севера, которое веками проживало рядом с КМНС и имело похожий хозяйственно-экономический уклад. Эта тема может влиять на формирование культурного облика Арктики, который пока складывается из двух частей: 1) культуры КМНС с общей «аборигенной» идентичностью; 2) общероссийской культуры, которая фигурирует во всех российских регионах: литература, музыка, театральное искусство и т. д. В этой культурной конфигурации слабо просматривается культура Русского Севера — ее не видно в самовосприятии полярных региональных сообществ. Например, чтобы не было так называемой поморской проблемы (когда поморы в Архангельской области выделяли себя в качестве особого этноса, дистанцируясь от русского мегаэтноса), необходимо признавать и популяризировать региональное разнообразие русской идентичности. «Интеллектуальным материалом» для формирования региональной идентичности и образа малой родины северных территорий должны выступать культуры КМНС, общероссийская культура и культура Русского Севера.

Коренные народы Севера и Российское государство. Конфликтотенный потенциал проблемы статуса коренных народов Севера в контексте стремительного ускорения промышленного освоения Арктики

Данный аспект является не только потенциально очень конфликтотенным для российской внутренней политики, но и выигрышным с точки зрения медийных и публично-политических атак на Россию. В Германии даже существует Общество защиты притесняемых народов (GfbV), которое развернуло активную деятельность против российских энергетических компаний, работающих на Севере. Руководитель этого общества Ульрих Делиус в своей публичной деятельности заявляет, что «Роснефть» своей деятельностью в Арктике «вбивает гвоздь в крышку гроба коренных народов Севера». Совместно с послом Украины в Германии они развернули информационную кампанию о том, что доходы российских нефтегазовых компаний идут на войну против Украины, а деньги, полученные от торговли ресурсами, закрепляют худшие привычки российской элиты и народа» [11].

В России доля коренных малочисленных народов Севера (здесь и далее — КМНС) относительно всего населения, проживающего в Арктике, незначительна. Общая численность КМНС, проживающих в северных регионах на начало XXI века, составляла 8-8,5 % населения. На Аляске доля коренных составляет 14,9 %, в арктической Канаде — 50,8 %, в Таймырском районе Красноярского края — 24,8 %, в Ненецком и Чукотском АО — 18,7 и 31,3 % соответственно [12].

В последние десятилетия темпы освоения северных земель, связанные с развитием нефтегазовой и горнодобывающей отраслей, стремительно ускорились. Застарелой и назревшей проблемой является порядок определения принадлежности к коренным народам. Неопределенность официального статуса коренных народов несет в себе высокий конфликтотенный потенциал. В частности, данный вопрос весьма остро был поставлен президентом АКМНСС и ДВ Григорием Ледковым на выездном заседании Совета по международным отношениям, который прошел в Ханты-Мансийске 26 октября 2018 г. под руководством В. В. Путина. Г. Ледков вынужден был констатировать, что, из-за того что государство не выработало критериев, по которым можно идентифицировать коренные народы Севера, аборигены не могут решить многие житейские проблемы. Другим важным конфликтотенным вопросом, тесно связанным с проблемой принадлежности к коренным народам (и вытекающая из нее), стала проблема доступа аборигенов к земле, охотничьим и рыбным ресурсам. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», принятый в 2001 г. и обновленный в 2011 г., вводил серьезные ограничения для аборигенов в плане пользования землей и ресурсами. Так, новый проект закона от 2011 г. говорит о том, что если человек хочет считаться коренным, то должен отвечать следующим критериям: а) придерживаться традиционного образа жизни, занимаясь оленеводством, рыболовством, охотой; б) жить в местах проживания своих предков; в) знать родной язык. Од-

нако каждый из этих пунктов вызывает большие вопросы, поскольку многие аборигены Арктики заняты в ТЭК, торговле, различных отраслях индустрии, являются лицами свободных городских профессий. В результате зарубежные ученые, исследующие положение коренных народов Севера, представляют ситуацию как циничное и целенаправленное притеснение прав аборигенов со стороны Российского государства. Весьма показательна точка зрения американской исследовательницы, профессора Джорджтаунского университета Марджит Балзер, которая пишет, что «государство намеренно сужает определение «коренные» настолько, насколько это возможно для того, чтобы как можно меньше людей имели доступ к земле и охотничьим ресурсам. Новые правовые ограничения в отношении коренных народов Севера, изложенные в новых законах, направлены на дальнейшее искоренение земельных прав аборигенов Севера в пользу российских энергетических, транспортных и горнодобывающих проектов». В этом, считает Марджит Балзер, заключается «стратегический холод российского государства в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и их организаций» [13].

Однако самосознание некоторых коренных народов и их идентичность в последние годы формируется на основе этнической и родовой мобилизации на низовом уровне экологическим активизмом, заботой о земле предков и языковой солидарностью. Упорство индигенной этничности растет как ответ на экологические и технологические вызовы. Именно данные обстоятельства привели к возникновению массового протестного движения «Голос тундры», организованного по сетевому принципу.

Упорство индигенной этничности: экологическая активность и этническая мобилизация. «Голос тундры» как социальный и политический проект на низовом уровне

Исследователями отмечается тот факт, что политикой возрождения индигенных культур заняты преимущественно городские жители, которые имеют хорошее образование и возможность общаться на международном уровне. Население, занятое традиционным хозяйством, часто лишено возможности такого участия и в принципе не включено в данные политические процессы [14]. Однако события последних лет показали, что это мнение ошибочно. 2016 год ознаменовался выходом на политическую арену Ямала такой фигуры, как оленевод-частник Ейко Сэротэтто, который создал в соцсетях («ВКонтакте») сообщество «Голос тундры» [15], и оно со временем было преобразовано в политический проект. Многие проблемы аборигенного населения Ямала стали известны именно благодаря Ейко Сэротэтто. В основе описываемых процессов лежат ресурсные проблемы российского Севера. Здесь необходимо отметить главное. Полуостров Ямал — крупнейший очаг оленеводства в мире, а ненцы по-прежнему связывают свое благосостояние и смысл жизни с оленем. Однако природно-климатические потрясения последних лет — гололед зимой 2013–2014 гг. и вспышка сибирской язвы летом 2016 г. — встревожили ненецкое сообщество, особенно когда власти Ямала объявили о планах сокращения поголо-

вья оленей. Сэротэтто разместил петицию на имя президента России о сохранении поголовья оленей, жалобу на ущемление прав аборигенов и обвинения в адрес чиновников профильного департамента в том, что чиновники не знают настоящей жизни тундровиков. Далее была размещена петиция «Сохранить дом ненцев», в которой утверждалось, что сокращение числа оленей выгодно газодобывающей отрасли («ТЭК мешают кочевники и наши олени»). В ответ окружные власти обвинили оленеводов в информационной войне. Дело даже дошло до того, что активисты группы «Голос тундры» были объявлены иностранными агентами. В частности, директор департамента внутренней политики ЯНАО Сергей Климентьев, выступая в региональном Заксобрании, заявил, что в регионе искусственно создается точка напряжения, чтобы образовать новую политическую реальность: «Это большая наступательная информационная операция, которая, конечно же, имеет свой сценарий и свое управление» [16]. Однако, думается, властям нужно обратить внимание на назревшие проблемы, вместо того чтобы скоропалительно обвинять активистов сообщества в подготовке «полярного Майдана» [17]. По словам приуральских и ямальских оленеводов, самая большая проблема, с которой оленеводы столкнутся в ближайшем будущем, — нехватка пастбищ, которые отторгаются под промышленные нужды [18]. Аналогичные рассуждения высказывали оленеводы Тазовского района: именно соперничество в сфере землепользования лежит в основе негативной оценки представителей ТЭК [19].

Таким образом, исследование показало, что общеупотребляемое понятие «межэтнический конфликт», используемое для объяснения кризисных проявлений в сфере этнических взаимоотношений, не совсем релевантно для понимания этносоциальных реалий российского Севера. Описанные в статье ямальские события 2013–2018 гг., в основе которых лежат ресурсные проблемы, доказывают, что этносистему Арктики и Субарктики во многих своих чертах необходимо рассматривать в контексте полярной экосистемы. Именно такой подход позволит превратить этнополитический мониторинг и этнологическую экспертизу в способ минимизации последствий конфликтотенной конкуренции, например, между нефте- и газодобычей с одной стороны и технологиями оленеводства с другой.

Литература

1. Используемые в работе термины: Арктика, Север, Крайний Север — рассматриваются как синонимы, хотя обладают различным экономическим, географическим и политическим содержанием.
2. Автор благодарит Эдуарда Хабэчевича Яунгада, руководителя ассоциации «Ямал — потомкам», депутата Законодательного Собрания ЯНАО; Олега Прокопьевича Сюгня, начальника отдела организационной работы департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО; Юрия Вячеславовича Лаптандера, начальника

отдела АПК и делам КМНС Приуральского района ЯНАО, которые организовали 3-дневную поездку к родовым угодьям ненецких оленеводов-кочевников (угодья расположены в 200 км от Салехарда). Маршрут путешествия пролегал по факториям Пунг-Ю, 96 км железной дороги Обская — Бованенково, Степино и Паюта. Автор также признателен Галине Павловне Харючи, зав. сектором этнологии государственного казенного учреждения «Научный центр изучения Арктики» (Салехард), за ценные советы и рекомендации.

3. *Laruelle, Marlene (Ed.) New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions.* Abingdon: Routledge, 2017.

4. *Шапаров А. Е.* Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север, 2015, № 21. С. 98–117.

5. Приведем лишь некоторые работы: *Urbanization and the Role of Housing in the Present Development Process in the Arctic* // Klaus Georg Hansen, Soren Bitsch and Lyudmila Zalkind (eds.). Nordregio Report. 2013; Berman M., Lance H. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movement in the Arctic // Proceedings of the International Conference on Urbanization of the Arctic, Nuuk, Greenland. August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012. P. 108-122; Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages. Ed. by J. Nyman and G. Fondahl: Nordisk Ministerrad, 2015.

6. Типичные примеры такого рода изданий: И. С. Зонн, С. С. Жильцов. Арктическая гонка: захватить и разбурить. М.: Восточная книга, 2013. — 264 с.; Россия в Арктике. Вызовы и перспективы освоения / Под ред. М. В. Ремизова. М.: Ин-т национальной стратегии, Книжный мир, 2015. — 384 с.

7. Арктика XXI век: политика, экономика, экология: дайджест экспертно-аналитических материалов / сост. В. С. Ефимов, Е. Е. Верховцева. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016.

8. *Яновский В. В.* Человек и Север. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1969. — 158 с.; Куцев Г. Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. — 217 с.

9. *Шапаров А. Е.* Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север, 2015, № 21. С. 98–117. Гораздо активнее развивается арктическая антропология и историческая этнология, наиболее ярким представителем которых является российский антрополог, член-корреспондент, сотрудник Института истории и археологии УрО РАН А. В. Головнев. Приведем лишь некоторые публикации представителей уральской антропологической школы: Головнев А. В. Риски и маневры кочевников Ямала. Сибирские исторические исследования, 2016, № 4 (<https://cyberleninka.ru/article/n/riski-i-manevry-kochevnikov-yamala>); Головнев А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург: Альфа-принт, 2015. — 132 с.; Перевалова Е. В. Интервью с оленеводами Ямала о падеже оленей и перспективах ненецкого оленеводства // Уральский исторический вестник, 2015, № 2 (47).

С. 39–49; Головнев А. В., Абрамов И. В. Олени и газ: стратегии развития Ямала // Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2014, № 4 (27). ЭТНОЛОГИЯ.

10. *Анисимова Я.* Отголоски войны // Слово нефтяника, 27.06.2014 ([/http://slovon.ru/index.php/sotsium/717-otgoloski-vojny.html](http://slovon.ru/index.php/sotsium/717-otgoloski-vojny.html)).

11. В Германии раскритиковали уходящего в «Роснефть» Шредера // Newsader, 14.08.2017 ([/http://newsader.com/38681-v-germanii-raskritikovali-ukhodyashego](http://newsader.com/38681-v-germanii-raskritikovali-ukhodyashego)).

12. *Шанаров А. Е.* Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север, 2015, № 21. С. 98–117.

13. *Balzer M. M.* Indigeneity, Land and Activism in Siberia // Land, Indigenous Peoples & Conflict, 30.06.2015. P. 9–27.

14. *Владимирова В.* Транснациональные индигенные организации, либеральный мультикультурализм и нарративы об «индигенном сепаратизме» на Севере России // Сибирские исторические исследования, 2015, № 1. С. 29.

15. https://vk.com/golos_tundry.

16. <https://www.nakanune.ru/>.

17. *Иванов А.* Тундровый Майдан и Навальный-оленеvod // Завтра, 3.10.2016 (http://zavtra.ru/blogs/tundrovij_majdan_i_naval_nij-olenevod/).

18. Интервью автора с оленеводами на фактории Паюта Приуральского района ЯНАО, 27.10.2018; Интервью автора с Тимуром Акчуриным, исполнительным директором Союза оленеводов Ямала. Салехард, 24.10.2018; Интервью автора с Михаилом Хотэтто, руководителем общины оленеводов «Идебс». Салехард, 23.10.2018.

19. *Мартынова Е. П.* «Чужие» в Тазовской тундре // Вестник Томского государственного университета. История, 2013, № 4 (24) ([/https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhie-v-tazovskoy-tundre](https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhie-v-tazovskoy-tundre)).

Журнал «Вопросы этнополитики»

Подписано в печать 27.12.2018.

Формат 70x100 1/16.

Тираж 1050 экз. Заказ № ???

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru